

Владимирский государственный университет

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В РОССИИ: ИСТОКИ, ОЦЕНКИ, ЗНАЧЕНИЕ

**Сборник материалов по итогам международной
научной конференции**

24 – 25 октября 2017 г.

г. Владимир

Владимир 2019

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В РОССИИ: ИСТОКИ, ОЦЕНКИ, ЗНАЧЕНИЕ

Сборник материалов по итогам международной
научной конференции

24 – 25 октября 2017 г.

г. Владимир

Электронное издание

Владимир 2019

© ВлГУ, 2019
ISBN 978-5-9984-0960-8

УДК 94(470)"1917"

ББК 63.3(2)611

Редакционная коллегия:

Е. М. Петровичева	доктор исторических наук, профессор зав. кафедрой истории России <i>(главный редактор)</i>
Г. С. Егорова	кандидат исторических наук доцент кафедры истории России
А. В. Ляпанов	кандидат исторических наук доцент кафедры истории России

Издается по решению редакционно-издательского совета ВлГУ

Конференция проведена в рамках программы сетевых мероприятий опорных университетов РФ

Революция 1917 г. в России: истоки, оценки, значение [Электронный ресурс] : сб. материалов по итогам междунар. науч. конф., 24 – 25 окт. 2017 г., г. Владимир / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2019. – 192 с. – ISBN 978-5-9984-0960-8. – Электрон. дан. (1,35 Мб). – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: Intel от 1,3 ГГц ; Windows 7/8/10 ; Adobe Reader ; дисковод DVD-ROM. – Загл. с титул. экрана.

Включены материалы, представленные на международную научную конференцию, состоявшуюся во Владимирском государственном университете имени А. Г. и Н. Г. Столетовых 24 – 25 октября 2017 г. Содержит публикации, в которых рассматриваются актуальные проблемы истории России, связанные с революционными событиями 1917 г. Обозначены дискуссионные вопросы отечественной истории первой четверти XX в., актуализированы важные направления теории преподавания истории России.

Предназначен для научных работников, преподавателей вузов и учителей школ, аспирантов и студентов, интересующихся проблемами истории вообще и революции 1917 г. в частности.

ISBN 978-5-9984-0960-8

© ВлГУ, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
--------------------------	---

Часть 1. ПУБЛИКАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

Андреев Н. С.

Революция 1917 г. в России: семья и православные семейные ценности.....	11
---	----

Гарибян А. А.

Повседневное сопротивление крестьян в процессе коллективизации Армении.....	21
--	----

Глазунов С. Р.

Революция 1905 – 1907 гг. и реформа фабричного законодательства в России	29
---	----

Егорова Г. С., Андрианов А. А.

Образ белогвардейца в советском кинематографе (1940 – 1950-е гг.): от сталинского малюкартинья к хрущевской оттепели	35
---	----

Николаева И. А., Климова А. Ю.

Образ монархической власти и императорской четы в российской прессе накануне и в период революционных событий 1917 г.	44
---	----

Орлик Е. Н.

Революция как фактор социальной стратификации	51
---	----

Петровичева Е. М.

Роль земского самоуправления в развитии системы общественного призрения накануне 1917 г.	57
--	----

Петросян Д. И.

Постсоветская идентичность как наследие революции 1917 г.	64
--	----

Тряхов И. С.

Революция в советской пропаганде в начале Великой Отечественной войны (на материалах периодической печати Владимирского края).....	72
---	----

Часть 2. ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Акиншина А. Н.

Плакаты февраля – октября 1917 г.: визуальное освещение событий..... 77

Большакова Д. А.

Земское страхование накануне революции 1917 г.
(на материалах Владимирской губернии)..... 80

Воробьева Е. А.

Влияние Октябрьской революции 1917 г. на становление и развитие
форм советской архитектуры..... 86

Горина С. Р.

Проблема продовольственного снабжения русской армии в годы
Первой мировой войны как одна из предпосылок революции 1917 г. 92

Дегтева А. В.

Санитарное просвещение во Владимирской губернии накануне
Февральской революции 1917 г. 97

Дорофеева М. С.

«Женский вопрос» в трудах марксистов 101

Ильина Е. Б.

Революционные события на фабриках в Струнино
и Карабаново в 1917 г. 110

Метина В. Р.

Роль Владимирского попечительства о народной трезвости
в культурной жизни Владимирской губернии в начале XX века..... 114

Митрофанова А. Н.

Проблемы народного образования и общественного призрения
во Владимирской губернии в годы Первой мировой войны 122

Облицов М. А. Особенности революционных процессов

в Тамбовской губернии в 1917 – 1918 гг. 126

Опарин Д. А. Зарубежные СМИ об Октябрьской революции 1917 г.	138
Петиганова М. Н. Трансформация положения католических общин в России в ходе революционного процесса	142
Петрова В. А. Купеческий быт в конце XIX – начале XX века на примере Владимирской области	148
Птицына Г. М. Личный состав комиссаров Временного правительства во Владимирской губернии	155
Соколова М. Д. «Революция – это душевная боль русского народа»: революция в отражении взглядов И. А Ильина	165
Степанова В. С. К вопросу об изменении лесного законодательства России в 1917 – 1918 гг.	168
Якимычева И. А. Влияние социальных факторов на приход женщин в революцию	173
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	187

CONTENT

PREFACE	9
----------------------	---

Part 1. SCHOLARS' ARTICLES

Andreev N. S.

THE REVOLUTION OF 191 IN RUSSIA: FAMILY AND ORTHODOX FAMILY VALUES	11
---	----

Garibyan A. A.

EVERYDAY RESISTANCE OF THE PEASANTS IN THE COLLECTIVIZATION PROCESS OF ARMENIA	21
---	----

Glazunov S. R.

REVOLUTION OF 1905 – 1907 AND REFORM OF FACTORY LEGISLATION IN RUSSIA	29
--	----

Egorova G. S., Andrianov A. A.

THE IMAGE OF THE WHITE GUARDS IN THE SOVIET CINEMA (1940 – 1950-ies): FROM THE STALIN'S STANDSTILL TO THE KHRUSHCHEV THAW	35
---	----

Nikolaeva I. A., Klimova A. Ju.

IMAGE OF MONARCH POWER AND IMPERIAL PARTIES IN THE RUSSIAN PRESS ON THE EVE AND DURING THE REVOLUTIONARY PERIOD	44
---	----

Orlik E. N.

REVOLUTION AS A FACTOR OF SOCIAL STRATIFICATION.....	51
--	----

Petrovicheva E. M.

THE TERRITORIAL SELF-GOVERNMENT AND THE DEVELOPMENT OF PUBLIC CHARITY ON THE EVE OF 1917	57
---	----

Petrosyan D. I.

POST-SOVIET IDENTITY AS THE HERITAGE OF THE REVOLUTION 1917	64
--	----

Tryahov I. S. REVOLUTION IN SOVIET PROPAGANDA AT THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE MATERIALS OF THE PERIODICAL PRESS OF THE VLADIMIR TERRITORY)	72
--	----

Part 2. YOUNG SCHOLARS' ARTICLES

Akinshina A. N. POSTERS OF FEBRUARY – OCTOBER 1917: VISUAL COVERAGE OF EVENTS.....	77
---	----

Bolshakova D. A. TERRITORIAL INSURANCE ON THE EVE OF THE REVOLUTION OF 1917 (ON MATERIALS OF THE VLADIMIR PROVINCE)	80
--	----

Vorobyova E. A. THE EFFECT OF THE OCTOBER REVOLUTION ON THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF SOVIET ARCHITECTURE.....	86
--	----

Gorina S. R. THE PROBLEM OF FOOD SUPPLY THE RUSSIAN ARMY DURING THE FIRST WORLD WAR, AS ONE OF THE PRECONDITIONS OF REVOLUTION IN 1917	92
--	----

Degteva A. V. SANITARY EDUCATION IN THE VLADIMIR PROVINCE ON THE EVE OF THE FEBRUARY REVOLUTION 1917	97
---	----

Dorofeeva M. S. «WOMEN'S ISSUES» IN THE WORKS OF MARXISTS	101
---	-----

Ilyina E. B. REVOLUTIONARY EVENTS IN THE FACTORIES OF STRUNINO AND KARABANOVO IN 1917.....	110
---	-----

Metina V. R. THE ROLE OF VLADIMIR'S GUARDIANSHIP OF PEOPLE'S SOBRIETY IN THE CULTURAL LIFE OF VLADIMIR PROVINCE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY	114
--	-----

Mitrofanova A. N. PROBLEMS OF NATIONAL EDUCATION AND PUBLIC CHARITY IN THE VLADIMIR PROVINCE DURING THE FIRST WORLD WAR	122
Oblitsov M. A. FEATURES OF REVOLUTIONARY PROCESSES IN TAMBOV PROVINCE IN 1917 – 1918.....	126
Oparin D. A. FOREIGN MEDIA ABOUT THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917	138
Petiganova M. N. TRANSFORMATION OF POSITION OF THE CATHOLIC COMMUNITIES IN RUSSIA DURING REVOLUTIONARY PROCESS	142
Petrova V. A. MERCHANDISE LIFE AT THE END OF XIX – EARLY XX CENTURY ON THE EXAMPLE OF THE VLADIMIR REGION	148
Ptitsina G. M. THE PERSONNEL OF THE COMMISSARS OF THE PROVISIONAL GOVERNMENT IN THE VLADIMIR GUBERNIA	155
Sokolova M. D. «REVOLUTION IS MENTAL PAIN OF THE RUSSIAN PEOPLE»: REVOLUTION IN REFLECTION OF THE VIEWS OF I. A. ILYIN.	165
Stepanova V. S. TO THE QUESTION OF THE CHANGE IN THE FORESTRY LEGISLATION OF RUSSIA IN 1917 – 1918.....	168
Yakimycheva I. A. THE INFLUENCE OF SOCIAL FACTORS ON THE ARRIVAL OF WOMEN IN THE REVOLUTION	173
CONTRIBUTORS	187

ПРЕДИСЛОВИЕ

Революция, произошедшая в России столетие назад, – очень неоднозначное, многомерное явление, которое оказало колоссальное влияние на судьбу не только нашей страны, но и всего мира. Неслучайно в концепции, разработанной в Институте российской истории Российской академии наук, принято определение «Великая российская революция».

В нашем обществе до сих пор существуют разные, порой полярные мнения по поводу событий вековой давности. Для одних революция 1917 года и, в частности, Октябрь – трагедия, нарушившая естественный поступательный ход истории, для других – величайший триумф социальной справедливости. Для одних события 1917 года представляются случайными, для других – закономерными. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего глубокого изучения темы, актуальности представленного читателю сборника статей.

Сегодня, после исследований, проведенных учеными школы заведующего кафедрой новейшей истории Отечества МПГУ доктора исторических наук, профессора Эрнста Михайловича Щагина, мы воспринимаем революцию не как серию отдельных событий, переворотов, а как единый процесс, который начался в годы Первой мировой войны, продолжался весь 1917 год и, в соответствии с концепцией ИРИ РАН, – вплоть до 1922 года.

Для того чтобы ответить на существенные вопросы о причинах революции и ее последствиях, о том, стал ли 1917 год катастрофой российской государственности, необходимо исследовать не только непосредственный ход революции, но также предшествующие и последовавшие за ней события. Публикуемые в настоящем сборнике исследования и материалы вносят определенный вклад в изучение этих сложных проблем.

Статьи, посвященные экономическому и социально-политическому развитию Владимирского региона и всей страны в конце XIX – начале XX века, подтверждают, что экономика России переживала модернизацию и развивалась быстрыми темпами; в социально-политической сфере начались существенные перемены, складывались элементы гражданского общества. Эти процессы были прерваны Первой мировой войной, которая обострила противоречия, свойственные любому обществу в период модернизации.

Говоря об объективных и субъективных причинах революции, нельзя забывать об ответственности правящей и оппозиционной элит и, прежде всего,

«людей Февраля» – как говорил известный философ Федор Степун – за крушение традиционной российской государственности в 1917 году и все, что случилось со страной в последующие годы – еще в большей степени, чем об ответственности «людей Октября».

Ректор МПГУ доктор исторических наук, профессор Алексей Владимирович Лубков неслучайно говорит в своих статьях и выступлениях о единстве, дискретности и непрерывности нашей истории. Российские либералы, боровшиеся с традиционной монархической государственностью, оказались неспособными к созидательной государственной работе и фактически упустили власть, которую потом «подобрали» большевики. «Советский проект» остается еще недостаточно изученным и недооцененным как учеными, так и общественностью. Размещенные в сборнике статьи молодых ученых – попытка внести вклад в исследование этого сложного и многомерного периода российской истории.

Директор Гуманитарного института,
зав. кафедрой истории России ВлГУ
доктор исторических наук, профессор

Петровичева Е. М.

Часть 1. ПУБЛИКАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

УДК 316.4.05

Н. С. Андреев

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В РОССИИ: СЕМЬЯ И ПРАВОСЛАВНЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ

Революционные события в октябре 1917 года в России стали временем величайших перемен. Их последствия затронули все стороны жизни людей, социальные институты, социальные общности. Семья как социальный институт и как малая социальная группа в концентрированном виде испытала на себе радикальные перемены после трансформации основ общественно-политического устройства страны. Именно семья, с ее приверженностью к базовым православным ценностям, стала своеобразным индикатором этих революционных преобразований. Их объективная оценка остается актуальной для российского общества и в настоящее время.

Ключевые слова: общество, революция, семья как социальный институт, семейные ценности, семейно-брачные отношения, православие, пролетариат, крестьянство.

В.И. Ленин в предисловии к американскому изданию книги Дж. Рида «Десять дней, которые потрясли мир» писал, что вопросы, имеющие отношение к пролетарской революции и диктатуре пролетариата, подвергаются в настоящее время широкому обсуждению [10, с.27].

Н.К. Крупская в предисловии к русскому изданию книги Дж. Рида особо подчеркнула то, что Дж. Риду удалось как нельзя лучше передать настроение масс, на фоне которого понятны события Октябрьской революции [10, с.28].

Полагаем, что эти высказывания В.И. Ленина и Н.К. Крупской являются важными для понимания последствий событий осени 1917 года. Действительно, они стали эпохальными, во многом предопределившими ход всемирной истории. При этом заметим, что эти «десять дней» октября (по старому стилю) 1917 года изначально обозначались именно как Октябрьская революция, вызывая ожесточенные споры и прямо противоположные оценки и в XXI веке.

Как всякая революция, радикальные преобразования в сфере политики оказали влияние на все без исключения социальные институты общества. В этом плане особый интерес может представлять семья, выступающая в качестве института, с одной стороны, и в качестве малой социальной группы – с другой. Следовательно, в ней можно в концентрированном виде видеть ключевые

моменты преобразования общественных отношений, социальных связей и социальные противоречия. Более того, реальное изменение семейных отношений при определенных обстоятельствах играет ключевую роль в трансформации других сфер общества (экономики, политики, образования, религии).

Для понимания особенностей преобразования семьи как института и как малой социальной группы, а так же всей системы брачно-семейных отношений после октября 1917 года, важно охарактеризовать их накануне этих событий.

Уровень развития этой системы, статусное положение семей на протяжении всей истории любого общества отличаются как своей спецификой и уникальностью, так и многообразием. Естественно, что это проявлялось в истории нашей страны, а российское дореволюционное общество в преддверии революционных событий не стало исключением.

Действительно, в России «стартовые позиции», которые занимали семьи разных классов, сословий, этнических групп для преобразования на коммунистических принципах отличались своим разнообразием. Оно заключалось в том, что в отличие, например, от европейских стран, уклад жизни семьи мог иметь отношение как к капиталистическим типам семейно-брачных отношений, так и к их предыдущим формам. К коммунистическим принципам можно отнести все то, что мыслилось как движение от классовой дифференциации к социальной однородности.

Важно подчеркнуть, что новая власть для решения этого вопроса столкнулась с двумя значимыми проблемами. А именно: проблемы теории и практики, проблемы практики и теории радикального преобразования общества, каждой его сферы.

Своеобразная амбивалентность теории и практики построения социализма, как программной задачи после октября 1917 года, заключалась в том, что в марксизме-ленинизме до этого были представлены лишь общие контуры преобразований после победы пролетарских революций и установления диктатуры пролетариата. В.И. Ленин в своей знаменитой работе «Очередные задачи Советской власти», напечатанной в газете «Правда» в апреле 1918 года, подчеркивал: «И все своеобразие переживаемого момента, вся трудность состоит в том, чтобы понять *особенности перехода* от главной задачи убеждения народа и военного подавления эксплуататоров к главной задаче *управления*» [5, с.172-173]. Это обстоятельство нельзя не учитывать в отношении семьи как социального института и малой социальной группы: преобразования были, с одной стороны, весьма болезненными, трагичными, с другой – характеризовались реальными успехами, например, в области достижения гражданского равноправия женщин с мужчинами. При этом к

особенностям перехода к новой системе семейных отношений следует отнести ситуации, которые в карикатурной форме легли в основу рассказов, например, писателя М.М. Зощенко.

Семья, самая ранняя форма социальных связей людей, рассматривается как институт, который в максимальной степени сохраняет и передает нормы и традиции прошлого. Консервация, т.е. оправдание и защита существующей социальной структуры и традиционных ценностей, являет собой ее важнейшую функцию. Следовательно, логика результатов и последствий любой социальной революции вступает в противоречие с этими «предназначениями» семьи.

Проблема всех времен и для всех народов состояла и состоит в том, как эту особенность семьи адаптировать для новых экономических, политических, культурно-идеологических условий. Поэтому разного рода коллизии, столкновения, конфликты противоположных стремлений и интересов людей в системах «семья-общество» и «общество-семья» неизбежны. Варианты же решения проблем разнообразны, а порой и оригинальны.

Для России эта проблема, среди многих других проблем, коренилась в особенностях социальной стратификации общества, традиций его сословного деления на фоне преобразований в конце XIX в. в сфере экономики.

Конечно же, речь идет о важнейшей особенности состава и формах хозяйственной жизни дореволюционной России: абсолютное большинство населения страны было представлено крестьянами и крестьянскими хозяйствами. Это обстоятельство было ключевым для понимания особенностей реформирования семейных отношений, которые на практике во многом были чужды первым шагам, предпринимаемым Советской властью в этой сфере.

В России наряду с нуклеарными, называемыми еще «малыми семьями», большой удельный вес принадлежал семьям патриархального или полупатриархального типа. Речь идет о расширенной, т.е. многопоколенной семье, когда совместно, как говорится, под одной крышей, проживает, например, три поколения. В такой семье кровнородственные связи во многом определяют характер и особенности ее функционирования.

Выражение «патриархальный тип семьи» как нельзя точно определяет экономические, демографические, нравственные и многие другие основания и принципы его исторического существования в России. Патриархат, т.е. власть отца, характеризовался тем, что именно мужчина, как правило, дед, играл руководящую роль в семейной сфере. В патриархальной семье муж является ее главой. Кроме того, весьма жестко проявляется зависимость жены от мужа, детей – от родителей.

Гендерно-демографическое неравноправие в патриархальной семье представлялось как явление неизбежное и даже обязательное. В крестьянском

хозяйстве земля, как главное достояние семьи, целиком и полностью находилась в руках мужчины.

Краткую, но достаточно типичную характеристику того, что принято называть детством (свойственную не только крестьянству), мы находим у русского поэта, писателя и публициста Н.А. Некрасова. Поэтическая форма, как сегодня бы сказали социологического опроса, позволила выявить важные особенности, присущие крестьянскому быту. На вопрос «А что, у отца-то большая семья?» шестилетний мальчик ответил: «Семья-то большая, да два человека всего мужиков-то: отец мой да я...».

Женское неравенство, женская дискриминация. Не только в крестьянской среде, но и для фабрично-заводской части населения России дискриминация женщин была самым обычным явлением. Это касалось оплаты труда, преобладание в структуре женской рабочей силы профессий невысокой квалификации. Знаковое обстоятельство в этой ситуации заключалось еще и в том, что на фоне российской дореволюционной неграмотности доля неграмотных женщин, не только в деревне, но и в городе, была невероятно высока.

Не следует забывать и тот факт, что бурный рост численности городского населения, пополнение рядов рабочих заводов и фабрик осуществлялся выходцами из деревни. Эта часть «нового» рабочего класса, другими словами – российского варианта предпролетариата, при выстраивании семейных отношений автоматически сохраняла на протяжении двух и более поколений особенности сельского семейного уклада, крестьянской психологии.

Что касается национальных окраин предреволюционной России, то ситуация, как известно, усугублялась влиянием традиций и обычаев, которые следует обозначить как феодальные или полуфеодальные. Огромную роль при этом играла система вероисповедания, базой которой служил ислам.

Банально сегодня звучит утверждение о том, что в настоящее время во многом об историческом прошлом, особенно у молодежи, весьма поверхностны знания о ключевых страницах нашего давнего и недавнего прошлого. И если мы кое-что знаем о том, кем были, чем занимались наши бабушки и дедушки, то, наверное, немногие могут с уверенностью рассказать через судьбы наших близких или дальних родственников о важнейших исторических событиях столетней давности.

Нет сомнения в том, что именно через знание и память о семейных традициях, судьбах близких и дальних родственников мы с эмоциональным акцентом можем лучше знать и понимать нашу историю. Это особенно важно, когда речь идет о событиях, которые «потрясли весь мир».

Есть еще один очень важный источник информации, который позволяет дополнить строгое научное знание об изменениях семьи как института и малой социальной группы. Это – художественная литература. Именно высокохудожественные произведения, относящиеся к описанию знаковых исторических событий, позволяют значительным образом расширить представления о ключевых моментах нашего исторического прошлого.

Без сомнения к таким произведениям следует отнести «Тихий Дон» и «Поднятую целину» М.А. Шолохова. Действительно, в них речь идет об исторически важных для страны событиях времен гражданской войны и смены принципов в экономической жизни, деления людей на белых и красных, кулаков и колхозников. Но ведь М.А. Шолохов необычайно ярко характеризует переломные моменты жизни людей, которую мы обозначаем как институт семьи. Видимо, уместно в этом случае с политическим, так сказать окрасом, утверждение Л.Н. Толстого, что «все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».

Гендерный анализ системы семейных отношений позволяет с достаточной научной основательностью охарактеризовать их суть накануне революционных событий октября 1917 года и некоторое время спустя. С одной стороны, это традиции патриархата, с другой – дискриминация женщин в правовом, политическом и экономическом отношениях. Следует обязательно учитывать и тот факт, что участие России в I-ой Мировой войне и гражданская война стали причинами не только невосполнимых потерь людей, но и основаниями, повлиявшими на деформацию социально-демографической структуры общества (сокращение численности, прежде всего мужского населения, падение рождаемости, беспризорность детей и т.д.).

Анализ самых первых шагов новой власти после революционных событий октября 1917 года показывает, что для семьи, как малой социальной группы, это в первую очередь явилось столкновением православных традиций, форм ее организации и экспериментами в поисках коммунистических основ ее функционирования как института общества.

Острая полемика, дискуссии, различного рода предложений к практике обновления семьи были просто необычайны. Действительно, если семья, по мнению Ф. Энгельса, представляет собой «ячейку общественной системы», то необходимо было дать ответ на вопрос о том, что она будет представлять собой в условиях новой общественно-экономической формации [12, с.102]. Необходимо также вспомнить реакцию В.И. Ленина на дискуссию по поводу идеального варианта отношений между мужчинами и женщинами в рамках так называемой теории «стакана воды».

Полагаем, что теория «стакана воды» для некоторой части победителей и сторонников новой революционной власти стала своеобразным итогом теоретических споров и разногласий о сущности семьи и брака после победы пролетариата над буржуазией. Известно, что ключевые положения по этому вопросу, высказанные еще К. Марксом и Ф. Энгельсом (примером могут служить следующие работы К. Маркса и Ф. Энгельса: «Принципы коммунизма», «Манифест Коммунистической партии», «Происхождение семьи, частной собственности и государства»), подвергались ревизии не только со стороны противников марксизма, но и со стороны его сторонников.

Для огромного числа населения России с его православными религиозными установками, но вовлеченными в круговорот политических событий, все это было настоящим потрясением. Не стало ли это одной из причин того, что появлялись, прямо сказать, весьма экзотические проекты организации семьи и ее быта?

Для утверждения новой системы семейно-брачных отношений, исключения необычных вариантов их «конструирования» важно было обратить внимание на юридическо-правовую базу утверждения семьи как социального института и малой социальной группы. Законодательные акты Советской власти стали выражением политики партии большевиков, направленной на утверждение по многим основаниям принципиально новых форм организации семьи. Новая система законодательства, по мнению руководителей Советской России, должна была в ближайшее время ликвидировать все то, что ассоциировалось с капитализмом как общественно-экономической формацией. Конечно, не следовало забывать известное положение теории, сформулированное К. Марксом еще в 1875 году в «Критике Готской программы», которое утверждало следующее: «Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое развилось на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что выходит как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло!» [8, с.18]. Еще раз подчеркнем, что для семьи, как приватной сферы человеческих отношений, эти «пятна» характеризовались особой устойчивостью.

Формирование советского законодательства происходило на базе декретов СНК, постановлений правительства, резолюций и воззваний ВЦИК, деклараций, обращений председателя СНК и т.д. Сегодня наше внимание к некоторым из них позволяет наглядно продемонстрировать предполагаемый вектор преобразований семейно-брачных отношений, семьи как социального института.

Декрет «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов состояния» относится к важнейшим политико-юридическим документам, который был призван, с одной стороны, достаточно основательно перестраивать систему семейно-брачных отношений. Однако, с другой стороны, не был столь радикальным, чтобы полностью отказаться от сложившихся обычаев и традиций организации семейной жизни. Для этого достаточно привести некоторые положения из указанного декрета, принятого ВЦИК и СНК в декабре 1917 года: «Российская Республика впредь признает лишь гражданские браки», «Церковный брак, наряду с обязательным гражданским, является частным делом брачующихся», «Заявления о желании вступить в брак не принимаются: от лиц мужского пола ранее 18 лет, а женского – 16 лет от рождения. В Закавказье туземные жители могут вступать в брак по достижении женихом 16 лет, а невестою 13 лет», «Дети внебрачные уравниваются с брачными относительно прав и обязанностей как родителей к детям, так и детей к родителям» [2, с.247-248].

Другими словами, было принято компромиссное решение, которое по своей сути остается актуальным и в настоящее время.

Декрет ВЦИК и СНК о расторжении брака, принятый 16 (29) декабря 1917 года, также следует отнести к документам, которые должны были решать три основные задачи при становлении общества, как предполагалось, на новых коммунистических началах. Первая задача: поддержка прогрессивных социалистических тенденций в области регулирования семейно-брачных отношений. Вторая задача: искоренить старые юридическо-правовые нормы при расторжении брака или невозможности это сделать исходя из религиозных представлений. Третья задача: оградить граждан от экстравагантных вариантов решения бракоразводных проблем.

Приведем в качестве примера одно из положений Декрета, актуальность которого, к сожалению, только возрастает в наше время: «...судья, одновременно с постановлением о расторжении брака, определяет, у кого из родителей остаются несовершеннолетние дети, прижитые в браке, и кто из супругов и в какой мере должен нести издержки по содержанию и воспитанию детей, равно как и о том, обязан ли муж и в каком размере доставлять пропитание и содержание своей бракоразведенной жене» [4, с.237].

За время своего существования православие, будучи государственной религией, выработало достаточно стройную систему кодификации базовых принципов, на которых должна строиться семья. Не случайно, именно Православная Вера, наряду с Самодержавием и Народностью легли в основу теории официальной народности для обозначения государственной идеологии Российской империи в первой половине XIX века.

Следовательно, в первых же документах Советской власти должны быть решены проблемы, которые имели отношение к православию, как и к другим конфессиям, существовавшим на территории страны. К их числу, несомненно, следует отнести Декларацию прав народов России: 2 (15) ноября 1917 года Именем Республики Российской ее подписали Народный комиссар по делам национальностей Иосиф Джугашвили-Сталин и Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин) [1, с.39-41].

Суть Декларации представлена в виде четырех базовых начал, которые Совет Народных Комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России, которая до революции, по мнению В.И. Ленина, представляла собой «тюрьму народов» [6, с.67]. В Декларации эти начала сформулированы следующим образом: «1) Равенство и суверенность народов России. 2) Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. 3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. 4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России» [1, с.40]. Обратим внимание на то, что поставлен вопрос об отмене как привилегий, так и ограничений в сфере национально-религиозных отношений (третий пункт Декларации).

Принципиально важным документом, имеющим отношение к проблеме религии (религий) и церкви как организации, был Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах. Четкие, одновременно весьма жесткие и однозначные позиции этого документа не могли не затронуть религиозные чувства огромного числа верующих разных конфессий России того времени.

Приведем в качестве примера следующие позиции Декрета: «Церковь отделяется от государства», «Школа отделяется от церкви», «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют» [3, с.373-374]. Именно поэтому реализация положений Декрета стала особой страницей в истории нашего государства. Сами же оценки этого документа в разные времена были самыми противоречивыми: от полного отрицания до абсолютной поддержки и признания.

Что касается ислама, религии традиционно важной для России, то опять же в качестве примера обратим внимание на весьма эмоционально выраженное «Обращение к трудящимся мусульманам России и Востока», принятое на заседании СНК 20 ноября (3 декабря) 1917 года. В этом документе к мусульманам России и Востока обращаются не только как к товарищам, но еще и как к братьям. А вот как сформулировано ключевое положение этого

Обращения: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [9, с.114].

В 1997 году в журнале «Социологические исследования» была опубликована статья В. В. Форсовой «Православные семейные ценности» [11, с.64 – 71]. Автор, говоря о типологии системы семейных ценностей, выделяет ее основные элементы в рамках православной парадигмы. Для российского общества на протяжении нескольких столетий они провозглашались как идеал православной семьи. А поскольку православие было идеологическим оплотом политической власти, то его влияние через свойственные каждой религии приемы и методы на формирование семьи как малой социальной группы было чрезвычайно велико. Более того, как подчеркивает В. В. Форсова в своей статье, через основные элементы православной системы семейных ценностей «...утверждается и обосновывается приоритет внутреннего, духовного над внешне-атрибутивным, материальным» [11, с.71].

В христианском богословии, особенно на его ранних этапах, это явилось своеобразным проявлением «линии Платона», т.е. нормативным концептуальным подходом при объяснении сущности человеческого бытия.

Что же касается «линии Аристотеля», то в рамках его метода есть смысл говорить об аналитическом направлении в понимании системы социальных факторов, влияющих на семейные ценности. На практике это означало то, что базовые религиозные начала, имеющие отношение к семье, отрицались или подвергались различного рода остракизму. Гонения на священников, разрушение церквей и многое-многое другое – яркие тому свидетельства.

Еще раз подчеркнем, что споры и разногласия относительно настоящего и будущего семьи после установления диктатуры пролетариата, перспектив строительства социализма и коммунизма были весьма острыми как в высшем партийно-государственном руководстве Советской России, так и в «гуще народных масс». Было немало попыток на практике реализовать все то, что с элементами определенной условности можно отнести еще к одному направлению обоснования принципов анализа и устройства общества – «линия Т. Мора, Е.И. Замятина, О. Хаксли, Дж. Оруэлла».

К. Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» писал: «Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса... Люди сами делают свою историю, но

они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» [7, с.119].

Конечно, наши современные представления о семье и реалии ее положения в современной России во многом иные, чем они были после октября 1917 года и последующие годы. Важно, чтобы это не стало основанием и поводом отказа от семейных ценностей, которые прошли испытания временем. Именно семья, семейные ценности (в историческом прошлом, а для многих и сегодня, – православие) в немалой степени способствовали тому, чтобы наше государство, наше общество, вне зависимости от политических или экономических переустройств, сохраняли свою независимость и целостность.

Библиографические ссылки

1. Декларация прав народов России // Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. 625 с.
2. Декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» // Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. 625 с.
3. Декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» // Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. 625 с.
4. Декрет ВЦИК и СНК о расторжении брака // Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. 625 с.
5. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Полн. собр. соч. Т. 36. М., 1974. 741 с.
6. Ленин В. И. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 27. М., 1968. 643 с.
7. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 8. М.: Издательство политической литературы, 1957. 736 с.
8. Маркс К. Критика Готской программы // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 19. М., 1961. 703 с.
9. Обращение к трудящимся мусульманам России и Востока // Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. с.625.
10. Октябрьская буря // Сост., предисл., вступ. статьи к документам и коммент. В.И. Старцева. М. : Молодая гвардия, 1987. 637 с.
11. Форсова В.В. Православные семейные ценности // Социологические исследования. М., 1997. № 7. С. 64 – 72.
12. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 21. М., 1961. 639 с.

THE REVOLUTION OF 1917 IN RUSSIA: FAMILY AND ORTHODOX FAMILY VALUES

The revolutionary events in October 1917 in Russia were a time of great change. Their consequences have affected all aspects of people's lives, social institutions, social community. The family as a social institution and a small social group in a concentrated form have experienced radical changes after the transformation of the foundations of the socio-political structure of the country. It is the family with its basic commitment to Orthodox values, has become a kind of indicator of these revolutionary changes. Their objective assessment is still relevant for the Russian society and at the present time.

Keywords: revolution, family as a social institution, family values, family and marital relationships, orthodoxy, the proletariat, the peasantry.

УДК 9.908/930.23

А. А. Гарибян

ПОВСЕДНЕВНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ КРЕСТЬЯН В ПРОЦЕССЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ АРМЕНИИ

В Армении программа принудительной коллективизации стала причиной восстания крестьян во многих регионах страны. Особенно активно стали действовать дашнакские организации, находившиеся в подполье, которые участвовали в массовых протестах, оказывая организационную помощь крестьянскому движению.

Ключевые слова: коллективизация, анти-колхозное движение, раскулачивание, повседневное сопротивление, «бандитизм».

Когда в 1929-1930 гг. кампания по проведению массовой коллективизации сельского хозяйства развернулась также и в Армении, то для нее, видимо, меньше чем в других регионах была какая-либо социально-экономическая база с учетом того, что страна была заполнена беженцами из Западной Армении, спасшихся от геноцида в Османской империи, а северо-западные области Армении вплоть до 1920-го года были оккупированы Турцией. Сельское население Армении с трудом справлялось с задачей физического выживания. Соответственно, среди крестьянства программа коллективизации не могла иметь особой поддержки, что, впрочем, мало

заботило как центральную, так и местную власть. Любые изменения, которые происходили в сфере сельского хозяйства оказали большое влияние на социально-политическую ситуацию в стране, учитывая факт того, что большая часть населения страны была вовлечена в сельскохозяйственное производство [6, с.7]. По данным переписи 1987 года, 86,5% населения в ближайших границах Ереванской губернии занимались сельскохозяйственным производством [8, с.61].

Процесс коллективизации, конечно, сталкивался с движением неприятия в каких-то группах больше, чем в других. Так, например, в горных районах южной части Армении началось массовое вооруженное восстание против принудительной коллективизации. Массовый протест среди крестьянства получил антисоветское направление. В сложившихся условиях активно стали действовать дашнакские организации, находившиеся в подполье. Большой размах этих движений именно в южных районах был связан с тем, что до 1921 г. здесь было организовано вооруженное сопротивление под руководством Гарегина Нжде, который пытался препятствовать присоединению этих областей к уже советизированному Азербайджану по примеру Карабахской и Нахичеванской областей. К нему присоединились и восставшие в феврале 1921 г. представители бывшей дашнакской власти, управляющей первой независимой республикой Армении до ее советизации (1918-1920 гг.). Неудивительно, что именно в этих районах крестьянство, имевшее опыт вооруженной борьбы за свою физическую безопасность, было склонно не подчиняться новым порядкам, претендующим на их небольшую собственность.

По проведению коллективизации в Закавказье, начиная с осени 1930 г. до весны 1931 г., шли непрерывные бои, которые возобновились и в следующую зиму. В Армении несогласие крестьян с политикой принудительной коллективизации вылилось в восстание сельского населения не только в вышеуказанных регионах, но и в некоторых других. В те годы оно было расценено как «бандитское движение». Но несогласие проявлялось и в более мирных формах, например, в забое скота, что привело к резкому сокращению поголовья и стало одной из причин последовавших за коллективизацией голодных лет [2, с.13]. Итак, в Армении «бандитами» считались ушедшие в горы группы крестьян, которые были лишены собственности в результате принудительной коллективизации, к ним присоединились так же и представители дашнакской организации, которые участвовали в массовых протестах, оказывая организационную помощь крестьянскому движению. Оставшееся в стране небольшое количество выживших после бойни, учиненной большевиками зимой 1921 г., дашнаков пыталось скоординировать крестьянские бунты и действия отдельных вооруженных формирований. Эти

вооруженные отряды иногда появлялись в отдельных населенных пунктах и силой забирали необходимую им провизию и оружие. В этом смысле сложно провести какую-то грань между исключительно бандитскими формированиями, имеющими целью лишь наживу, и группами, которые ушли в подполье по политическим причинам.

Если обобщить состав участников так называемых «крестьянских движений» в Армении, то в их число надо включать не только крестьян и бывших дашнаков, но и членов различных (необязательно дашнакских) антисоветских организаций, представителей национальных меньшинств, интеллигенции, церковнослужителей и т.д. Советское правительство с целью деполитизации этого явления использовало термины «бандит» и «бандитизм», пытаясь придать строго криминальный характер деятельности тех групп, которые участвовали в этих движениях [12, с.219]. 30 марта 1930 г. в Армении заседание президиума ЦК Компартии приняло решение поручить Ереванскому территориальному комитету провести массовую работу в селах горной части Веди, усиливая политическую и культурно-просветительную работу среди крестьян. Было поручено обнаружить скрывающиеся бандитские элементы и обезоружить их. К концу 1930 г. в Ведибасарском районе были подавлены все оппозиционные силы [12, с.130-132].

В южных районах Армении, входящих в состав Даралагызского района, свыше 2000 крестьян приняло участие в протестных выступлениях против коллективизации. В конце 1929 г. для проведения антиколхозных выступлений образовалась подпольная организация Дашнакцутюн в городах Сисиан и Горис с 90 членами [12, с.219]. Некоторые члены дашнакской организации, которые участвовали в антиколхозных восстаниях, после ликвидации партии Дашнакцутюн и основания советского строя в стране долгое время находились в бегах, чаще прятались в горах и вели бандитскую жизнь – местные жители их называли «гачагами».

«Его обвиняли в антигосударственности. Не знаю, что он сделал, но в любом случае задержали его именно под этим предлогом». Что на самом деле известно рассказчикам, так это то, что Айк Навасардян не сразу вступил в колхоз. Гр.: «Ну, его бабушка рассказывала, что во время коллективизации несколько семей не коллективизировали. Не приняли. Они не хотели вкладывать свое имущество в коллектив... Через некоторое время, правда, уже согласились и вступили в коллективное хозяйство... С такими людьми во всех деревнях были разногласия. В Срашене, Шикаохе, во всех капанских деревнях... больше всего в Мазре... Многих людей преследовали – и как кулаков, и как дашнаков...» [3].

Таким образом, определенные исторические предпосылки, последствия принудительной коллективизации и вооруженные восстания, которые бушевали во многих частях страны, непосредственным образом обусловили формирование повседневных практик сопротивления. До сих пор в Армении специалистами недостаточно изучены вопросы влияния программы принудительной коллективизации не только на процесс формирования советского человека [см. 11], но и недостаточно изучены вопросы повседневного сопротивления. В случае Армении, горный рельеф страны оказал большое влияние на процесс выживания населения в период коллективизации. Это повлияло не только на «повседневность сопротивлений», но и на формирование стратегий выживания населения. Как отмечает Джеймс Скотт, восстание крестьян проявляется в особых случаях, поскольку крестьяне становятся лишь жертвами насилия, а не его инициаторами. Приспособление к ситуации, а не выражение недовольства обычно становится основным ядром поведения крестьян. В повседневности это проявляется в том, что сельское население, имея недовольство общественным порядком, установленным властями, разрабатывает свою систему действий в противостоянии с властью имущих. Скотт подобные приемы поведения назвал «оружием слабых». Он отмечает, что большая часть населения горных районов часто перебиралась в горы для избежания многочисленных невзгод, которые могли быть обусловлены проектами государственного строительства на равнинах. При этом горные народы вовсе не отстают от процесса цивилизационного развития от жителей равнин, а в течение веков сознательно выбирают для жизни территории, которые по определению недоступны государственному контролю [4].

Шейла Фицпатрик в своей книге «Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы» рассматривает разные стратегии, используемые крестьянами для выживания. Посредством этих стратегий они не только справляются с результатами удара при коллективизации, но и пытаются использовать колхозы в собственных интересах. Эти стратегии Ф. Шейла называет «стратегиями подчиненных» [14]. Автор считает, что стратегии подчиненных не являются способами сопротивления властям, а охватывают уловки, с помощью которых слабые стараются защитить себя и свои права перед друг другом, так же, как и перед сильными. Таким образом, эти стратегии являются способами, позволяющими подчиненному человеку заполучить то, что он хочет. Например, в одном из сел Армении крестьяне были недовольны тем, что они не имели права использовать воду канавы, которая принадлежала им до коллективизации села. И поскольку была засуха, крестьяне обратились в райисполком с просьбой разрешить использовать воду из реки для поливов. Но

получив отказ, и, формально согласившись с председателем, они ночью открыли канал и полили свои поля [10, с.25].

«В 1930-х гг. за дедом уже следили. Во дворе их дома был большой амбар... в нем сделали перегородку, чтобы его не нашли, потому что за ним следили, он оставался в этом амбаре. 18 лет, 18 лет оставался он в этом амбаре. То есть, по ночам выходил, чтоб никто не видел. У них была хорошая собака, если бы вдруг кто-то пришел... ее выпускали во двор, если вдруг кто-то придет, она залает, он снова заходит в амбар. Большая была семья: три сына, две дочери. Это их дом, их отец, он заходил, выходил, ясно, что все были в курсе. Жена старшего сына этого жителя амбара, когда мужа оставила, развелась, пошла и выдала: так вот и так... Петрос, дескать, дома. Эта жена, табодолакчанка, когда была дома, ведь знала, что свекр заходит-выходит, не так? Потом пришли председатель нашего колхоза, кто-то еще, измерили амбар снаружи, изнутри и увидели, что не соответствует, ну и вытащили его...ну, люди...» [5].

Для крестьян, которые до этого вели единоличные хозяйства, массовая коллективизация страны была чуждым явлением. Повседневное сопротивление, неприятие новых властей выражалось также и в форме протестов против собраний за организацию колхозов. В отдельных случаях крестьяне пытались мешать процессу работы этих собраний. Формой сопротивления можно считать как открытый бунт, так и акты молчаливого вредительства.

«Я был коммунистом и обожал партию. Я не считал это виной партии, и во всем обвинял только отца. Он не должен был так жертвовать собой. Он не должен был делать агитацию так открыто. Он говорил: «не вступайте в колхозы, нет необходимости вступать в колхоз ... нет никакой надобности в колхозах». Но времена требовали, чтобы он этого не говорил. А он открыто говорил, были и те, кто молчал. Но я сейчас понимаю, что он не мог молчать, он говорил, он должен был выразить свое отношение...» [5].

Первый секретарь ЦК Компартии Армении Антон Кочинян вспоминает, как в их селе организовывали колхоз. Для этой цели должны были пригласить общее собрание, и поскольку в селе не было удобного места, им предложили провести собрание в церкви. Но коммунисты села не согласились, считая, что церковь не то место, где можно проводить собрание и обсуждать важные общественные вопросы. Для идеологической адаптации церковного пространства к обсуждению новых советских правил некоторые партийцы предложили снести церковные колокола, и только после этого начать заседание. Предложение было принято, и комсомольцы с партийными работниками снесли колокола, что сопровождалось проклятиями старейшин села. На собрании было решено, что в колхозы должны вступать в первую

очередь коммунисты и комсомольцы. Следовательно, Антон Кочинян, как секретарь комсомольской организации, должен был со всей семьей вступить в колхоз. При этом его отец был категорически против вступления в колхоз несмотря на то, что имущества у них было немного. Обсуждая этот вопрос с представителями партии, он объяснил свой отказ тем, что не хочет, чтобы его жена работала в поле с другими мужчинами. И только тогда, когда пообещали, что жена не будет работать в поле, он согласился вступить в колхоз.

В повседневности сопротивления в период принудительной коллективизации среди крестьян отмечалось также неприятие тех людей или представителей власти, которые участвовали в раскулачивании сел.

«С 1929-го по 1937 год он работал председателем колхоза, еще работал председателем сельсовета, но в каком году не знаю. В 1929 году была коллективизация, отбирали... раскулачивание, но он не раскулачивал, в этих погромах он не участвовал. Те, кто участвовал, на них пальцем указывали. Они вошли у нас как самые отвратительные, самые непригодные люди этого села. Таких людей село не любило, это были предатели» [1].

Сопротивление населения коллективизации часто принимало религиозный характер. При создании колхозов многие сельские церкви были насильно закрыты, что сопровождалось протестными выступлениями крестьян [см. 13]. Судя по материалам, в Армении большая часть антиколхозных массовых выступлений проходила на религиозной почве, и они были обусловлены не только закрытием церквей и запретом религиозных служб, но и тем, что церкви стали использоваться в качестве сельских клубов. В 1929 г. в селе Рндамал вопреки распоряжению представителей власти крестьяне организовали крестный ход на воду. В этом шествии участвовало около 300 человек, которые кричали: «Ура, да здравствуют верующие, долой коммунистов» [8, с. 299]. Любопытно, что в протестных действиях, направленных на защиту церкви и церковного имущества, особенно активны были женщины.

Весной 1929 г. в нескольких селах в административном порядке церкви были превращены в клубы. В результате, духовенство вместе с крестьянами подняли бунт, хотя нет сведений о военных столкновениях на этой почве, но есть упоминания об обмороках среди участниц и нет конкретных сведений относительно причин этих обмороков. Эти события произошли в ряде населенных пунктов в районе Даралагыз (Вайоц дзор), в селах Кешишкенд и Султанкек. Движение возглавляли руководители Горадиза и Знаберда. В этом мероприятии приняли участие крестьяне из более чем восьми сел. Этот случай принял настолько серьезный характер, что органы местной власти провели следствие, в результате чего арестовали нескольких участников протеста, включая священника. Но несмотря на эти аресты, дело было прекращено по

неизвестным причинам [12, с.26]. В 1929 г. при проведении принудительной коллективизации местные власти закрыли более 20 церквей. Все члены областных комитетов и их председатели принимали активное участие в их закрытии. Секретарь Ново-Баязетского городского совета лично участвовал в сношении колокольни поселка Малишка. Жители деревни выступали против действий большевиков, которые закончились столкновением с представителями закона. Протесты сельских жителей были подавлены, а участники выступлений арестованы. Из мемуаров А. Кочиняна узнаем, что в другой раз в армянском селе Колагеран женщины избивали вилами и дубинками председателя райисполкома, изгнав его из села, таким образом протестуя против коллективизации.

Обобщая вышесказанное, отметим, что коллективизация, спущенная как государственная программа на местах выполнялась в основном насильственными мерами, предполагая высылку многочисленных кулацких семей. Политика массового раскулачивания была объявлена наряду с введением кампании коллективизации. Правда, вступление в колхоз провозглашалось делом добровольным, но было ясно, что нежелающие вступать в колхозы попадут под категорию кулаков, тем самым одновременно пополняя списки, подлежащих раскулачиванию и высылке. Таким образом, в Армении подавление антиколхозных движений посредством репрессий привело к «умиротворению» армянских сел, а сопротивления в повседневности крестьян принимали более пассивные формы.

Библиографические ссылки

1. Гаяне Шагоян Интервью с Анжелой Седраковной Шахбазян. Истории репрессированных. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.armeniatotalitaris.am/?p=3171&lang=ru>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 18.11.2016).
2. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010.
3. Айк Навасардян Интервью с Грануш Хачатрян. Истории репрессированных. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.armeniatotalitaris.am/?p=5948&lang=ru>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 18.11.2016).
4. Джеймс С.Скотт. Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://chitalka.net/book.php?b=184360-iskusstvo-byt-nepodvlastnym-anarhicheskaya-istoriya-vysokogoriy-yugo-vostochnoy-azii&read=read>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 18.11.2016).

5. Камо Айрапетян-Атаджанян. Истории репрессированных. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.armeniatotalitaris.am/?p=4318&lang=ru>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 18.11.2016).
6. Казахецян В. Н. История крестьянства Советской Армении /1920-1929/. Ереван, 1975. 238 с.
7. Казахецян В. Н. Армения в 1920-1940 гг. Ереван, 2006. 325 с.
8. Казахецян В. Н. Армения в государственных секретных документах (1922-1929 гг.). Ереван, 2008. 341 с.
9. Истории репрессированных: Камо Айрапетян-Атаджанян. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.armeniatotalitaris.am/?p=5884&lang=ru>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 11.12.2016).
10. Петросян В. Время Антона Кочиняна. Ереван, 2013. 213 с.
11. Шагоян Г. Тоталитарная повседневность (Изменения социальных взаимоотношений в условиях сталинской модернизации) // Сталинские репрессии в Армении, Ереван, 2015. с.155-165.
12. Степан Кертох (Степанянц). Анतिकолхозные выступления 1930 г. в Даралагязе и в других регионах Армении, Ереван, 2016. 236 с.
13. Степан Кертох (Степанянц). Армянская апостольская церковь в годы первой мировой войны, Первопрестольный Эчмиадзин, 2003. 215 с.
14. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/21_f/iz/patrik_9b.htm, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 12.02.2017).

A. A. Garibyan

EVERYDAY RESISTANCE OF THE PEASANTS IN THE COLLECTIVIZATION PROCESS OF ARMENIA

In Armenia, the program of forced collectivization caused the uprising among the peasants in many regions of the country. The mass protest of the peasantry obtained an anti-Soviet direction. Beforehand being in hiding, Dashnak organizations started to act broadly. They supported the peasant movement with organizational matters.

Keywords: collectivization, anti-collective farm movement, Dispossession of kulaks, everyday resistance, «banditry».

РЕВОЛЮЦИЯ 1905 – 1907 гг. И РЕФОРМА ФАБРИЧНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Статья посвящена анализу фабричного законодательства, изданного непосредственно под влиянием революционных событий 1905-1907 гг. На основе законодательных актов и материалов официального делопроизводства центральных государственных учреждений исследуется политика правительства по рабочему вопросу, определяется роль государственной власти в проведении реформы фабричного законодательства в условиях модернизации России в начале XX в.

Ключевые слова: Революция 1905-1907 гг., Россия, реформа фабричного законодательства, рабочие, правительство, стачка, профессиональные союзы рабочих.

Индустриальное развитие России в пореформенный период привело к высокому уровню концентрации производства и рабочей силы, обеспечивающих, с одной стороны, высокий рост прибылей для фабрикантов, а с другой – усиление нужд и лишений многочисленных наемных рабочих, что потребовало правового разрешения возникших противоречий. Проведение реформы фабричного законодательства, призванной урегулировать трудовые отношения в крупном промышленном производстве, тормозил широко распространенный в правительственных кругах взгляд на существо рабочего вопроса в России. Он основывался главным образом на том, что условия фабричной жизни на Западе и в России были совершенно различны между собой. Отмечалось, что число рабочих, занятых на фабрично-заводских предприятиях страны, весьма незначительно, никакой систематической борьбы рабочих и предпринимателей не существует, поэтому в России нет рабочего вопроса. Парализующее действие на Министерство финансов и на развитие фабричного законодательства оказали постоянные попытки сосредоточить ведение фабричной жизнью в руках Министерства внутренних дел с передачей в это ведомство фабричной инспекции, созданной в 1882 г. для контроля над соблюдением трудового права и урегулирования отношений между наемными рабочими и хозяевами предприятий. В данной статье ставится задача анализа фабричного законодательства, изданного непосредственно под влиянием революционных событий 1905-1907 гг., с целью оценки политики

самодержавия по рабочему вопросу в условиях модернизации российского общества в начале XX в.

С января 1905 г. мощной волной с особой силой стало нарастать рабочее движение, выразившееся в непрерывных забастовках, необычных как по продолжительности, так и по числу участвующих в них рабочих во всех без исключения наиболее развитых промышленных центрах России. В преобладающем большинстве случаев забастовки носили экономический характер. Требования забастовщиков были направлены на улучшение условий труда и быта путем сокращения рабочего времени и увеличения оплаты труда, отмены штрафов и введения рабочего представительства. Под воздействием январских событий намечается изменение в политике правительства по рабочему вопросу, которое пришло к заключению, что органы надзора должны подчиняться Министерству финансов, а отношения между рабочими и предпринимателями строиться на законных основаниях. История германского фабричного законодательства показывала, что центральная власть во главе с князем О. Бисмарком своевременно оценила значение рабочего вопроса и настояла на издании наиболее важных в этой сфере законов (о государственном страховании, о союзах рабочих, стачках и т.д.), тем самым, взяв рабочее движение под свой контроль [11, с. 21 – 22].

Финансовому ведомству было поручено приступить к безотлагательной выработке вопросов о создании организаций для обсуждения споров, возникавших на почве трудового договора, а также улучшения быта рабочих. Предусматривалось дальнейшее сокращение рабочего времени, изменение действовавшего законодательства о стачках, обеспечение рабочих больничной помощью и упорядочение прав и обязанностей фабричной инспекции. Министру финансов было предложено представить проект об изменении действовавшего законодательства о стачках и забастовках при условии их возникновения исключительно на экономической почве и без нарушения общественного порядка и спокойствия [5, с.193].

Оперативным решением вышеперечисленных задач и обеспечением социального мира в российской промышленности призвано было заниматься вновь учрежденное 27 октября 1905 г. Министерство торговли и промышленности [6, с. 774 – 775]. В ряду неотложных и первоочередных мер нового ведомства выдвигалась задача по разработке торгового, промышленного и в особенности рабочего законодательства. Создание нового министерства означало официальное признание важности как торгово-промышленного сектора экономики страны, так и рабочего вопроса.

Под напором революционных событий государственная власть вынуждена была пересмотреть свое отношение к забастовщикам. Руководствуясь

должностными инструкциями и правительственными циркулярами, предлагавшими подвергать зачинщиков аресту, а участников высылать по месту жительства или приписки, фабричные инспектора вынуждены были бездействовать в реализации своей важнейшей функции по примирению сторон. На проходившем в начале апреля 1905 г. при Отделе промышленности совещании окружных и старших фабричных инспекторов было принято решение о необходимости отмены одиозных циркуляров и при дальнейших забастовках ограничиться строго примирительной деятельностью, не требуя от участников немедленного возобновления работы [3, с. 167 – 168].

Циркуляр от 21 апреля 1905 г. за № 4760 определял новый порядок действий административных и полицейских чинов во время забастовок, которые не сопровождались насильственными или противоправными действиями со стороны рабочих. Согласно высочайше утвержденному 20 февраля 1905 г. Положению Комитета министров Министерство внутренних дел по соглашению с Министерством финансов отменило циркуляр 12 августа 1897 г. и последовавшие в его развитие дополнения от 8 августа 1899 г. и от 29 февраля 1900 г. [5, с. 35 – 36].

На основании высочайше утвержденного 4 августа 1905 г. Положения Комитета министров министр юстиции издал 16 августа 1905 г. за № 2931 циркуляр прокурорам судебных палат, который временно до рассмотрения этого вопроса в законодательном порядке отменял уголовное преследование за участие в стачках, предусмотренное ст. 1358 и 1358(1) Уложения о наказаниях. В условиях развития революции 24 ноября 1905 г. Совет министров, а 28 ноября 1905 г. Государственный Совет на своем чрезвычайном общем собрании пришли к единому мнению, что «стачка есть само по себе явление, органически связанное с экономическими условиями промышленной жизни, возможное везде, где имеет применение наемный труд». Признавалось, что «стачки, возникшие на чисто экономической почве и проникнутые исключительно экономическими целями, не поддаются подавлению и пресечению мерами уголовного воздействия, как это доказывается опытом всех стран, пытавшихся бороться с указанным явлением путем уголовной репрессии» [14, с. 171].

2 декабря 1905 г. последовал высочайший указ Сенату «О временных правилах о наказуемости участия в забастовках в предприятиях, имеющих общественное или государственное значение, а равно в учреждениях правительственных, и об обеспечении судьбы тех служащих, кои, не принимая участия в забастовках, пострадали от учиненного над ними насилия» [7, с. 850 – 852]. Во втором разделе закона говорилось: «Статьи 1358 и 1358(1) Уложения о наказаниях уголовных и исправительных – отменить, сохранив в силе прочие постановления о стачках сего Уложения». Вступивший в силу правовой акт

также предусматривал помощь рабочим и их семьям, гарантируя пострадавшим в случае причинения им повреждения здоровья «пособие в размере годового оклада содержания или действительного заработка», в случае постоянной утраты трудоспособности – пенсию в таком же размере, в случае смерти – пенсию членам семьи в соответствии с окладом умершего. Новый закон, таким образом, отменял уголовное преследование за участие в экономических стачках, носивших мирный характер.

Вместе с тем Временные правила в дополнение действовавших законов устанавливали суровые наказания за стачки на предприятиях «общественного и государственного значения» (ст. 1). Рабочие и служащие «виновные в умышленном повреждении имущества, принадлежавшего таким предприятиям или служащим в них лицам», наказывались «заключением в тюрьме на время от четырех месяцев до одного года и четырех месяцев» (ст. 2). Такому же наказанию подвергались лица, призывавшие (ст. 1) или принуждавшие (ст. 5) к забастовке, и «пользовавшиеся правами государственной службы» (ст. 3). Более строгое наказание грозило организаторам стачек, состоявшим в рядах партий и союзов. «Виновные в участии в сообществе, направлявшем свою деятельность к возбуждению рабочих и служащих» к стачке, карались «заключением в крепости на время от одного года и четырех месяцев до четырех лет, с лишением ... некоторых ... прав и преимуществ» (ст. 6).

10 апреля 1906 г. действие закона 2 декабря 1905 г. было распространено на «предприятия паровой и судовой промышленности» [8, с. 339 – 340], 15 апреля того же года был издан закон о стачках сельских рабочих [9, с. 391 – 193].

Советские историки указывали на частный характер издания указа о стачках, который, по их мнению, «имел в виду, в частности, предупредить надвигающуюся третью железнодорожную забастовку» [14, с.173]. Однако следует признать, что введением закона 2 декабря 1905 г. в России впервые официально было признано право стачечной борьбы. Отмена уголовного преследования рабочих за участие в экономических забастовках, носивших мирный характер, таким образом, означала существенное изменение политики правительства по рабочему вопросу в сторону ее либерализации.

В ходе массового стачечного движения в период нарастания революции в 1905 г. началось повсеместное создание и оформление профессиональных союзов рабочих и служащих, и перед правительством встал вопрос об их легализации. К началу 1906 г. Отделом промышленности торгово-промышленного ведомства, которым руководил В. П. Литвинов-Фалинский, был разработан комплекс законопроектов, которые должны были ограничить вмешательство центральной власти в отношении рабочих и предпринимателей

и предоставить сторонам необходимую свободу действий посредством создания на предприятиях профессиональных организаций [2, с.410].

В результате реализации положений царского Манифеста 17 октября 1905 г., провозгласившего демократические свободы, 8-часовой рабочий день и другие права рабочего населения были изданы 4 марта 1906 г. «Временные правила об Обществах и Союзах» [10, с. 204 – 207]. Образуемые профессиональные общества имели целью «выделение и согласование экономических интересов, улучшение условий труда своих членов или поднятие производительности принадлежащих им предприятий» (ст. 1). В частности, они могли содействовать устранению разногласий, возникавших на базе договорных отношений между рабочими и предпринимателями путем соглашения сторон. Это касалось в первую очередь размера заработной платы, выдачи пособий своим членам, создания касс взаимопомощи, открытия школ и библиотек, предоставления своим членам юридической помощи и содействия в трудоустройстве (ст. 2).

«Временными правилами» 4 марта 1906 г. также учреждались «Губернские по делам об обществах присутствия», которые давали разрешение на открытие, в том числе профессиональных обществ рабочих, объединявшихся, как правило, с целью улучшения условий труда на своем предприятии. Закон предусматривал участие в этой процедуре старшего фабричного инспектора, принимавшего от заинтересованных лиц нотариально заверенное письменное заявление с приложенным к нему уставом с подписями членов общества (ст. 9) и передававшего его для дальнейшего рассмотрения через губернатора в губернское по делам об обществах присутствии (ст. 12). При рассмотрении дел, связанных с деятельностью профессиональных обществ, в состав подлежащего присутствия, которое по закону изначально было сформировано в составе губернских по земским и городским делам присутствий (ст. 13), дополнительно входил старший фабричный инспектор (ст. 13).

Исследователи справедливо отмечали, что закон от 4 марта 1906 г. появился в России значительно позже, чем в других европейских странах, и практически легализовал уже существовавшие союзы рабочих на отдельных предприятиях [13; 1, с. 29 – 30]. Говорилось также, что профессиональные объединения трудящихся в итоге не получили широкого распространения из-за противодействия властей, опасавшихся политической направленности их деятельности [12]. Ограничительный характер временных правил проявлялся в трудностях регистрации и легкости закрытия общественных организаций рабочих, где решающая роль принадлежала коронной администрации. Вместе с

тем, изданием этого закона правительственная власть повсеместно разрешала создание профсоюзов, которые путем взаимного соглашения между рабочими и предпринимателями могли во многих случаях предотвращать социальные конфликты, возникавшие между сторонами на почве договорных отношений, часто приводившие к забастовкам и препятствовавшие развитию фабрично-заводской промышленности.

Изданные во время революции законы о стачках и профсоюзах, предоставив ряд существенных прав рабочим, продолжали инициированную в 1882 г. властью реформу фабричного законодательства, осуществляемую в рамках Великих реформ, направленных на создание в стране гражданского общества. В то же время носившие в условиях самодержавия ограниченный характер фабричные законы показывали неспособность правящих классов в итоге обеспечить индустриальный прогресс России в условиях мирного развития страны, инициатива перешла к революционным силам.

Библиографические ссылки

1. Кирьянов Ю. И. Фактор мотивации труда в российском фабрично-заводском законодательстве. 1835–1917 гг. // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 4. М., 2000. С.20-38.
2. Куприянова Л. В. «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX – начале XX вв. // История предпринимательства в России. Книга вторая. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2000. С.343-437.
3. Микулин А. А. Фабричная инспекция в России. 1882 – 1906. Киев, 1906. 201 с.
4. Лаверычев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861-1917). М., 1972. 256 с.
5. Озеров И.Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. М., 1906. С.193.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. (ПСЗ-III.) Т. XXV. СПб., 1908. Отд. 1. № 26851.
7. ПСЗ-III. Т. XXV. СПб., 1908. Отд. 1. № 26987.
8. ПСЗ-III. Т. XXVI. СПб., 1909. Отд. 1. № 27644.
9. ПСЗ-III. Т. XXVI. СПб., 1909. Отд. 1. № 27711.
10. ПСЗ-III. Т. XXVI. СПб., 1909. Отд. 1. № 27479.
11. Рабочий вопрос в комиссии В.Н. Коковцова в 1905 г.: Сборник документов. М., 1926.

12. Розенталь И. С. О количестве, численности и составе профсоюзов в царской России // История СССР. 1984. № 1. С.55-71.
13. Современное законодательство о профессиональных рабочих союзах Франции, Бельгии, Англии, Австралии, Германии и России. Сост. В. В. Святловский. СПб., 1907. 138 с.
14. Шелымагин И.И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900-1917. М., 1952. 319 с.

S. R. Glazunov

**REVOLUTION OF 1905 – 1907
AND REFORM OF FACTORY LEGISLATION IN RUSSIA**

The article is devoted to the analysis of the factory legislation, published directly under the influence of revolutionary events of 1905-1907. On the basis of legislative acts and official records of Central institutions, the government policy on the working issue is investigated. The role of state power in the reform of the factory legislation in the conditions of modernization of Russia in the early XX century is determined.

Keywords: Revolution of 1905-1907, Russia, reform of factory legislation, workers, government, strike, trade unions of workers.

УДК 778.5:94(47).084.3

Г. С. Егорова, А. А. Андрианов

**ОБРАЗ БЕЛОГВАРДЕЙЦА В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ
(1940 – 1950-е гг.): ОТ СТАЛИНСКОГО МАЛОКАРТИНЬЯ
К ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ**

Цель данной статьи – проследить эволюцию образа белогвардейцев в советском кинематографе, начиная с периода Великой Отечественной войны до 1956 г. на основе анализа киноязыка визуальных источников нарративного типа. Используя методологию содержательного и герменевтического анализа, а также логосферного изучения¹ исследуются изменения моделей поведения, нормы и ценности, облик офицеров белой армии под влиянием идеологической и политической конъюнктуры эпохи создания фильмов.

Ключевые слова: образ врага, белогвардейцы, белое движение, Гражданская война, кино, соцреализм, оттепель.

---

¹«Принцип «логосферного» изучения речевого поведения, который ориентирует на выявление риторического идеала, речевого этикета и корреляций между речевыми формами, с одной стороны, и социальными нормами, институтами, традициями ... характерными для данной общности, с другой» [5].

Новейшая история представляет широкие возможности для воссоздания картины прошлого на основе нарративных источников визуального типа. Низвержение главенства событийной истории и пересмотр представлений о безусловном приоритете письменных, прежде всего, архивных источников наметился к середине XX века в рамках «новой исторической науки» [3]. Интерес к ментальным установкам и конструкциям, проблеме исторической памяти возрастал на протяжении второй половины XX века, способствуя вовлечению новых типов источников в научный оборот и развитию методологии их изучения. Желание историков подвергнуть анализу произведения киноискусства можно также объяснить сменой исторической парадигмы «от истории-текста к истории-образу» под влиянием постмодернизма, который сделал любой источник дискурсивным.

Методология анализа художественных и документальных фильмов находится в стадии становления, однако ряд работ [4], [5], [6], [8] внес весомый вклад в анализ изучения кинолента.

Кинематограф приобретает решающее значение при изучении визуальной антропологии в целом и истории ментальностей в частности. Мироззрение индивида состоит из эмоционально- и ценностно-окрашенных образов. Средствами кинематографа можно создать эффект целостной картины мира, благодаря чему человеку проще усвоить идеи в ней заложенные.

В обществах закрытого типа образ врага является универсальным политическим инструментом, результатом воздействия которого становится формирование определённых паттернов массового сознания. В авторитарных обществах существует тенденция к упрощению картины мира до бинарных конструкций «добра» и «зла». Данная особенность характерна и для Советского Союза. За время существования советского государства было создано множество реальных и мнимых врагов, влиявших на картину мира и поведение человека. Особенное место в их ряду занимает образ белогвардейца.

Великая российская революция и Гражданская война – ключевые события среди мемориальных дат советской истории. Победа над врагами, белогвардейцами и интервентами, предопределила дальнейшее существование новой власти. Выигранная большевиками борьба, нашедшая отражение во всех видах искусства, стала источником вдохновения в непростые периоды, требующие трудового и военного подвига. Образ белогвардейца помогал отличить «своих» от «чужих», а также осознать цену победы советской власти.

В данной статье мы проследим эволюцию образа белогвардейца как базовой фигуры врага в советском кинематографе на протяжении периода перехода от авторитарного политического режима к более либеральному. Мы попытаемся выяснить степень влияния политических изменений и

общественных настроений эпохи на формирование формульных сюжетов и типов персонажей.

Образ белогвардейца в художественном кинематографе стал изучаться относительно недавно. В фундаментальной работе «Белое движение в культурной памяти советского общества: эволюция «образа врага»» на основе широкого круга источников представлен анализ изменений представлений о белом движении в науке и различных сферах культуры. В диссертации есть глава, посвященная эволюции образа белых в кинематографе в 1940-ые годы («Разгром Юденича», «Оборона Царицына», «Александр Пархоменко», «Его зовут Сухе-Батор», «Незабываемый 1919-ый») и в период Оттепели («Сорок первый» (1956 г.), «Тихий Дон» (1957-1958) и др.) [1]. Автор изучил непростой путь картин в прокат, сюжетную составляющую, характеристику образов, а также реакцию на него зрителей и критиков. В другой работе Е.В. Волков исследует развитие образа белогвардейцев армии Колчака. Характеризуя позднесталинский кинематограф, автор указывает, что фильмы того времени, в основном, посвящались личному вкладу Сталина в победу в Гражданской войне, поэтому Восточный фронт, на котором вождь не был задействован, практически в фильмах не фигурирует. Исключением является кинокартина «Его зовут Сухе-Батор» (1942 г.) [2].

А.В. Федоров создал ряд статей, рассматривающих образ белогвардейца в русле социального, политического, идеологического и культурного контекстов эпохи создания кинокартин. На примере фильмов «Разгром Юденича» (1940 г.), «Оборона Царицына» (1942 г.), «Первая конная» (1941 г.), «Сорок первый» (1956 г.) и «Поэт» (1956 г.) автор характеризует образ белогвардейца, останавливаясь на составных компонентах сюжета и визуальной составляющей (предметы быта, одежда, внешний вид белогвардейцев и пр.), выстраивая на этом стереотипы о белом движении, существовавшие в 1940-ые годы и период Оттепели [7].

Несмотря на значительный прогресс в изучении представленной проблематики в целом, тема обладает большим исследовательским потенциалом. Во-первых, часть кассовых фильмов того времени осталась без внимания, например, «Любовь Яровая» (две части) (1953 г.), «Кортик» (1954 г.), «Школа мужества» (1954 г.), «Они были первыми» (1956 г.) и т.д. Историки избирательно подошли к выбору фильмов для анализа, отдав предпочтение «культовым» фильмам эпохи оттепели о Гражданской войне, в основном, начиная с фильма «Сорок первый» (1956 г.). Однако фильмы периода 1952-1956 гг. во многом заложили основу для гуманизации образа белогвардейца. Проследить идеолого-политическое влияние эпохи на образ врага в кино

поможет привлечение фильмов 1940-х гг., как отразивших конъюнктурные изменения в связи с начавшейся войной.

Во-вторых, представляется необходимым на основе современной методологии обратиться к детальному анализу самих художественных фильмов, как исторических источников для детального изучения «очеловеченного» образа «белогвардейца-противника» в оттепельном кино.

Для анализа были выбраны следующие фильмы: «Разгром Юденича» (1940 г.), «Оборона Царицына» (1942 г.), «Незабываемый 1919 г.» (1951 г.), «Любовь Яровая» (две части) (1953 г.), «Кортик» (1954 г.), «Школа мужества» (1954 г.), «Они были первыми» (1956 г.), «Поэт» (1956 г.), «Сорок первый» (1956). Фильмы выбирались по количеству экранного времени с участием белогвардейцев, что позволяет лучше рассмотреть их основные черты и особенности.

Персонаж белогвардейца в кино сталинского периода карикатурен и стереотипен. Кинообраз представляет собой набор привычных, узнаваемых штампов, что характерно для кинематографа соцреализма той эпохи. Находясь вне полевых условий, белые живут в богатых домах, обставленных изысканной мебелью. Картины или фамильное древо на стенах подчеркивают благополучие и родовитость офицера. Мимика, жесты и тембр голоса персонажей свидетельствуют о надменности, грубости и жестокости, усиливая отталкивающий образ. Передвижение белых армий сопровождается наигранно-торжественная, либо угрожающе-нагнетающая мелодия, победы над ними отмечены оптимистичным музыкальным рядом.

Речь персонажей – одна из определяющих характеристик формирования образа. В результате применения метода контент-анализа фильмов были выделены наиболее часто упоминаемые смысловые блоки.

Белогвардейцы, в отличие от «демократичных» красных, обращают на себя внимание сохранением строгой армейской иерархии дореволюционного образца: частота употребления слов «господин», «полковник», «поручик», «генерал», «Ваше превосходительство» наиболее высока. Таким образом, подчеркивается желание белых сохранять структурные принципы и традиции царской армии.

О своих противниках белые отзываются предсказуемо в негативном ключе. В «Разгроме Юденича» в речах белогвардейцев красные – бандиты и хамы, которые захватили Петроград. Сам город для Юденича – «большевистский Вавилон», который необходимо «прочистить», т.е. ликвидировать всех сочувствующих большевистским идеям.

Для победы над большевиками белые офицеры готовы воспользоваться самими низменными способами. Поручик Клюге фон Клюгенау, будучи

засланным в красную армию, рассказывает красноармейцу-крестьянину о том, что комиссары «барствуют» в Питере, представляя их новыми помещиками в глазах мобилизованного крестьянина. Однако заведомо ложная агитация поручика против большевиков не возымела действие: все красноармейцы, несмотря на поражения, рьяно сражаются за советскую власть.

Белый офицер Николай Неклюдов из фильма «Незабываемый 1919-ый», чтобы вызвать ненависть к советской власти, расстреливает из пушек форта мирное население, выдавая это за приказ большевиков. Цинизм Неклюдова подчеркивается безразличным отношением к страданиям людей.

Критика большевиков в партийном и личном отношении совмещается у киноперсонажей с положительной оценкой действий Сталина. В фильме «Оборона Царицына» военспец Носович, разговаривая со своим помощником, говорит: «...если бы наши царские министры были бы хоть немного похожи на этого наркома, большевикам пришлось бы плохо». При этом эсер Молдавский, примкнувший к белым для подготовки восстания, получил от помощника Носовича хлесткую оценку – «прохвост».

Белоказацкий генерал Мамонтов даёт отрицательную характеристику своим союзникам – немцам и белогвардейскому подполью, которое не смогло захватить город. Первых он называет «дураками», критикуя за отсутствие помощи, вторые для него – бесполезные «болтуны» и «олухи». Тем самым создается впечатление отсутствия согласованности в рядах врагов, а также их слабость в сравнении со Сталиным и его сторонниками.

В кинокартине «Незабываемый 1919» использован прием «прозрения»: в конце фильма Николай Неклюдов, поняв, что союзники обманывали белое движение, меняет к красным свое отношение («умницы!»).

Создатели фильмов не могли обойти стороной религиозность белогвардейцев, как символ всего старого, реакционного, «царского». Однако она представлена в фильмах неоднозначно. Для белых офицеров вера не является базовой ценностью, воспринимается как неотъемлемая, но фоновая часть бытия. В «Разгроме Юденича» белые неоднократно употребляют слово «Бог». Отправляя поручика Клюге фон Клюгенау шпионить, Юденич крестит его перед уходом. На белогвардейских флагах красуются надпись «С нами Бог» и православный крест.

В фильме «Оборона Царицына» религиозность руководителей белого движения выражена словами радиста Ворошилова, который передаёт слова Мамонтова своему командиру: «Из штаба Мамонтова на счёт новой мобилизации казаков, ну, там, с нами бог и крестная сила и всё такое...».

Кинолента «Незабываемый 1919» показывает белогвардейцев людьми религиозными: выражение благодарности «слава Богу» или «слава Тебе,

Господи» употребляется в связи с помощью от интервентов, осенение крестным знаменем – в момент опасности. Генерал Неклюдов, один из белых командующих, ходит в церковь в начале фильма. Религиозный дискурс используется в отношении сына, сочувствующего большевикам, его называют «антихристом».

В целом, религиозность белых выглядит искусственной и формальной, поскольку их жестокое и коварное поведение противоречит заповедям христианства.

В фильмах сталинского периода белогвардеец предстаёт в виде презирающего народ жестокого офицера, готового совершить любое преступление, вплоть до сотрудничества с интервентами, преследуя цель победить большевизм. Отношение белогвардейцев к внешним врагам меняется от фильма к фильму, но их зависимость от стран-участников интервенции не ставится под вопрос. В «Разгроме Юденича», руководители белого движения постоянно консультируются с союзниками, используют их помощь (английские танки и офицеры), отчитываются перед ними. В «Обороне Царицына» генерал Мамонтов негативно отзываясь о немцах-союзниках, которые вместо тяжелой артиллерии присылают вагон сигареток и один «паршивый танк». Командующий казацкими войсками называется немцев «дураками», «союзничками» и «благодетелями». Создание фильма проходило в годы Великой Отечественной войны (1942 г.), что нашло отражение в изменении подачи образа взаимоотношений белогвардейцев и немцев. В киноленте «Незабываемый 1919-ый» белые предстают полностью зависимыми от своих союзников-англичан. Их подполье организовано английскими шпионами, списки коммунистов составляет завербованная ими жена командующего артиллерией Кронштадта. Подняв восстание в форте, белогвардеец Николай Неклюдов первым делом связывается не с А.П. Родзянко, а с англичанами, говоря при этом: «...готов выполнить любое распоряжение союзного командования». Генерал Родзянко начинает наступление только после того как узнает о том, что английские корабли вошли в Балтийское море.

В целом, структура образа врага в фильмах сталинского периода представлена двумя уровнями. Внутренние враги – белогвардейские организации и провокаторы в тылу красных, мешающие коммунистическому строительству и проведению военных операций. Белых и белоказацкие войска, их союзников на фронте можно отнести к внешним.

Во всех кинолентах белое движение обязательно получает покровительство от противников И. В. Сталина (Троцкого, Зиновьева), подчеркивается решающая роль вождя в победе: он разоблачает внутренних врагов, налаживая работу тыла большевиков, что приводит к успехам на

внешнем фронте. Для усиления реализма, врагами И. В. Сталина в фильмах выступают его политические оппоненты периода внутривластной борьбы. Так, в фильме «Незабываемый 1919-ый» в одной из сцен Г. Е. Зиновьев пытается уговорить большевиков эвакуироваться из Петрограда, а Балтфлот потопить. Несмотря на убедительные доводы председателя Петроградского совета о силе армии А.П. Родзянко, И.В. Сталин отменяет «преступные» приказы Г.Е. Зиновьева, сохранив флот для борьбы с белыми.

К концу правления И.В. Сталина образ белогвардейца усложняется. Для создания эффекта антипатии, у некоторых персонажей подчеркиваются корыстные, низменные мотивы борьбы. В кинокартине «Незабываемый 1919-ый» представлен персонаж Ольги Буткевич – жены одного из белогвардейцев, которая работает на английскую разведку и вредит большевикам ради наживы. За составление списков коммунистов, заочно приговорённых к повешению, она берет 1500 фунтов стерлингов или за каждого коммуниста «по два рубля пятнадцать копеек в русской валюте...».

В целом, образ врага в Гражданской войне в сталинском кинематографе использовался как для политических манипуляций с целью усиления личной власти вождя, так и для создания исторических параллелей относительно внешних врагов в период создания фильмов (немецкие интервенты – в период Великой Отечественной войны, вмешательство стран Антанты – во время Холодной войны).

Смерть Сталина ознаменовала постепенное смягчение режима, что отразилось на историко-революционном кинематографе. Уже в кинокартине «Любовь Яровая» (1953) отсутствуют упоминания о политических врагах вождя и вредителях в среде большевиков. Белогвардейцы опираются исключительно на поддержку Антанты. В среде белых реальные исторические личности практически отсутствуют.

Белогвардейцы сохраняют черты отрицательного образа предыдущего периода. В фильме «Любовь Яровая» белогвардеец полковник Малинин получает удовольствие от «эзекуции» сельских жителей. В киноленте «Поэт» (1956 г.) поручик Орловский идеализирует Наполеона и стремится ему подражать. Празднуя возвращение старого режима в городе, оккупированном белыми, офицер публикует сборник стихов, где эпитафией служит знаменитое четверостишие А.А. Блока: «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека». Однако работая в контрразведке, он с легкостью отправляет на расстрел женщин и пожилых людей.

В фильмах периода оттепели, как и в позднесталинском кинематографе, присутствует «типичный» антагонист – белогвардеец-враг, однако в его портрет проникают новые черты. Прежде всего, получил развитие прием

«очеловечивания» персонажа, использованный в фильме «Незабываемый 1919 - ый», когда враг обретает личную мотивацию к действию. В киноленте «Любовь Яровая» полковник Малинин борется за восстановление монархии, наказывая любого, кто пытается оскорбить царскую семью, полковник Кутов воюет ради собственного честолюбия и выгоды. Эгоистичный белобандит Никитский («Кортик»), стремится к личному обогащению. Офицер контрразведки Орловский из фильма «Поэт» сражается против «Хама, возглавившего революцию» и лишившего его привилегий.

В фильмах 1950-х гг. наряду с «привычным» врагом появляется иной тип персонажа – белогвардеец-противник, совмещающий в себе отрицательные и положительные качества. В отличие от белогвардейцев из фильмов сталинского периода, «противникам» удаётся вести диалог не только при помощи силы или лжи, но и демонстрировать свои принципы и мировоззрение.

Данные персонажи не являются беспощадными и жестокими врагами, действующими по принципу «кто не с нами, тот против нас». Поручик Яровой в киноленте «Любовь Яровая» выслушивает профессора, обеспокоенного тем, что белые хотят повесить партизан и даже спасает его от ареста. Искренняя любовь к жене, желание любой ценой спасти ее от расстрела за большевистские убеждения, вызывает симпатию у зрителя.

Однако данные персонажи, несмотря на «очеловеченность», показаны исключениями, одиночками, что подталкивает к выводу о бесперспективности белого движения в целом. Так, поручик Яровой, отстаивая идеи свободы, фактически служит разложенным и жестоким белогвардейцам – полковнику Малинину и Кутову, которые считают репрессии в отношении населения единственным верным средством успокоения народа. Прапорщик Стрельцов, отстаивая независимость молодежи от большевиков, принимает помощь контрреволюционеров и, в итоге, попустительствует покушению на жизнь своего товарища, который за ним следовал. После чего служит белогвардейцам, окончательно переходя в стан врагов революции, принимая смерть от её защитников. Говоруха-Отрок, соглашается с Марюткой в том, что необходимо бороться за правое дело, но, пытаясь примкнуть к подплывающим белогвардейцам, умирает от пули любимой.

В некоторых случаях в оттепельном кинематографе происходит смена сюжетных ролей: белогвардеец из антагониста превращается в протагониста. При этом если поручик Яровой – это антигерой с «человечными» чертами, то в фильме «Сорок первый» Говоруха-Отрок – главный герой, пусть и с ошибочными взглядами.

Стоит заметить, что религиозность белогвардейцев в фильмах оттепельного периода не является центральной темой, несмотря на начало

реализации антирелигиозной кампании. Тема союзников также перестала быть центральной, и представлена неравномерно: от полного отсутствия интервентов в фильмах («Они были первыми», «Школа мужества») и до марионеточной зависимости белых от союзников («Поэт»).

Пересмотр устоявшегося образа белогвардейца в период оттепели связан с социальным заказом общества, направленным на осмысление завоеваний Октября. Представляя «белых» отрицательными персонажами, режиссеры пытались углубиться в мотивы поведения, что привело к «очеловечиванию» врага. Изменение политического курса после смерти И.В. Сталина лишили режим необходимости легитимизировать себя через демонизацию Л.Д. Троцкого или Г.Е. Зиновьева. Частичная реабилитация повлияла на отказ от идеи предателей в стане большевиков, помогающих белогвардейцам, что нарушало привычную двухуровневую структуру врага, характерную для позднесталинского кинематографа.

Проведенное нами исследование доказывает, что облик белогвардейца менялся в зависимости от политической конъюнктуры и общественных настроений. Однако, несмотря на эти изменения, образ белого движения оставался в исторической памяти советского человека сугубо негативным, изменилась лишь форма репрезентации врага на экране.

Библиографические ссылки

1. Волков Е. В. Белое движение в культурной памяти советского общества: эволюция «образа врага»: дис... доктора ист. наук: 07.00.02 / Волков Евгений Владимирович. – Челябинск, 2009.
2. Волков Е. В. «Колчаковщина» в советском игровом кино [Электронный ресурс], Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kolchakovschina-v-sovetskom-igrovom-kino>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 10.10.2017).
3. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. Коллектив авторов. Сост. Е.М. Михина. М., Российский гос.Гуманитарный университет. 1996. 255 с.
4. Мазур Л.Н. Образы сельской истории в советском художественном кинематографе 1920-1991 гг. опыт количественного анализа // Диалог со временем. М.: 2013 г., №43. с.282-302
5. Усенко О.Г. Примерная методология изучения менталитета по игровому кино // Человек-текст-эпоха: Сб. науч. статей и материалов. – Вып. 2: Современные проблемы источниковедения / Под ред. В. П. Зиновьева, Е. Е. Дутчак. – Томск: Изд-во Том.ун-та, 2006. с.296, с. 11-26.

6. Усманова А. Визуальный поворот и гендерная история 2004 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sbiblio.com/biblio/archive/usmanova_visualniy, свободный. Яз. рус.(дата обращения: 10.10.2017).
7. Федоров А. В. Образ белого движения в отечественном киноискусстве 1940-1950-х годов / Международный информационно-аналитический журнал «CredeExperto: транспорт, общество, образование, язык». №3 (06). Сентябрь 2015 г. с.45-55.
8. Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. – М.:1993 г., №2. с.47-57.

G. S. Egorova, A. A. Andrianov

**THE IMAGE OF THE WHITE GUARDS IN THE SOVIET CINEMA
(1940 – 1950-ies): FROM THE STALIN’S STANDSTILL
TO THE KHRUSHCHEV THAW**

This article deals with the evolution of the image of white guards in the Soviet cinema from the Great Patriotic war till 1956 based on the analysis of visual narrative sources. Using the methodology of content and hermeneutic analysis, as well as blogosphere study, the paper gives a detailed analysis of the changes in behavior patterns, norms and values, the appearance of white army officers under the influence of ideological and political conjuncture.

Keywords: image of the enemy, the white guards, the Civil war in Russia, cinema, socialist realism, the thaw period.

УДК 930.2/316.45

И. А. Николаева, А. Ю. Климова

**ОБРАЗ МОНАРХИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ И ИМПЕРАТОРСКОЙ ЧЕТЫ
В РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД
РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 г.**

В данной статье рассматривается влияние сатирической прессы на формирование представлений о Российской монархии накануне и в ходе революции 1917 г. в общественном сознании, выявляются черты образа императорской четы, представленные в периодических изданиях, определяется характер и последствия влияния прессы на сознание и действия масс.

Ключевые слова: российская революция 1917 г.; образ монархической власти; пресса в России; общественное сознание.

В современной историографии все большее внимание уделяется вопросу идеологического влияния прессы начала XX века на массовое сознание. Особенно остро эта проблема стоит в отношении революционных событий в России 1917 г., поскольку периодическая печать на этом этапе стала не только основным источником формирования информационного поля в российском обществе, но и фактором, в значительной степени определявшим направление социальных процессов. В связи с этим, важно обратиться к проблеме формирования прессой образа самодержавной власти и императорской четы, служившей выразителем монархической идеи.

Наибольшее внимание образу монархической власти и ее представителей, безусловно, уделялось в сатирических изданиях начала XX века. Поэтому основой исследования стала сатирическая печать. В частности, такие издания, как: «Булат», «Заноза», «Зарево», «Трепач», «Пчела», «Бурелом», «Бич», «Будильник».

История русской журналистики начала XX века имела свои специфические условия развития. Повышение уровня грамотности населения, усложнение социальной и политической структуры, развитие капиталистических отношений вызвали высокий количественный рост периодики. Согласно статистике, в 1901 году в России насчитывалось 1074 периодических органов, в 1905 г. – 1795 газет и журналов, в 1910 – 2391, в 1913 – 2915 изданий [11, с.20]. Развивалась как правительственная пресса, так и частная журналистика. Но, если говорить об обеспеченности населения печатными изданиями, то она была, по подсчетам специалистов, крайне низкой. Исследователь С.Я. Махонина подчеркивает, что в 1900 г. одно издание приходилось примерно на 128 тыс. человек, при этом население страны в конце XIX века составляло около 128,2 млн. человек. Ещё один важный момент – российская пресса долгое время находилась под контролем цензуры, подчиняясь Уставу 1865 г. Однако и на рубеже веков сатирическая периодика занимала свою нишу в среде российской печати. Редакция журнала «Булат», например, так обозначила цель своего существования: «В наше тяжёлое, смутное время, - время расцвета свободного развития «демократических реформ», генерал - губернаторов, “злонамеренности печати” и отсутствия понимания друг друга - мы решили прийти на помощь всему чистому и прекрасному, оковать всё честное «непроницаемую броней», оградив его ото всяких покушений, и разбить мощным булатом всё, не реагирующее на современные требования жизни» [1, с.2].

Ситуация кардинально поменялась после принятия царского Манифеста от 17 октября 1905 года и «Временных правил о периодической печати». Была провозглашена свобода слова, упразднена общая и духовная предварительная

цензура, запрещалось административное воздействие на печать, отменялись цензы для издателей и т. д. В связи с этими постановлениями наблюдается бурный рост периодики, в особенности сатирического толка. Возникают организации профессиональных журналистов – «Союз журналистов, книгоиздателей и книгопечатников», «Союз защиты свободы печати». Воспользовавшись свободой печати, издатели начинают публиковать широкий спектр информации и идей [13, с.447]. Генерал П. Г. Курлов писал: «Большинство русской интеллигенции считало долгом с утра почитать какую-нибудь либеральную газету и подчёрпнуть из неё все сплетни, запасшись одновременно на весь день готовыми политическими “соображениями”, так как собственных мнений у рядового читателя не было» [10, с.36].

Необходимо отметить, что «временные правила» определяли наказуемыми только «прямые нападки на царя, царскую власть и хулу на православную Церковь» [13, с.447]. Тем не менее, огромное количество периодических изданий не просто нарушали установленные запреты, но активно поддерживали революционные идеи и буквально пропагандировали смену власти. Если мы откроем журнал «Зарево» за 1906 год, то на обложке увидим бунтующий Петроград, залитый черно – красным цветом, а на предпоследней странице стихотворение:

«...Идём мы с победно распущенным флагом
С иконой, с секирой, с дубиной, с крестом,
Идём мы зловещим, ритмическим шагом
Судить вас своим беспощадным судом» [8, с.7].

В журнале «Булат» также можно найти открытые призывы к социальной борьбе, некий «зловещий гимн печали»:

«...Довольно мук! Довольно слёз!
Воспряньте гордые народы
Для новых дум, для новых грёз
Для братства, правды и свободы!» [1. с.7].

Новые запреты в отношении периодических изданий появились лишь перед началом Первой мировой войны. Министерство внутренних дел вновь получило право контроля над прессой после введения «Временного положения о военной цензуре». Однако большого значения эти установления не сыграли, а впоследствии лишь усилили революционное настроение масс. Советский литературовед С. Д. Дрейден отмечал: «Условия цензурной гласности не позволяли развернуться оппозиционным настроениям ни писателя, ни читателя. И это естественно обеспечивало бурный рост нелегальной, устной, подпольной сатирической литературы» [4, с. 9]. Журналы по той или иной причине закрытые в 1906 и 1914 годах начали вновь публиковаться, причём информация

преподносилась там уже с более агрессивной подачей. В особенности это касалось императорской семьи, которая оказалась мишенью самой жесткой сатирической критики.

С. Я. Махонина в своей работе «История русской журналистики начала XX века» отмечает, что «в городе практически не было людей, сочувствовавших монарху, который вызвал всеобщее осуждение за то, что допустил к управлению страной Г. Распутина, за устроенную им министерскую чехарду, а также за прогерманскую политику императрицы» [11, с.19]. Большое количество прессы с восторгом приняли долгожданную свободу и отречение «слабого», «бездеятельного» царя. Подобная реакция на происходящее была немыслимой для императорской четы, которая «всегда верила в народную поддержку» [12, с. 224]. До последних дней Николай II, как пишет исследователь Б. Н. Миронов, разделял «славянофильские представления о преданности народа государю на уровне религиозного чувства, о полном равнодушии масс к либерально-буржуазным нововведениям и о разъединяющей верховную власть и народ бюрократии» [12, с. 224].

В своих мемуарах А.Ф. Керенский писал, что «фантастические и порой совершенно недостойные описания дворцовой жизни стали появляться в различных газетах, даже в тех, которые до последнего дня старого режима являлись “полуофициальным” голосом правительства и извлекали немалую выгоду из своей преданности короне» [9, с. 165]. После свершившихся в феврале революционных событий «желтая пресса» начала беспрецедентно агрессивную кампанию в отношении сверженного царя и его супруги. Цель подобной дискредитации – «возбудить среди рабочих, солдат и обывателей чувства ненависти и мщения» [9, с. 165].

О сверженном императоре писали: «...Рожденный пресмыкаться, он, как и все деспоты, мечтал о полётах в небо, совершенно упуская из виду, что бескрылые не летают. Когда его папенька-миротворец выписал Алису Гессенскую и приказал ему жениться, – Николай никак не мог понять для чего собственно нужна ещё Гессенская принцесса, когда у него есть прекрасная Матильда...» [5, с.3]. «Николай погрузился в черную и белую магию, в колдовство и чародейство, пьянствовал и передавал бразды правления благочестивейшей Алисе» [5, с.3] – описывалось далее. Александра Федоровна, к слову, представала перед читателями «больной, истеричной, склонной к мистицизму» [5, с.4]. Она окружала себя сплошь предателями, шпионами, казнокрадами, развратниками, среди которых особое место занял Григорий Распутин – «бывший конокрад села Покровского...неграмотный хам...» [5, с. 4].

«Судьба частенько очень зла...

Она России – это странно –

Дала двухглавого орла

И... безголового титана» [4, с. 42], – было опубликовано в апреле 1917 года в «Журнале журналов».

В «Новом Сатириконе» бывшему царю и царице предназначались следующие характеристики:

1) «Алиса Гессенская (псевдоним Александры Романовой, партийная кличка “Сана”). Много сделала для войны и для победы своего народа. Вероисповедания Григорианского. Известна, как рукодельница, вышивавшая рубашки св. Григорию Распутину... По-русски бегло говорит одно только слово “Ночь”! Теперь ведёт замкнутый образ жизни» [4, с. 44];

2) «...Важнейшие этапы царствования этого гениального монарха: Ходынка, Порт – Артур, Цусима, 9 января и пр. По собственному признанию “любит цветочки”, хотя, вместо цветочков, любил срывать головы своих “верноподданных”... Молчалив, не без основания. Теперь ведёт замкнутый образ жизни» [4, с.45].

В журнале «Трепач», опубликованном в марте 1917 года, на предпоследней странице можно найти раздел «Новые сенсационные книги». Судя уже по названиям, рекомендовалась там литература совершенно абсурдная, явно не выставляющая царскую семью в хорошем свете: «Григорий Распутин (с фото-иллюстрациями в тексте ц. 2 р.)»; «Тайна дома Романовых (ц. 2 р.)»; «Царские холопы (с иллюстрациями в тексте ц. 2 р.)»; «Тайны Охранки (ц. 1 р.)»; «Николай в Аду (ц. 1 р.)»; «Святой чёрт (ц. 2 р.)» [19, с. 15].

В разделе «Объявления» в вышеназванном журнале продавалась корона, причем «СЛУЧАЙНО. Очень дешёво, по соглашению. Ленинцам скидка» [18, с.15].

Проанализировав периодику сатирического толка, можно сделать вывод, что еще накануне революционных потрясений сатирическая пресса начала осуществлять явный антимонархический прессинг. Царская чета стала главным объектом карикатурного воздействия, как самый явный символ монархической власти. При этом следует отметить, что процессы развития политической сатиры и революции двояко воздействовали друг на друга: антимонархическая сатира разъедала массовое доверие к законной власти, подталкивая революцию, а революционные процессы, со своей стороны, подогревали критический настрой прессы и «разнузданность» политической сатиры. Не случайно в 1916-1917 годах появился значительный список «кличек», «специфических имён», которые употреблялись в прессе по отношению к императору и императрице.

Конкретно к царю относились следующие: «Николай Последний, «Иностранец – кровей германских», «Помазанник богов», «Никола», «Николашка», «Носитель самой тяжёлой на свете короны», «Безголовый тиран». Александра Федоровна упоминалась как «Самодержавная Алиса», «Царица – блудница», «Гессенская муха», «Ника милуша», «Сана», «Лиса». Всю царскую семью величали не иначе как «господа Обмановы».

Даже после февральской революции вакханалия сатирической прессы не остановилась, по метким словам современников, многочисленные журналы и газеты «свергали уже свергнутого царя, клеймили уже заклеянных царских министров и рассчитывались с уже получившими расчет царскими “цензорами”» [4, с.15]. Это во многом предопределило судьбу царской семьи, подготовив почву для убийства, которое не вызвало никакого общественного возмущения.

В то же время, интересным является факт, что после октябрьских событий политическая сатира обратилась и против новой власти. Показательной в этом отношении является заметка в журнале «Трепач» от 30 апреля 1917 года: «В начале марта вся Россия восстала, вся сплошь старый строй добивала, тогда все мои приятели, братцы – обыватели, слова задаром не тратили, не болтали обалдело, а делали своё дело... Стрелять было не в кого кроме фараона мелкого, однако все ходили и вверх палили, – разом пошла жизнь заново: не стало Коленьки Романова...Алис и прочих титулованных крыс...А как свершилось всё дело, посторонняя публика налетела за место прежнего фараона...и теперь нас разделили на клетки, надписали каждому отметки: “сей моншер (милый мой, дорогой мой) – из партии эс-эр”, “сей стрекулист – индивидуалист”, “сей хам стихийный – человек беспартийный”. Зачем...мы свободы добивались, зачем Республикой восторгались, раз вместо Романова получили Ленина да Плеханова» [15, с.2]. Этот пример является ярким показателем эволюции сатирической прессы за революционный период от антимонархической критики в сторону критики антиправительственной. Можно сказать, что в этом отношении, сатирическая пресса стала выразителем квинтэссенции революционной стихии, направленной против любого порядка.

Антимонархическая пропаганда в период революционных событий 1917 г. была невероятно большой по масштабу и крайне язвительной. Провозглашаемая прессой «чистая правда» нередко выливалась в совершенно неоправданные обвинения, унижительные карикатуры и стишки, в грубые формы критики. Поток обличительной и дешевой литературы буквально хлынул на улицы, воздействуя на сознание населения России, развращая

неискушенного обывателя и готовя почву революционным потрясениям. Что касается царской четы, то её искаженный облик, представлявшийся в прессе перед читателями как единственно верный и правильный, не только достиг своей разрушительной цели, но и надолго закрепился в общественном сознании последующих поколений. Вплоть до сегодняшнего дня, созданные сатирической прессой клише, продолжают оказывать влияние на историческое восприятие царской семьи и монархической власти Российской Империи на последних этапах ее существования.

Библиографические ссылки

1. Булат 1906 №1 - Петроград; 8 с.
2. Бурелом 1906 №3 - Петроград: 1 января 1906 г. 8 с.
3. Великая Революция 1917 года: иллюстрированная летопись / Руслан Гагкуев, Александр Репников. - Москва: Эксмо: Яуза, 2017. 224 с.
4. Дрейден С. Д. (сост.) 1917 в сатире. М.-Л.: Государственное издательство, 1928. 212 с.
5. Заноза 1917 г. №01 - Петроград: апрель 1917. 8 с.
6. Заноза 1906 г. №6 - Петроград; 8 с.
7. Зарево 1906 г. №12 - Петроград: 1-2 декабря 1906г. 8 с.
8. Зарево 1906 г. №2 - Петроград; 8 с.
9. Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары: Пер. с англ. - М.: Республика, 1993. 384 с.
10. Курлов П. Г. Гибель Императорской России: - М.: Современник, 1992. 255 с.
11. Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века. Учебно - методический комплект. - М.: Флинта: Наука, 2004. 368 с.
12. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.) Том 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 588 с.
13. Пушкарев С. Г. Россия 1801 - 1917: власть и общество. Москва, «Посев». 2001. 672 с.
14. Стыкалин С., Кременская И. Советская сатирическая печать 1917-1963. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. 521 с.
15. Трепач 1917 г. №4 - Петроград; 16 с.
16. Трепач 1917 г. №5 - Петроград; 16 с.
17. Трепач 1917 г. №6 - Петроград; 16 с.
18. Трепач 1917 г. №8 - Петроград; 16 с.
19. Трепач 1917г. №26 - Петроград; 16 с.

IMAGE OF MONARCH POWER AND IMPERIAL PARTIES IN THE RUSSIAN PRESS ON THE EVE AND DURING THE REVOLUTIONARY PERIOD

The article is dedicated to the study the role of the satirical press in the formation of the Russian monarchy's image in the public consciousness on the eve and during the revolution of 1917, the article identifies the features of the Imperial couple's image, which were presented in periodicals, determines the nature and consequences of the press influence on the public consciousness and actions.

Keywords: Russian revolution of 1917; image of monarchical power; the press in Russia; public consciousness.

УДК 316.44

Е. Н. Орлик

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ

В данной статье рассматриваются конфигурации социально-классовой структуры общества под влиянием радикальных, революционных воздействий на социальные институты общества на протяжении XIX-XX вв. Особое внимание уделяется методам становления новой социальной структуры и их последствиям для социально-экономического и политического развития российского общества по итогам октябрьской революции 1917 г.

Ключевые слова: революция, дезорганизация власти, социальные институты, социально-классовая структура общества, социальная мобильность, социальный контроль.

Как известно, путь революционным преобразованиям и установлению принципиально нового устройства мирового правопорядка открыла Великая французская революция 1789-1794 гг. Произвол властей, дезорганизация и несостоятельность королевской династии, мракобесие церкви, политика протекционизма, голод и дороговизна после неурожая 1788 года, – вот главные обстоятельства, которые заставили французский народ братья за оружие и возводить баррикады. Лозунги этой революции были понятны всем: «Свобода», «Равенство», «Братство». Позже в середине XIX – начале XX веков эстафету революционных преобразований подхватили в Англии, Голландии, Германии, России.

Под революцией понимается коренной переворот, резкий скачкообразный переход от одного качественного состояния к другому. Если говорить о социальной революции, то речь идет о коренном перевороте в социально-экономическом и политическом устройстве общества. Которому предшествует революционная ситуация, характеризующаяся, по словам П. А. Сорокина, подавлением всех базовых инстинктов, «удобренных тем, что основы социального строя расшатаны, а дорога к революциям открыта идеями Руссо и Вольтера, Иоанна Гуса и Иеронима Пражского, индипендентами и Лильборном, Марксом и Лассалем, Лавровым, Михайловским, Плехановым и другими» [5, с. 286-287].

Любая революция предполагает радикальные изменения основ жизнедеятельности общества. Происходят содержательные изменения во всех институтах общества: политике, идеологии, экономике, культуре, науке, образования. Как следствие, меняется положение разных социальных групп и классов общества, степень их активности в обществе. Устанавливается принципиально иной тип социально-классовой структуры общества.

Под социально-классовой структурой понимается совокупность взаимосвязанных между собой и упорядоченных друг относительно друга социальных групп. Они занимают разные места в системе неравенства конкретного общества, дифференцируются по объему имеющейся у них власти, собственности, дохода, престижа и т.п. Все они связаны между собой экономическими, политическим, культурными отношениями и являются субъектами функционирования основных институтов общества.

С этой точки зрения социально-классовая структура является социальным регулятором, обеспечивающим динамику развития общественных отношений. Взаимоотношение элиты и населения страны, интересы и характер активности разных социальных групп, их взаимоотношения формируют социум как таковой. Трудно переоценить роль социально-классовой структуры в формировании и развитии экономики общества. Напомним главные функции:

– распределительная. Направлена на поддержание и развитие форм общественного разделения труда. Ее реализация подразумевает сохранение определенного профессионального, отраслевого и квалификационного состава трудовых ресурсов и обеспечение мобильности этих ресурсов на адекватном запросам производства уровне;

– стимулирующая. Предполагает формирование эффективной системы стимулирования трудовой активности разных профессиональных групп. Позволяет через увеличение совокупного трудового вклада наиболее полной реализации трудового потенциала личности;

– интеграционная. Обеспечивает единство интересов разных социальных и статусных групп в системе экономических отношений;

– инновационная. В разной степени может быть ориентированной на внедрение научных достижений в производство товаров и услуг, и даже тормозить научно-технический прогресс в целом.

Буржуазные революции середины XIX столетия в странах Европы расчистили общественные отношения от пут средневекового феодализма: отменили сословные и родовые привилегии дворянства, патриархальные экономические отношения, основанные на личной зависимости и физическом принуждении к труду, существенно сократили долю мелкотоварного и ремесленного производства в экономике. С переходом к капитализму заметно ускоряются темпы роста производительных сил, сокращаются сроки внедрения научно-технических достижений, растут объемы производства, вместе с утверждением в производственных отношениях экономического принуждения как основного средства привлечения к труду, появляются наемные работники, рабочий класс. Соответствующие изменения происходят в культуре и системе образования. По мере концентрации власти и собственности в руках буржуазии положение других социальных групп и классов общества становится более шатким, им приходится отстаивать свои политические и экономические права, создавая политические партии и профсоюзы. В этой ситуации правящему классу приходится поступаться частью своих завоеваний, идти на уступки и компромиссы в целях сохранения своего status quo, двигаться по пути дальнейшей демократизации общества. Все эти трансформации ведут к формированию нового типа социально-классовой структуры, основу которой образуют представители крупного капитала, интеллектуалы, мелкая буржуазия и рабочий класс.

Февральская революция 1917 года в России также по своему характеру была буржуазно-демократической. В ее основе наряду с организационной беспомощностью правящей династии, проявившейся в министерской чехарде, неудачном подборе военачальников, не способной обеспечить надлежащий контроль за положением дел в стране, лежало недовольство крупной буржуазии и обнищание народных масс. Ее лозунги были также понятны всем: «Долой войну», «Долой самодержавие», «Хлеба». Однако, в отличие от Великой французской революции, плодами которой воспользовалась буржуазия, ее результаты обратили себе на пользу радикальные политические силы, воспользовавшиеся нерешительностью Временного правительства и пришедшие к власти в октябре 1917 года. Они взяли на вооружение лозунги отложенных и нерешенных проблем, отражавших чаяния широких народных масс: «Долой войну», «Землю – крестьянам», «Фабрики – рабочим».

Октябрьская революция 1917 года в России получила название социалистической.

Обратимся к истории вопроса. По замыслу идеологов марксизма социалистической революции должен был предшествовать достаточно длительный период пролетарской трансформации от «класса в себе» в «класс для себя». Однако, если рабочий класс активно участвовал в экономической борьбе, то предложения включиться в политическую борьбу в качестве творца нового мира и уклада жизни его представители, как правило, отклоняли.

В истории известны лишь несколько представителей рабочего класса, которые самостоятельно пытались осмыслить место и роль рабочего класса в системе общественных отношений. Это были сапожник Яков Бем, портной Вильгельм Вейтлинг, наборщик Жозеф Прудон, кожевник Иосиф Дицген.

Для преодоления этого разрыва и просвещения пролетариата насчет его исторической миссии требовалась особая сила – политическая партия.

К. Маркс так определил свой вклад в теорию классов: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве: 1) Что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства; 2) Что классовая борьба неминуемо ведет к диктатуре пролетариата; 3) Что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов» [2, с.427].

Однако после революции в российском обществе установилась не диктатура пролетариата, а диктатура политической партии, у руля которой встали радикально настроенные интеллектуалы. Под вывеской пролетарского государства В. И. Ленин и его преемники создали репрессивный аппарат. Задачами которого на первых этапах были: подавление сопротивления свергнутых классов; победа в гражданской войне; нейтрализация мелкой буржуазии; использование буржуазных специалистов; воспитание новой дисциплины.

В результате проводимой таким образом социальной политики в период с осени 1917 г. до начала 1922 г. численность населения России сократилась на 13 млн. человек [6, с.265]. Однако при характеристике населения страны следует исходить не только из количественного, но и качественного его состава. П.А. Сорокин определяет качество населения как генофонд страны. С этой точки зрения депопуляция населения ведет не только к демографической, но и генетической катастрофе. Достаточно вспомнить «философский пароход», который существенно обеднил интеллектуальный потенциал России.

Позже был создан механизм планирования новой социальной структуры общества, который включал в себя:

– прямое уничтожение ряда социальных групп в лице зажиточного крестьянства (кулаки, середняки), буржуазных и военных специалистов, партийных работников, критикующих генеральную линию правящей партии;

– ликвидацию ряда социальных ролей, не стыкующихся с государственной формой собственности: предприниматели, коммерсанты, торговцы.

– создание системы номенклатуры, отбираемой по диктуемым сверху критериям, главный из которых – идеологическая преданность.

На деле это обернулось миллионами человеческих жертв, уничтожением интеллектуальной элиты общества, обнищанием населения, управлением экономики административными методами. Формируемая такими методами социально-классовая структура общества не в состоянии была выполнять свои главные функции, тормозя полноценное развитие и функционирование общества, обреченного, вопреки энтузиазму строителей нового мира, на прозябание и застой.

Вот что писал про обстановку в стране старший механик на станции «Москва» Казанской железной дороги Е. Н. Николаев в своем дневнике 17 января 1936 г.: «То и дело слышишь, что всюду идут обыски, аресты, суды, все суды переполнены людьми, которых судят за то, что бы ранее только поощряли. Все тюрьмы переполнены. Все дорого, недоброкачественно и почти ничего нет, что составляет первую необходимость» [1, с.56.]. Позже в январе 1938 г автор этих строк был приговорен к расстрелу. Аналогичные меры были применены к 681 692 гражданам Советской России.

В совокупности все эти методы борьбы за утверждение лояльности к новой власти и социальному порядку истончили слой активных и интеллектуальных развитых социальных групп, способных к творчеству и инновациям. Позже барьеры, выставляемые политикой партийной номенклатуры от имени общенародного государств, такие как: нелегитимный ценз оседлости для колхозного крестьянства, скрытый антисемитизм, членство в компартии как главное условие карьерного роста, – загнали активное ядро социальной структуры общества в подполье. К середине 70-х гг. XX века в СССР всю процветали теневой бизнес, сетевые содружества, разделяющих общество «на своих и чужих», закрытые распределители и магазины для избранных, двойные моральные стандарты на всех уровнях общественной организации, коррупция.

Главным признаком развитой социально-классовой структуры является ее вертикальное построение на основе легитимной системы социального равенства данного общества. Слабость официально пропагандируемой в СССР теории классов, которая сводится к тезису о том, что при социализме

существуют два неантагонистических класса: рабочий класс и трудовое крестьянство, и народная интеллигенция в качестве социального слоя, – заключается в представлении социально-классовой структуры общества как социально однородной при полном отсутствии разности интересов и противоречий. Это лишает социально-классовую структуру общества ее главного достоинства – вертикального построения, порождая эгалитаризм и социальную апатию, ведет к застою в экономике, отрыву политической элиты от реальных запросов социальных групп и классов общества, отсутствию социальной мобильности. Таким образом, был сформирован принципиально новый тип личности, которую отличали повышенная внушаемость, патернализм, сбои в механизмах адаптации и саморегулировании.

Неистребимой для руководящей элиты СССР оказалась бедность части населения страны, строящей бесклассовое общество. Так, на долю «бедных», малообеспеченных людей от общей численности населения приходилось в 60-е гг. – 29,6%; на конец 70-х гг. – 32,1%; на конец 80-х гг. – 30,7% [3, с.34].

В социологической науке в 90-е гг. появились термины: «плавающая» и «устойчивая» бедность. Если «плавающая» бедность предполагает преодоление социальной инерции среды и некое повышение экономического статуса личности, то «устойчивая» бедность, по мнению ученых, предполагает воспроизводство бедности в новом поколении. Иными словами, бедный воспроизводит бедного.

Бесспорно, шоковая терапия 90-х гг. усугубила проблему обнищания населения, тогда бедной стала вся страна. Однако, бесспорен тот факт, что бедность как наследие царского режима не смогли преодолеть идеологи и строители коммунизма, приведя страну в идеологический тупик и экономический упадок. И с этим наследием российским ученым и политикам приходится считаться.

Библиографические ссылки

1. Исчез человек и нет его, куда девался – никто не знает. Из конфискованного дневника // Источник. Приложение к журналу Родина, 1993, № 4, С. 46 – 62.
2. Маркс К. Письмо к И. Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 28, с. 426 – 427.
3. Римашевская Н. М. Бедность и маргинализация населения // СОЦИС 2004, № 4, с. 33 – 44.
4. Рывкина Р. В. Социальная структура обществ как регулятор развития экономики // Экономическая социология и перестройка. М., 1989, с. 69 – 90.

5. Сорокин П. А. Социология революции / Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. М., 1992, с. 266 – 295.
6. Триодин В. Е. П.Сорокин о влиянии войн и революций на поведение человека // Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени. Материалы международного научного симпозиума 4-6 февраля 1999 г. М.-Спб., с. 265 – 267.

E. N. Orlik

REVOLUTION AS A FACTOR OF SOCIAL STRATIFICATION

This article discusses the configuration of the social-class structure of society under the influence of radical, revolutionary impacts on the social institutions of the society during the XIX-XX centuries. Special attention is devoted to the formation of new social structures and their implications for socio-economic and political development of Russian society after the October revolution of 1917.

Keywords: revolution, disruption of government, social institutions, social class structure of society, social mobility, social control.

УДК 94

Е. М. Петровичева

РОЛЬ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ НАКАНУНЕ 1917 г.

Статья посвящена развитию гражданских инициатив в сфере общественного призрения в конце XIX - начале XX вв., особенно в период Первой мировой войны. Исследование, основанное на материалах центральных губерний, посвящено анализу деятельности органов местного самоуправления и их взаимоотношений с властью и вносит вклад в изучение проблемы складывания элементов гражданского общества в позднеимперской России накануне революции 1917 года.

Ключевые слова: общественное призрение, органы местного самоуправления, первая мировая война, гражданские инициативы.

История благотворительности в Российской империи как одна из сфер гражданской деятельности привлекает неизменное внимание современных исследователей [16]. Важной, но пока еще недостаточно изученной проблемой

остается роль местных органов самоуправления в деле благотворительности и общественного призрения. Необходимо выяснить, каковы были функции земств, в чем заключались основные направления их деятельности в сфере призрения; какую роль брала на себя в этом деле власть - эти и другие вопросы нуждаются в дополнительном изучении. Дальнейшее исследование этой темы позволит внести вклад в разработку проблемы, касающейся складывания элементов гражданского общества и формах проявления гражданских инициатив в позднеимперской России.

Конец XIX – начало XX вв. были ознаменованы осуществлением серьезных преобразований, прежде всего, в социально-экономической, а также политической и духовной сферах страны. Быстрые перемены в экономике приводили к увеличению числа бедных и безработных. С другой стороны, наблюдался процесс европеизации форм социальной жизни [5]. Рост гуманистических тенденций придал благотворительному движению широчайший размах. Государство все более осознавало необходимость оказания социальной помощи населению и руководства решением социальных проблем.

Система общественного призрения претерпела коренные изменения после введения земских учреждений в 1864 г. По закону, именно на земства были возложены функции социальной заботы о населении; земские учреждения получили право распоряжаться местным бюджетом, но роль основного распорядителя частных пожертвований переходила к ним постепенно. К 1890-м годам земства большинства губерний обладали уже значительными ресурсами. По данным на 1902 г., благотворительные фонды земских учреждений составляли 21 млн. 736 тыс. руб.; из них 16 млн. 656 тыс. составляли капиталы, полученные от бывших Приказов общественного призрения, а 5 млн. 180 тыс. - добровольные пожертвования [1, с.149].

И все же доля земских расходов на общественное призрение была невысокой: в предвоенные 1909-1913 годы она равнялась 1,6 – 2% земских бюджетов, что составляло 3 - 4,5 млн. по всем земским губерниям [10, с. 174].

Оценивая деятельность земств в сфере общественного призрения, признанный лидер земского движения Б.Б. Веселовский отмечал: «Мы должны признать, что земства в области общественного призрения не проявили энергии; их мероприятия носят более или менее случайный характер и т.д. Общие причины (необходимость направлять большие средства на насущные культурные цели, отсутствие достаточно широкой постановки в нашем законодательстве и проч.) достаточно объясняют, почему земства не могли и не должны были отвлекаться в эту сторону; но вместе с тем, в пределах имеющихся средств (проценты с капиталов и т.д.), они могли бы внести в это

дело большую систему и планомерность, если бы отрешились от своего бюрократического отношения к данному делу» [2, т.1, с.443]. Эта оценка была во многом справедливой, но, пожалуй, слишком строгой. Следует заметить, что земства и сами сожалели о недостаточности средств и отмечали, что в Англии, например, призрение неимущих являлось обязательным, на него тратилось 10 млн. руб. в год, что ни в какое сравнение не шло с затратами на эту сферу в России.

Что же касается изменения законодательства и придания «делу большей системы и планомерности», то эти задачи призван был решать созданный министерством внутренних дел Первый съезд земских и городских самоуправлений по общественному призрению, который прошел в Санкт-Петербурге 11-17 мая. Задачей этого съезда являлось выявление положения общественного призрения с точки зрения прав, обязанностей и целей местного самоуправления. Сравнивая его с состоявшимся в марте 1910 г. съездом по общественному и частному призрению, земские деятели отмечали, что на нем не было строго продуманной программы, обсуждались разные стороны дела, но неизвестно было, «как правительство отнесется к вынесенным резолюциям, и как на постановления съезда будут реагировать местные учреждения. К делу подходили ощупью, без статистических данных, ... без большой надежды на практические результаты работы съезда». И все-таки, съезд 1910 г. оказал значительное влияние на земскую Россию, «дал сильную точку опоры для непосредственных работников и уяснил многие положения, которые до того времени земскими деятелями не принимались как бесспорные» [13, с.811]. Справедливости ради, следует отметить, что после съезда 1910 г. очевидный прогресс наблюдался, главным образом, в деле призрения детей-сирот; положение остальных категорий населения, нуждающихся в призрении, было существенно хуже.

Значение съезда, созванного в марте 1910 г., состоит прежде всего в том, что он оказал влияние на правительство, которое по резолюциям съезда увидело многие проблемы, остававшиеся ранее не освещенными. Были выделены самые насущные вопросы, которые правительство положило в основу программы, предложенной в мае 1914 г. первому съезду земских и городских деятелей по обязательному общественному призрению. Эти задачи определили и состав съезда, на который собрались главным образом делегаты от земских и городских органов самоуправления земств и городских дум как «самооблагающихся учреждений», и представители от правительства; представителей частных благотворительных организаций было немного.

Майскому съезду 1914 г. предстояло выступить в качестве «подготовительной комиссии» для будущих правительственных и

парламентских законодательных инициатив, что придало практическое направление всей его работе. Предстояло, прежде всего, твердо установить, какие категории лиц подлежали обязательному призрению, после чего планировалось приступить к систематическому статистическому обследованию и выяснению того, сколько лиц войдет в ту или иную категорию, и какая сумма потребуется для осуществления призрения.

Выполнение программы съезда взяли на себя две секции. Первая, под председательством И. Ф. Иорданова (Ростов на Дону) и М. А. Ошанина (Ярославль), занялась вопросом о покинутых детях; вторая, под председательством В. В. Акишева (Харьков) и И. В. Каменского (Екатеринослав), – всеми общими вопросами общественного призрения: выявлением категорий неимущих, подлежащих обязательному общественному призрению; выработкой нового устава общественного призрения; созданием необходимых органов; определением источников средств для покрытия расходов на призрение.

Съезд принял постановления, определившие категории граждан, подлежащих обязательному призрению. К ним относились, во-первых, беспризорники, дети нетрудоспособных или умалишенных родителей, а также родителей, жестоко обращавшихся с ними. Во-вторых, призрению подлежали престарелые, нетрудоспособные лица и калеки. И, в-третьих, это были хронические больные, потерявшие трудоспособность.

На съезде прозвучали две точки зрения, касавшиеся дальнейшей деятельности органов самоуправления в сфере призрения. Первая состояла в том, что земские учреждения должны будут расширить объекты обложения, организовать местные попечительства и через них осуществлять работу в области призрения. Вторая точка зрения заключалась в том, что правительство должно увеличить субсидирование земской работы в области призрения. Оба мнения сходились в том, что всю работу по призрению нуждающихся на местах должны будут проводить органы местного самоуправления.

Современники отмечали, что майский 1914 года съезд, посвященный делу призрения, по своему духу действительно был «съездом земских и городских деятелей, свободно, со знанием дела и согласованно проводивших свои взгляды». Профессор С. Гогель по этому поводу писал: «Про Россию принято говорить, что это колосс на глиняных ногах. Так нет же, неправда, - я видел этих местных людей; это не сырой разрозненный материал. Это представители народа, привыкшего к самоуправлению; это люди, у которых успело уже сложиться ясное и отчетливое мировоззрение; определенные взгляды по всем основным задачам нашего самоуправления. И важнее всего, что, собравшись с разных концов России, они не нуждались в предварительных переговорах для

согласования своих взглядов. Все присутствовавшие могли легко убедиться, как дружно по важнейшим вопросам раздавались знаки одобрения или несогласия. Было несомненно, что у всей земской и городской России имеются свои бесспорные положения, свои аксиомы, о которых спорить нет надобности и, что еще важнее, от которых не отступят в деятельности и в жизни» [4, с. 816].

Главная из этих аксиом заключалась в осознании того, что земское и городское самоуправление обладало знающими кадрами и опытом в организации подобной работы и не нуждалось в руководстве со стороны центральной или местной администрации. Либеральные земские лидеры были убеждены в том, что власть была обязана следить за закономерностью, но не за целесообразностью работы самоуправления. Это касалось всех сфер, в том числе – благотворительности. В то же время земские лидеры планировали проводить свою «самостоятельную» работу за счет расширения вливания в земские бюджеты из государственного казначейства. К тому же было выражено пожелание, чтобы все законопроекты, касавшиеся общественного призрения, перед внесением их в законодательные учреждения, должны были передаваться на предварительное обсуждение земских собраний и городских дум.

Съезд признал необходимость изменения устаревшего законодательства, основанного на «факультативности» призрения и на сословном начале. Высказавшись за обязательность призрения, делегаты подчеркнули, что этот вопрос теснейшим образом был связан с земскими и городскими финансами и признали необходимость созыва в ближайшее время специального съезда, посвященного этим вопросам. Была подчеркнута необходимость постепенного перевода в разряд подлежащих обязательному призрению той или иной категории неимущих лиц.

Начавшаяся вскоре первая мировая война внесла серьезные коррективы в эти планы и помешала выработке нового законодательства; однако, в экстремальных условиях военного времени дело призрения было поднято земствами на новую высоту. Земства организовывали лечение раненых. Так, в Ярославской губернии уже в августе 1914 г. в губернской земской больнице им было выделено 40 мест, ряд мест выделили уездные земские больницы; земские управы устроили специально предназначенные для раненых госпитали [3, с. 5 – 7]. В 1915 году губернский комитет помощи раненым переправил из Москвы в Ярославль шесть с половиной тысяч человек, из них более двух тысяч были распределены по уездным больницам [7, с.20]. Во Владимирской губернии уже за первый год войны с помощью Всероссийского земского союза была организована работа 71-го госпиталя. Всего с августа 1914 г. до конца 1916 г. в этой губернии было пролечено около пятидесяти тысяч раненых [6, с.120].

Земские учреждения и городские думы стремились снабдить госпитали лекарствами, продуктами, книгами, всем необходимым [8, с.8; 12, № 2, с.48].

Важной сферой работы местного самоуправления в годы первой мировой войны стало призрение детей-сирот и беженцев [14, л.56, 75 об.]. В Ярославской губернии уже в первый год войны было устроено два детских приюта [3, с.72]; тогда же школу-приют ("школьную колонию") для детей погибших и раненых воинов организовало Нижегородское губернское земство [15, л.33; 11, ч.2, с.44]. Осенью 1916 г. приют для детей-сирот увечных воинов учредило Рязанское губернское земство в специально приобретенном с этой целью имении князя К.А. Горчакова [16, с.2-10]. К чести земств, в условиях стремительного роста цен и безудержной инфляции, они ежегодно увеличивали размеры пособий, отпускавшихся на содержание детей в этих приютах. Важно подчеркнуть, что государство регулярно переводило земствам денежные пособия на эти цели [9, 1915, № 22, с.1231-1232].

Земства центральной России оказывали большую помощь инвалидам войны. Нижегородское земство устроило для инвалидов специальный приют и мастерские [14, л.33]. Местное самоуправление организовывало помощь увечным воинам в приобретении новых профессий и трудоустройстве. С этой целью в январе 1917 г. Нижегородская губернская управа организовала для инвалидов войны курсы по кооперации [9, 1917, № 1, с.48].

Таким образом, в конце XIX - начале XX в. земские учреждения постепенно развивали свою работу в области общественного призрения и благотворительности, осваивая, тем самым, еще одну из «гражданских сфер». Эта деятельность начала принимать планомерные очертания накануне первой мировой войны. Начавшаяся первая мировая война, с одной стороны, вынудила земства многократно усилить работу по общественному призрению, но с другой - сорвала многие намеченные планы, а начавшаяся вскоре революция привела в итоге к ликвидации самих земских учреждений.

Библиографические ссылки

1. Благотворительность в России. Т.1. СПб., 1907.
2. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. Т.1-4. СПб., 1909-1911.
3. Врачебно-санитарный обзор Ярославского губернского земства. Вып.3. Ярославль, 1916.
4. Гогель С. Что дал первый съезд земских и городских деятелей по общественному призрению 11-19 мая 1914 г. // Земское дело. 1914. № 11-12.

5. Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2007.
6. Доклады Владимирской губернской земской управы по 1 отделению очередному губернскому земскому собранию сессии 1916 г. Владимир, 1917.
7. Доклады экстренному Ярославскому губернскому земскому собранию мартовской сессии 1916 г. по общему отделу. Ярославль, 1916.
8. Журнал экстренного Ярославского губернского собрания. Заседание 17 и 18 февраля 1917 г. Ярославль, 1917.
9. Земское дело. 1910-1917. № 22.
10. Календарь-справочник земского деятеля на 1915 год. С.-П., 1913.
11. Нижегородское губернское земское собрание 50-й очередной сессии 29 ноября и 28 июля 1914г. и чрезвычайных сессий 27 мая и 28 июня 1914 г. Н.-Н., 1914.
12. Нижегородская земская газета. 1916.
13. Ошанин М. А. О первом съезде по общественному призрению // Земское дело. 1914. № 11-12.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1288. Оп.3. 1 д-во. 1913. Д.24.
15. РГИА. Ф.1288. Оп.3. 1 д-во. 1913. Д. 55.
16. 52-е чрезвычайное Рязанское губернское земское собрание 1 сентября 1916 г. Рязань, 1916.
17. Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века. М., 2005.

E. M. Petrovicheva

**THE TERRITORIAL SELF-GOVERNMENT
AND THE DEVELOPMENT OF PUBLIC CHARITY
ON THE EVE OF 1917**

The article is devoted to the development of civil initiatives in the Russian Empire in the late XIX - early XX centuries, especially during the First World War, in the field of public charity. The study, based on materials of central Russia analyzes the activities of local governments and their relations with the authorities and contributes to the study of the problem of the folding of civil society elements in late-imperial Russia on the eve of the 1917 revolution.

Keywords: public charity, local governments, World War I, civil initiatives.

ПОСТСОВЕТСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК НАСЛЕДИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

В статье приводятся анализ представлений жителей Владимирской области о положении современной России в мире, о статусе России как великой державы, о факторах, обеспечивающих стране статус великой державы. Делается вывод о том, что владимирцы делятся на две, почти равные части. Одни придерживаются более консервативного и традиционного представления о величии, связанное с военной силой, с ресурсной базой, с экстенсивным развитием вширь, а другие ориентированы более современно, увязывая величие страны с экономическим, культурными и научными успехами.

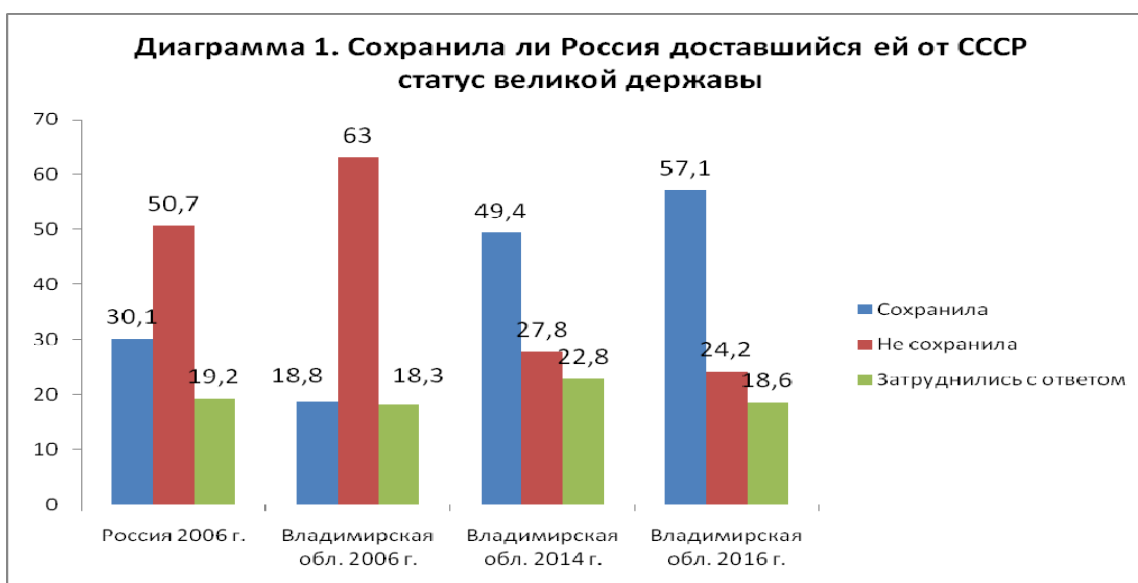
Ключевые слова: Советский Союз, Россия, современный мир, великая держава, военная сила, экономическое, культурное и научное развитие.

Вне зависимости от отношения к СССР и к его роли в мире, вряд ли у кого-то может возникнуть сомнение в том, что Советский Союз являлся сверхдержавой, обладавшей мощным военным, культурным и политическим потенциалом, позволявшим определять образ жизни едва ли не половины населения Земли. Как правопреемница СССР, Россия имеет основания претендовать на преемственность и в отношении данного статуса. Сохранила ли она его?

На разных этапах наших исследований респондентам задается этот вопрос.

Десять лет назад большинство жителей Владимирской области (63%) были убеждены в том, что статус великой державы Россия утратила (диаграмма 1). Тем не менее, уже в 2014 г. был отмечен перелом в представлении владимирцев о положении России в мире. Убежденных в том, что РФ является великой державой, оказалось уже почти вдвое больше, чем отрицавших это (49% против 28%). В 2016 г. уверенность в статусе великой державе продолжает укрепляться (57% против 24%).

Таким образом, за десять лет общественное мнение по вопросу статуса России в мире изменилось буквально зеркально.

Обратим внимание на то, что позиция по статусу России совершенно не зависит от возраста (таблица 1).

Таблица 1

Мнение респондентов о том, сохранила ли Россия доставшийся ей от СССР статус великой державы, в зависимости от возраста (в процентах от общего числа ответивших на вопрос)

	В среднем	18 – 30 лет	31 – 50 лет	Свыше 50 лет
Сохранила	57,1	55,9	57,4	59,3
Не сохранила	24,2	23,3	27,0	21,5
Затруднились с ответом	18,6	20,8	15,6	19,3
Отвечили на вопрос (чел.)	665	290	239	136

Довольно серьезно изменились за 10 лет и представления жителей Владимирской области об основных признаках великой державы (диаграмма 1.2). Если в 2006 г. великой державой признавалась, прежде всего, страна, способная обеспечить своим гражданам высокий уровень жизни (56%) и опирающаяся на развитую экономику и промышленность (49%), то в 2016 г. на первый план выходит наличие мощной армии, оснащенной современным оружием (56%). Развитая экономика, правда, сохранила второе место в рейтинге, но отмечается уже реже (39% вместо 49%). А вот высокий уровень жизни переместился с первого места на пятое (27%), уступив таким факторам, как наличие богатых природных ресурсов и уважение со стороны других государств (по 30%).

Похоже, что жители Владимирской области действительно готовы пожертвовать уровнем жизни ради военной мощи.

К числу более или менее значимых признаков великой державы можно также отнести наличие у страны славного героического прошлого (25%) и развитых культуры и науки (23%).

Каждый пятый меряет величие страны размером территории.

Обратим внимание и на то, что жители Владимирской области чаще связывают силу державы с централизованной властью, чем с широтой демократических прав и свобод граждан (18% против 10%).

Очень интересным представляется сравнение ценности разных признаков великой державы для тех, кто считает, что статус сохранен и для тех, кто считает его утерянным (таблица 2). Очевидно, что утерянным признается именно статус великой экономической державы (55%), граждане которой могут похвастаться высоким уровнем жизни (43%), в то время как ощущение сохранения статуса сверхдержавы связано именно с возрождением мощной армии (61%).

Показательно и то, что отказывающиеся современной России в статусе великой державы помимо экономических факторов чаще, чем те, кто считают статус сохраненным, отмечают и значимость культурных традиций и науки (27% против 19%). Для последних более важны наличие богатых природных ресурсов (37% против 20%), уважение со стороны других государств (32% против 22%), славное героическое прошлое (30% против 17%) и размер территории (25% против 17%).

Получается, что две группы владимирцев представляют себе совершенно разные сверхдержавы. Одни разделяют более консервативное и традиционное представление о величии, связанное с военной силой, с ресурсной базой, с экстенсивным развитием вширь, а другие ориентированы более современно, увязывая величие страны с экономическим, культурными и научными успехами.

Интересно также и то, что затруднившиеся с ответом на вопрос о сохранности статуса великой державы, ближе в своих оценках ко второй группе, уравнивая тем самым удельный вес обеих.

Данные, приведенные в таблице 3, показывают, что с мощью армии, природными ресурсами и славным историческим прошлым величие державы чаще связывают представители самой старшей группы респондентов, в то время как молодежь и особенно респонденты средней возрастной группы больше внимания уделяют экономическому развитию. Впрочем, фактор наличия мощной армии является важнейшим вне зависимости от возраста, так что о принципиальных поколенческих различиях говорить не приходится.

Респондентам в ходе исследования задавался и вопрос о том, какие меры следует предпринять, чтобы сохранить (или вернуть) статус великой державы (диаграмма 3). Представляется крайне важным, что при такой постановке вопроса ориентация жителей области на экономические факторы успехов страны становятся наиболее очевидной.

Диаграмма 2. Мнение респондентов о признаках великой державы

Таблица 2

*Мнение россиян о признаках великой державы
(в процентах от общего числа ответивших на вопрос)*

	Считающие, что статус сохранен	Считающие, что статус утерян	Затрудни- вшиеся
Мощная армия	61,8	42,2	55,9
Богатые природные ресурсы	37,1	19,9	23,7
Уважение со стороны других государств	31,7	22,4	31,4
Славное героическое прошлое	29,8	17,4	18,6
Развитая экономика	28,0	55,3	53,4
Размер территории	25,3	17,4	16,9
Культурные традиции, передовая наука	18,8	27,3	30,5
Сильная централизованная власть	18,5	15,5	17,8
Высокий уровень жизни граждан	15,6	43,5	39,8
Широкие демократические права и свободы	8,9	12,4	11,9
Численность населения	8,1	5,0	4,2
Ответили на вопрос, чел.	372	161	118

Таблица 3

*Мнение россиян о признаках великой державы
(в процентах от общего числа ответивших на вопрос)*

	В среднем	18 – 30 лет	31 – 50 лет	Свыше 50 лет
Мощная армия	55,9	56,8	51,5	61,7
Развитая экономика	39,3	37,8	45,1	31,6
Богатые природные ресурсы	30,4	28,1	29,4	36,8
Уважение со стороны других государств	29,3	33,8	28,9	21,8
Высокий уровень жизни граждан	26,9	26,3	28,1	26,3
Славное героическое прошлое	24,7	22,7	23,4	32,3
Культурные традиции, передовая наука	23,0	24,1	22,1	21,8
Размер территории	21,8	27,0	18,7	15,0
Сильная централизованная власть	17,7	21,6	12,8	18,0
Широкие демократические права и свободы	10,3	11,9	8,1	11,3
Численность населения	6,6	9,0	4,3	4,5
Ответили на вопрос, чел.	665	290	239	136

Как и 10 лет назад, наиболее эффективными методами сохранения статуса сверхдержавы считаются именно экономические. Большинство по-прежнему настаивает на необходимости развивать производство и повышать уровень жизни граждан (59%). Половина жителей области, как и в 2006 г., считает необходимым развивать экономическое сотрудничество с другими странами (48,5%).

Призыв укреплять армию и наращивать военную мощь вновь разделяет лишь треть опрошенных (35%). Не исключено, правда, что респонденты считают, что крепкая армия в стране уже есть, в то время как проблемы с развитием экономики и обеспечением высокого уровня жизни граждан очевидны.

Актуальная политическая обстановка и характер освещения ее в СМИ явно повлияли на то, что резко возросла поддержка таких методов возрождения великой державы, как противодействие любым попыткам США установить свое господство в мире (с 22% до 32,5%) и активное участие в борьбе с международным терроризмом (с 16% до 26,5%).

Менее заметно, но, все же, увеличилась доля считающих необходимым дать отпор любым территориальным притязаниям соседей (с 13% до 18%).

Вновь обратим внимание на некоторые отличия в оценках тех, кто считает, что статус великой державы сохранен, и тех, кто считает, что он утерян (таблица 4).

Первые чаще отмечают меры, связанные с воинственной внешней активностью, а вторые – чаще выделяют экономические меры, а также движение по пути развития демократического государства.

Однако, и у тех и других на первый план все равно выходят развитие производства и экономического сотрудничества с миром.

Нет принципиальных отличий в оценке путей укрепления позиций страны на международной арене и в зависимости от возраста (таблица 5).

Таблица 4

*Сохранения статуса великой державы в зависимости от оценки статуса
(в процентах от общего числа ответивших на вопрос)*

	Считающие, что статус сохранен	Считающие, что статус утерян
Развивать производство, повышать уровень жизни граждан	55,3	61,5
Развивать экономическое сотрудничество с другими странами	48,4	53,4

Окончание табл. 4.

	Считающие, что статус сохранен	Считающие, что статус утерян
Укреплять армию, наращивать военную мощь	36,6	29,2
Противодействовать любым попыткам США установить свое господство в мире	35,3	22,4
Активно поддерживать борьбу с международным терроризмом	34,5	14,3
Давать отпор любым территориальным притязаниям соседей	16,6	20,5
Продолжать движение по пути развития демократического государства	16,3	21,1
Продолжать усиление вертикали власти	12,3	11,2
Способствовать усилению зависимости других стран от российских нефти и газа	10,2	9,9
Способствовать объединению бывших республик СССР в единое гос-во	6,4	13,0
Ответили на вопрос (чел.)	374	161

*Представление респондентов о том, что нужно сделать
для сохранения статуса великой державы в зависимости от возраста
(в процентах от общего числа ответивших на вопрос)*

	В среднем	18 – 30 лет	31 – 50 лет	Свыше 50 лет
Противодействовать любым попыткам США установить свое господство в мире	32,5	32,5	34,0	29,3
Активно поддерживать борьбу с международным терроризмом	26,5	24,6	20,0	42,1
Укреплять армию, наращивать военную мощь	34,8	36,4	28,5	42,9
Развивать экономическое сотрудничество с другими странами	48,5	59,3	43,8	34,6
Способствовать усилению зависимости других стран от российских нефти и газа	10,0	12,9	6,8	9,8
Продолжать движение по пути развития демократического государства	17,0	19,6	18,3	9,0
Продолжать усиление вертикали власти	11,5	11,8	13,2	8,3
Развивать производство, повышать уровень жизни граждан	59,3	57,5	58,3	66,2
Давать отпор любым территориальным притязаниям соседей	18,2	16,8	17,9	20,3
Способствовать объединению бывших республик СССР в единое гос-во	8,6	10,4	7,2	7,5
Ответили на вопрос (чел.)	665	290	239	136

D. I. Petrosyan

POST-SOVIET IDENTITY AS THE HERITAGE OF THE REVOLUTION 1917

The article analyses the views of the residents of Vladimir region on the status of Russia in modern world, on factors which made the country a great power. The author comes to conclusion that Vladimirers are divided in two nearly equal parts: the supporters of conservative and traditional approach to great power, based on military resources and extensive development and the supporters of modern approach, based on economic, cultural and scientific success.

Keywords: Soviet Union, Russia, modern world, great power, military resources, economic, cultural and scientific development.

РЕВОЛЮЦИЯ В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ВЛАДИМИРСКОГО КРАЯ)

Статья посвящена роли революции 1917 года в советской идеологии и пропаганде в начальный период Великой Отечественной войны. Обращается внимание на неповоротливость и просчёты прессы в процессе перехода от интернациональной и классовой пропаганды к патриотической.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, интернациональная и патриотическая пропаганда, периодическая печать, тыл, революция 1917 г., классовая солидарность.

На всём протяжении существования советского государства революция 1917 года играла определяющую роль в пропаганде. Это легко объяснимо ведь фактически Советский Союз и родился в результате победы Октябрьской революции. Но в отдельные периоды на первый план выдвигались национальные мотивы, хотя даже в условиях Великой Отечественной войны полного отхода от коммунистических идеалов быть не могло. Во второй половине 1941 г. пропаганда не сразу смогла отойти от революционных идеалов как консолидирующего фактора, который должен был сплотить советский народ. Данный момент был очень важен в свете формирования образа врага, т.к. в условиях военных трудностей населению необходимо было объяснить причины его тяжёлого положения, которое почти ежедневно ухудшалось.

В первые военные месяцы средства массовой информации призывали советских граждан проявлять «революционную бдительность», публикации в прессе же носили классовый характер. Немецкий народ и рядовые военнослужащие вермахта отделялись от правящей верхушки рейха и во многом преподносились как братья по рабочему классу. Непосредственное знакомство с немецкими военнопленными и нацистской истребительной политикой (причём не только на временно оккупированных территориях, но и ходе массированных бомбардировок советского тыла со стороны люфтваффе) быстро заставило пересмотреть тезисы о классовой солидарности. Было бы ошибочно думать, что такое понимание немцев как нации являлось лишь выдумкой партийных пропагандистов и мифом, который сложился в головах агитаторов и лидеров страны. Среди многих советских людей этот миф также

был широко распространён. Многие не верили, что культурная германская нация способна совершать те преступления, которые стали происходить на фронте, в оккупации и в ближнем советском тыле едва ли не каждый день.

Весьма яркой и характерной в этом плане была газетная статья И. Рана «Кто правит фашистской Германией». В ней автор сформулировал следующую идеологему: «Страну, которая гордилась своей высокой культурой, фашисты превратили в застенок, в страну невиданного национального гнёта, надругательства над человеческим достоинством, над женщинами. Они создали громадную армию, сильнейшую военную машину для покорения всех стран и народов. Внутри страны установили тюремный режим, задушили всё живое, запугали народ виселицами» [6, 19 июля, суббота. 166, 3506.]. В двух предложениях лаконично и ясно определено, что собой представляла гитлеровская Германия, по мнению партийной пропаганды. Здесь соседствовали как справедливые утверждения, так и преувеличения, которые, однако, указывали на то, что в самом рейхе якобы присутствует широкое неприятие политики нацистов. Разумеется, скрытая оппозиция имелась, и далеко не всё немецкое население воспринимало войну как благо, но и никакого более-менее массового неповиновения не было. Сочувствие к самим немцам, которым пронизаны многие публикации в начале войны, как показала суровая реальность, не соответствовала истинным воззрениям и стремлениям военнослужащих вермахта и гражданского персонала на оккупированных советских территориях.

В похожем духе выдержан «Рассказ немецкого солдата Альфреда Лискофа». Этот военнослужащий вермахта, как известно, перешёл на советскую сторону перед самым началом войны, а советская историография даже указывала, что он сообщил о предстоящем 22 июня 1941 года немецком нападении. Статья Лискофа массово напечатанная в советских газетах повествовала: «Палка офицера, угроза расстрела заставляет немецкого солдата воевать, но он не хочет этой войны, он жаждет мира, как жаждет этого мира весь германский народ» [7, 30 июня, понедельник, 50, 68]. То, что отражало воззрение только лишь самого Альфреда и небольшой группы, сочувствующих необоснованно экстраполировалось на весь вермахт и порождало среди советских граждан иллюзию того, что между германскими офицерами и рядовыми солдатами, а также руководством гитлеровской Германии и её населением лежит непреодолимый антагонизм.

По сути, советская пропаганда переносила реалии 1917 года в императорской армии на вермахт образца 1941 года. В сравнительном ключе, с точки зрения советской пропаганды, были выдержаны две статьи, перепечатанные из центральных изданий в местной прессе. Во-первых, это

была публикация Н. Башилова с говорящим названием «За фашизмом помещик, за помещиком – царь» [1, 3 октября, пятница 90, 110;], а, во-вторых, сообщение Г. Лобанова «Гитлеровский режим – копия царского режима». Правда, здесь автор в характерном для советской идеологии стиле не только преувеличивал степень угнетения нерусских народов России со стороны царизма, но одновременно не забыл подчеркнуть следующее: «Царские сатрапы, душившие рабочих и крестьян России, не доходили до тех зверств, которые учиняют гитлеровские бандиты...Русский царизм, чтобы отвлечь от себя гнев трудящихся масс, устраивал дикие еврейские погромы. Но гитлеризм и в этом превзошёл царизм. В Киеве фашистские палачи устроили недавно чудовищный еврейский погром, вырезав 52 тысячи человек. В Одессе из пулемётов были расстреляны, а затем сожжены 25 тысяч евреев. Человечество ещё не знало до сих пор таких кровавых злодеяний» [4, 24 декабря, среда, 125, 939]. В завершении статьи указывалось, что русский народ в содружестве с другими народами страны сокрушит гитлеровскую орду, подобно тому, как сокрушил царизм и сверг власть помещиков и капиталистов. Таким образом, в начале войны пресса в своей пропаганде не могла отойти от старых классовых воззрений, даже, несмотря на соответствующие, по сути, программные обращения И.В. Сталина к народу. Поворот на национально-патриотические позиции летом 1941 года только лишь начался.

Но в своей агитации в начале войны пресса не ограничивалась лишь доказыванием классовой солидарности между трудящимися СССР и Германии, которой как ясно свидетельствуют как документальные, так и источники личного происхождения не было. Особое внимание по мере продолжения войны приобрело убеждение советских людей в том, что «душой и сердцем с СССР трудящиеся всего мира». Так Н. Шатров утверждал: «Не страшась расстрелов и виселиц, рабочие на фабриках и заводах стараются работать медленно, умышленно снижают качество продукции, срывают выполнение фашистских военных заказов. Так поступают рабочие Франции, Чехословакии, Бельгии, Норвегии, на предприятиях захваченных немцами». Читавшие эти строки могли воспринимать только на веру такие утверждения, ведь было совершенно непонятно на чём основаны эти безапелляционные утверждения автора. А если учесть, что этот тезис декларировался весной 1942 года, когда даже движение Сопротивления в странах Европы было не слишком сильно, то мог бы возникнуть правомерный вопрос в истинности слов журналиста. С другой стороны, в своей заметке автор точно подметил активную деятельность гестапо по уничтожению неугодных немцам людей. Н. Шатров описал это так: «Немецкая тайная полиция (гестапо) неистовствует, она расстреливает десятки и сотни ни в чём неповинных заложников» [9, 1 мая, пятница, 56, 2369]. Во

многим и поэтому сопротивление не могло быть сильно распространено. Проблема срыва «Крестового похода» Европы против СССР высмеивалась в советской печати в наглядной форме в виде плакатов и стихотворений [3, 2 августа, пятницы. 68, 1383]. Анализ же вооружённых сил, воевавших против Красной армии в годы Великой Отечественной войны, показывает, что советские пропагандисты ошибались в своих оценках, т.к. гитлеровцы под лозунгами антибольшевизма и антисемитизма смогли сплотить вокруг себя значительное количество добровольцев из стран Европы, правда в основном тех, которые ими непосредственно контролировались [2, с.40]. Безусловно, среди военнослужащих значительную массу составляли не только идейные противники коммунизма, но также обыкновенные авантюристы и «солдаты удачи».

Своеобразным было ещё одно интересное сообщение в русле интернациональной и классовой агитации. В марте 1942 года в прессе появилась статья с броским названием «Французский народ победит». По заглавию публикации, кажется, следовало предположить, что речь пойдёт о французском сопротивлении немцам, оккупировавшим страну, или, как минимум о саботаже немецких заказов. На самом деле повествование было посвящено Парижской Коммуне, событию, безусловно, важном и значительном для всей мировой истории, но своевременность этой проблемы вызывала сомнения с точки зрения практической целесообразности. Вряд ли задачи «всесветного пролетариата» могли быть в тот момент выше, чем животрепещущая задача выживания нации [8, 18 марта, среда, 33, 3045]. А задачей средств массовой информации как раз и была консолидация советских людей всеми доступными средствами пропаганды.

Можно лишь констатировать, что требования начальника Главного управления идеологии РККА Л.З. Мехлиса (высказанные, между прочим, ещё в 1940 году) изменить направление пропагандистской деятельности коснулись только армии [5, с. 96]. Гражданская печать в течение первого военного года оказалась весьма неповоротливой. Таким образом, хотя роль революции 1917 г. и классовой борьбы в советской пропаганде уже в начале Великой Отечественной войны несколько снизилась, но она ни в коем случае не отбрасывалась, а лишь только отодвигалась на второй план. Немаловажным моментом был также следующий. Если во фронтовых газетах главный интернациональный лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» был снят, то в тыловой периодической печати он печатался на передовице в каждой газете всегда.

Библиографические ссылки

1. Башилов Н. За фашизмом помещик, за помещиком – царь // Знамя. 1941.
2. Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал, 1990, № 9, с. 39 – 46.
3. К вопросу о «Крестовом походе // Колхозная газета, 1941 год.
4. Лобанов Г. Гитлеровский режим – копия царского режима // Большевистский путь, 1941.
5. «Ложные установки в деле воспитания и пропаганды». Доклад начальника Главного политического управления РККА Л.З. Мехлиса о военной идеологии. 1940 г. // Исторический архив. 1997, №5 – 6.
6. Ран И. Кто правит фашистской Германией // Голос труда (Александров), 1941.
7. Рассказ немецкого солдата Альфреда Лискофа // Знамя. 1941.
8. Французский народ победит! // Пролетарий, 1942.
9. Шатров Н. Трудящиеся всего мира душой и сердцем – с СССР // Вперёд, 1942.

I. S. Tryahov

REVOLUTION IN SOVIET PROPAGANDA AT THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE MATERIALS OF THE PERIODICAL PRESS OF THE VLADIMIR TERRITORY)

The article is devoted to the role of the 1917 revolution in Soviet ideology and propaganda in the initial period of the Great Patriotic War. Attention is drawn to the slowness and miscalculation of the press in the transition from international and class propaganda to patriotic propaganda.

Keywords: The Great Patriotic War, international and patriotic propaganda, the periodical press, the rear, the revolution of 1917, class solidarity.

Часть 2. ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 93.930.2

А. Н. Акиншина
(научный руководитель – к. и. н., доцент Т. М. Голубкина)

ПЛАКАТЫ ФЕВРАЛЯ – ОКТЯБРЯ 1917 г.: ВИЗУАЛЬНОЕ ОСВЕЩЕНИЕ СОБЫТИЙ

В статье представлена попытка использовать плакаты февраля – октября 1917 года в качестве исторического источника. Эта работа может помочь историкам, работающим с плакатами, в разработке массива визуальных источников в целом.

Ключевые слова: революция 1917 г., визуальные источники, плакаты, события 1917 года в плакатах, политические партии.

В данной работе осуществлена попытка исследования визуальных источников – отечественных плакатов, созданных в 1917 году. Исследуемая выборка представлена плакатами, имеющимися в свободном доступе в интернете – на сайтах, специально созданных к столетию событий 1917 года, сайтах с анонсами музейных выставок и сайтах, специализирующихся на сохранении коллекций различных плакатов [1], [2], [3].

Актуальность исследования подобных источников заключается в недостаточной глубине анализа визуальных источников в целом, и источников данного периода в частности. Выводы на основе визуальных источников могут стать аргументом в решении тех или иных спорных вопросов, подтверждении или опровержении домыслов исследователей. Кроме того, актуальность исследования заключается и в неподдельном интересе к данному виду источника, выражающемся в создании коллекций, выставок, интернет-публикаций. В связи с этим необходимо дать верное толкование изображениям, пояснить сокрытый в них смысл.

Обратимся к источникам. Все доступные плакаты удобнее всего разделить на три группы. Прежде чем охарактеризовать каждую группу, стоит акцентировать внимание на специфике исследуемого материала в целом. Яркие образы, представленные на изображениях – своего рода шифр, способный сохранить посыл в другой знаковой системе, отличной от текста. Задача изображений – привлечь внимание малограмотных слоев, вовлечь их в происходящие события, донести конкретные идеи. Анализ подобного рода изображений невозможен в отрыве от сопровождающего их текста. В этом

заключается ценность плакатов как исторического источника. В этом же заключена и специфика исследования материалов. Анализ источников в данной работе проводится с учетом методологических подходов, апробированных в процессе работы с плакатами других эпох [4]. Использовались следующие методы – структурный анализ призывов и подписей, и анализ вычлененных структурных элементов, каких-либо маркеров, их интерпретация в рамках сложившейся политической ситуации.

Итак, первая группа плакатов – сатирические. Они несут в себе традиции лубков конца XIX – начала XX века. Их отличает тонкая ирония, яркие узнаваемые образы. Чаще всего плакаты направлены на высмеивание царского режима, прежних институтов, порядков (показателен плакат «Самодержавный строй» худ. А. Радакова издательства «Парус»). Частой темой становится сословно-классовое противопоставление – государь, церковь, предприниматель противопоставлены эксплуатируемому классу. Этот «эксплуатируемый класс», по сути, союз образов – образ солдата соединяют с образом крестьянина, а крестьянина с образом рабочего. Так, например, это подтверждает строчка плаката В. Маяковского «Забывчивый Николай»:

*Да забыл он между прочим
Что солдат рожден рабочим.*

Самое главное действующее лицо сатирических плакатов – фигура императора Николая II. Сюжеты с его участием можно разделить на те, в которых императора низлагают (выдергивают из земли, словно сказочную репку, угрожают штыком, принимают символы власти – скипетр и державу), и те, в которых критикуют и высмеивают его политику (например, введение государственной винной монополии и её результаты). Все это – свидетельство присутствия идей недовольства во внутренней политике государства и апеллирование этой идеей для влияния на массы с определенными целями.

Вторая группа представлена плакатами информационными. Их цель – повествование о тех или иных происходящих событиях. Так в выборке мы встречаем плакаты, описывающие события марта 1917 года в Москве, в деревне. Показательно воодушевление народных масс, показана их готовность подняться на борьбу.

Широко представлена данная группа плакатов изображениями как отдельных деятелей Временного правительства – Керенского и Родзянко, например, так и полным составом с должностями Временного Исполнительного комитета Госдумы, включая изменения, происходящие в его составе. Плакаты подобного толка можно сравнить с современными средствами связи с массами – интернетом, телевидением, радио. Из них проще всего было

узнать об изменениях в органе – даже не умея читать, можно было заметить появление новых лиц, исчезновение старых.

Понятно и лаконично те или иные идеи, взгляды, настроения нам открывают плакаты агитационные. Они широко представлены предвыборными плакатами политических и национальных партий, созданными перед выборами в Учредительное Собрание. По этим плакатам мы можем судить о программах партий, о способах решений актуальных для 1917 года вопросов.

Партия народной свободы (партия конституционных демократов или кадетов) видит в демократии способ сохранения государственности. Последнюю партия связывает с представлением интересов всего великорусского народа (русские, белорусы и украинцы). Отдельной темой являются образы плакатов. Изображение женщины в русском сарафане, (своего рода Родина-мать), идущая на бой за свободу в вооружении дева с щитом, могут быть трактованы как приверженность некоторым идеалам недалекого прошлого. Кроме того, боевая готовность изображенных фигур намекает на продолжение военных действий, т.е. на определенный взгляд в решении вопроса войны – «продолжение войны до победного конца».

Социалисты-революционеры (или эсеры) в плакатных лозунгах апеллируют понятиями «земля», и «воля» т.е. привлекают внимание не только как продолжатели некоторых идей народничества, но и к своим методам решения аграрного вопроса – решение которого есть одна из главных задач программы. Подтверждением этого тезиса может служить и изображение крестьян в поле за работой почти на каждом плакате выборки. Часто встречается и «союз» крестьян и солдат, крестьян и рабочих. Интересна и самоидентификация партии – в качестве символа выбрано изображение солнца – как, например, помощника крестьянам в полевых работах.

Партия РСДРП (Российская социал-демократическая рабочая партия) разительно отличается стилистикой своих плакатов. В плакатах явно просматривается нацеленность на мировую революцию – изображения карты мира с выделенной Российской Республикой и призыв соединяться к пролетариям всех стран. Эти лейтмотивы партии хитро вплетены в призывы к голосованию за неё.

Таким образом, по материалам плакатов мы можем воссоздать прошедшую эпоху. На примере плакатов 1917 года показано, как их информация может стать интересным дополнением к источникам письменным, как сможет расширить исследовательские горизонты различных тематик.

Библиографические ссылки

1. «Агитплакаты времен революции»: Культура РФ: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.culture.ru/materials/175426/agitplakati-vremen-revolyutsii>, свободный. Яз. рус.(дата обращения: 11.09.2016).
2. От Февраля – к Октябрю. Российский политический плакат 1917 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vm.sovrhistory.ru/sovremennoy-istorii-rossii/ot-fevralya-k-oktyabryu/#page=section-3>, свободный. Яз. рус.(дата обращения: 11.09.2016).
3. Плакаты. Ру. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.plakaty.ru/plakaty/agitatsionnye/filter/period-is-19171930/apply/?PAGEN_1=2, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 11.09.2016).
4. Акиншина А. Н. Использование визуальных источников в исторических исследованиях (на примере плакатов «Окна ТАСС» // Дни науки студентов Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых: сб. материалов науч.практ. конф. 20 – 31 марта 2017 г., г. Владимир [Электронный ресурс] / Владим. гос.ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2017. С.639-641.

A. N. Akinshina

POSTERS OF FEBRUARY – OCTOBER 1917: VISUAL COVERAGE OF EVENTS

The article present attempted to use the posters of February – October in 1917 as a historical source. This work can help historians working with posters development of visual sources array in general.

Keywords: revolution of 1917, visual sources, posters, events of 1917 in posters, political parties.

УДК 93.908.368

Д. А. Большакова
(научный руководитель – д. и. н., профессор Е. М. Петровичева)

ЗЕМСКОЕ СТРАХОВАНИЕ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. (НА МАТЕРИАЛАХ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В статье исследуются особенности становления и развития института страхования во Владимирской губернии. Анализируются виды земского страхования, практиковавшиеся накануне революции 1917 года.

Ключевые слова: земство, страхование, пожарные дружины, Первая мировая война.

Взаимное земское страхование было введено после принятия специального Положения от 7 апреля 1864 года.

В соответствии с Положением о земском страховании каждое губернское земство должно было вести операции только в пределах своей губернии. На земство была возложена обязанность определять условия, при которых могли быть приняты на страх заведения, подверженные особой опасности от огня: утверждение размера страховой суммы для различных видов строений; назначение высшей страховой суммы; утверждение размера страховых платежей и изменение этого размера; утверждение инструкций страхования на основании правил Положения и рассмотрение отчетов Губернских Земских управ по взаимному страхованию.

Земское страхование разделялось на три вида: окладное (обязательное), дополнительное и добровольное.

Относительно низших страховых норм Положение предписывало, чтобы они назначались «единообразно на всю губернию или отдельные в пределах её местности, с разделением строений на разряды по свойству материалов, из которых они возведены, и по хозяйственному их значению». При этом указывалось, что «строения, стоимость которых ниже размера окладной страховой суммы, принимаются на страх не иначе, как по действительной стоимости» [9, с.336].

Во Владимирской губернии земства приступили к страхованию в 1867 году. При назначении низшей нормы платежа здесь отдавалось предпочтение хозяйственному назначению постройки. В 1867 г. низшие платежи составляли следующие суммы: изба с двором – 30 рублей, без двора – 15 рублей; маслобойня и мельница – 15 рублей, а амбар и сарай – 5 рублей [1, с.486].

По сведениям уездных земских управ, уже на 1 октября 1897 г. из 6194 селений, находившихся в 13 уездах Владимирской губернии, только 100 поселений оставались не распланированными, что составляло всего лишь полтора процента от общего количества. В остальных планы застройки были разработаны и утверждены [7, с.15]. Это свидетельствует о серьезном отношении земства к обеспечению пожарной безопасности поселений, находившихся на территории губернии.

Своего наивысшего развития земское страхование во Владимирской губернии достигает в начале XX века. Источники свидетельствуют о повышении доли страхования в среде Владимирского крестьянства. Страховой инспектор А.Н. Черневич отмечал в своем отчете следующее: «В отчетном 1907 году мною посещены все уезды губернии, всего обревизовано 37 волостных

правлений. Я могу сказать, что благодаря более широкой деятельности земства заметно достигнуто увеличение страхования населения» [3, с.1].

С ростом страховой суммы соответственно увеличивался и размер страховых платежей. В начале XX века во Владимирской губернии низшие платежи составляли следующие суммы: изба с двором – 50 рублей, без двора – 25 рублей; маслобойня и мельница – 15 рублей, а амбар и сарай – 5 рублей [1, с.486].

В 1913 году на страхе состояло 274795 дворов с 751435 постройками, обеспеченными по окладному и дополнительному страхованию на сумму 98 935 366 рублей при оценке в 131 385 648 рублей. При сопоставлении этих цифровых данных с аналогичными же данными за прошлые годы необходимо отметить их рост, наблюдаемый по всем рубрикам. Так, число дворов, по сравнению с 1912 годом, увеличилось на 664, число строений – на 9182, оценочная сумма строений на 436053 рубля, страховая сумма на 5914888 рублей [5, с.1].

В 1914 году на страхе состояло 277027 дворов с 764771 строениями, обеспеченными страховой суммой в 103 906 105 рублей при оценке в 134 090 922 руб. Из выше приведенных данных можно видеть, что в 1914 году, сравнительно с 1913 годом, наблюдается увеличение страхования по всем категориям. Число застрахованных дворов увеличилось на 0,81 %, число строений – на 1,77 %. Параллельно с увеличением страховых рисков произошло также увеличение и оценочной, и страховой сумм. Так оценочная сумма увеличилась на 2,06 %, а страховая сумма на 5,02 % [6, с.3].

Первое место по высоте страховой суммы занимал Владимирский уезд, где она составляла 12,20 % от общей погубернской суммы. Второе место по высоте обеспечения принадлежало Покровскому уезду – 10,91 %, третье – Меленковскому – 9,53 % и последнее место занимал Переславский уезд – 4,38 %, где слабее всего было развито страхование. Наименьший процент обеспечения имели уезды – Судогодский, Юрьевский, Александровский и Вязниковский, где этот процент колебался от 5,98 до 5,33 [6, с.5].

Повышение доли страхования наблюдалось и в страховании движимой собственности. Страхование движимости впервые было введено во Владимирском земстве в апреле 1908 года. В 1913 году состоялось 824 страхования, а в 1914 году уже 949. Из этого общего числа случаев страхования – 453 (47,73 %) падает на земское страхование и 324 (34,14 %) – на городское. Далее идут селения, где имеется 141 (14,86 %) случаев страхования, усадьбы – 30 (3,16 %) и 1(0,11 %) - в станционных поселках. В сравнении с 1913 годом уменьшение числа страховых замечается в усадьбах – на 18, и в станционных поселках – на 3. Увеличение произошло в городах – на 45, в селениях – на 45.

Сумма обеспечения в отчетном году равнялась 1978815 руб., более 1913 года на 291924 руб. [6, с.30].

Больше всего земства занимались страхованием построек и движимого имущества от огня, в связи с частыми пожарами. Все заботы по обеспечению пожарной безопасности в уездах автоматически возлагались на местные земства, которые должны были выделять средства на предотвращение пожаров. Для этого во Владимирской губернии создаются сельские пожарные дружины, городские пожарные общества и добровольные общества. Пожарные организации в массовом порядке стали возникать во Владимирской губернии с 1898 года после издания министерством внутренних дел устава для дружин в 1897 году; некоторые добровольные общества возникли даже ранее устава, а именно: в 1893 году – Юрьевское, в 1895 году – Переяславское, в 1896 – Владимирское и в 1897 году – Меленковское. К 1913 году в губернии насчитывалось 138 таких сельских пожарных дружин и 14 городских пожарных сообществ. По количеству дружин на первом месте стоял Судогодский уезд с 27 дружинами и на последнем – Ковровский, имевший только 3 дружины [2, с.19].

Во Владимирской губернии пожарность держалась на очень низком уровне, число пожаров стало понижаться, и только 1913 год дал некоторое повышение в сравнении с предшествующим годом. 1914 год дал значительный процент понижения числа пожаров. И если в понижении числа пожаров, начиная с 1910 года, играли большую роль меры страховой политики земства – сплошная переоценка рисков, введение участковой агентуры, то в 1914 году, наряду с указанными факторами, имело большое значение начало военных действий. Число поджогов в 1914 г. в сравнении с 1913 г. упало сразу с 28,58 % к общему их числу - до 18,88 %. Уже в июле месяце 1914 г. число пожаров в губернии упало до 126, тогда как в 1913 году за тот же месяц оно равнялось – 134, в 1912 году 220, в 1911 году – 143, в 1910 г. – 173. [6, с.15]. Как видно из приведенных данных, 1914 год характеризуется, как год благоприятный в страховом отношении, так как рост страховых операций указывал на их прочность, устойчивость и стремление к дальнейшему развитию.

Первая мировая война нарушила обычный уклад деревенской жизни, внесла новое настроение в крестьянскую среду, отвлекла мысли от личных невзгод, неурядиц, столкновений и направила все помыслы на развертывающуюся мировую драму. Этот психологический момент имеет в данном случае очень большое значение. И кроме указанного фактора психологического свойства, на понижение возгораний имели большое значение также и уход на войну большей части взрослого мужского населения и прекращение со второй половины июля месяца торговли водкой в казенных винных лавках.

В 1915 году во Владимирской губернии значилось 149 сельских пожарных дружин и 14 пожарных обществ. По количеству дружин на первом месте стоял Судогодский уезд с 28 пожарными дружинами, а на последнем Ковровский уезд с 4 дружинами. В 1915 году были впервые начаты назначения денежных пособий следующим дружинам: Гороховецкого уезда – Верхне-Ландеховской, Ковровского-Ряховской и Шуйского-Иванцевской. Эти дружины были учреждены: первая в 1913 году, вторая в 1913 году, третья в 1912 [8, с.28].

Земства старались содействовать населению в деле улучшения водоснабжения селений. Губернское земство снабжало население пожарными трубами, насосами, пожарными бочками и ломовыми орудиями. Гидротехническое бюро занималось строительством колодцев. В 1915 году закончены работы по сооружению 18 буровых колодцев [8, с.43].

1916 год по своим финансовым результатам, считался весьма благоприятным. Все три вида земского страхования дали чистую прибыль: от обязательного страхования получено прибыли — 953 643 руб.15 коп., от добровольного страхования строений — 50 665р. 21коп. и движимости — 16 188 руб. 37коп. Но организация новых пожарных дружин в 1916 году встречала крупные препятствия в условиях, вызванных войной, из которых главное значение имели отсутствие части населения, призванной на военную службу, и затруднительность, а иногда даже, невозможность произвести нужный инвентарь. Вследствие призыва почти всех специалистов на военную службу и отъезда в мае заведующего бюро инженера Ф.Ф. Куница в командировку на Кавказский фронт, и вследствие дороговизны рабочих рук и материалов, даже полного отсутствия некоторых из них, новых работ по улучшению водоснабжения в 1917 году производить не предполагалось [8, с.47].

Подводя итоги, нужно отметить, что страхование во всех отношениях представляло собой важное и большое дело, которому Владимирское земство неизменно уделяло серьезное внимание [9]. В начале XX века в земском страховании были достигнуты значительные успехи. Однако Первая мировая война усугубила положение в стране. Она привела Россию к кризису в экономической, социальной и политической сфере. Земское страхование, которое достигло значительных успехов в начале XX века, уже во время войны теряет свои позиции. Из-за призыва страховых агентов и специалистов на военную службу, не представлялось возможности быстро произвести переоценку старых и новых строений, продолжать работы по обеспечению пожарной безопасности и т.д. Страна погружалась в хаос, который и породил революцию 1917 года.

Библиографические ссылки

1. Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет. Т 2. СПб., 1909. 724 с.
2. Доклад Владимирской губернской земской управы XLVIII очередному губернскому земскому собранию. Отчет о пожарных мероприятиях за 1913 год. Владимир-на-Клязьме, 1915. с.19.
3. Доклад Владимирской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1907 года, с предоставлением отчета страхового инспектора и его деятельности. Владимир-на-Клязьме, 1908. с.18.
4. Доклад Владимирской губернской земской управы XLIX губернскому земскому собранию сессии 1914 года по страховому отделению. О ходе взаимного земского страхования строений и движимости в 1913. Владимир-на-Клязьме, 1915. с.15.
5. Доклад Владимирской земской управы о ходе земского страхования в 1913 году. Владимир, 1915. с.11.
6. Доклады Владимирской губернской земской управы 50-му очередному губернскому земскому собранию сессии 1915 года. О ходе взаимного земского страхования строений и движимости в 1914 году. Владимир-на-Клязьме, 1916. с.30.
7. Ермолов А.С. Современная пожарная эпидемия в России. СПб., 1910. 211 с.
8. Отчет Владимирской губернской земской управы 51-му очередному губернскому земскому собранию. О противопожарных мероприятиях за 1915 год. Владимир-на-Клязьме, 1917. с.28-47.
9. Петровичева Е.М., Большакова Д.А. Организация земского страхования во Владимирской губернии // Гражданская война и гражданский мир в исторической судьбе России. Материалы всероссийской научной конференции молодых ученых «Ключевские чтения». М.: МПГУ, 16-17 ноября 2018. М., 2019. с.336-345.
10. Положение о взаимном страховании от огня. Свод законов Российской империи. Собрание второе: Том XXXIX. Спб., 1867.

D. A. Bolshakova

TERRITORIAL INSURANCE ON THE EVE OF THE REVOLUTION OF 1917 (ON MATERIALS OF THE VLADIMIR PROVINCE)

The article examines the course of zemsky insurance in the territory of Vladimir province on the eve of the revolution of 1917. The peculiarities of the establishment of the insurance institute in the Vladimir province are considered.

Keywords: zemstvo; insurance; fire teams; World War I.

Е. А. Воробьева
(научный руководитель – к. и. н., доцент **И. А. Николаева**)

ВЛИЯНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. НА СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ФОРМ СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

В настоящей работе рассмотрены основные этапы развития нового архитектурного направления начала XX столетия, его стилевые особенности и причины исчезновения. Также работа включает характеристику и обобщение данных о памятниках конструктивизма на территории Владимирской области.

Ключевые слова: архитектура, конструктивизм, городская архитектура, краеведение, авангард.

Октябрьские события 1917 г. и процесс создания советского государства способствовали разрушению культурных традиций и становлению принципиально иной, по сути и задачам, культуры. Впервые в истории России государство перешло к созданию органов власти, призванных управлять и руководить новой культурой. Перед Наркомпросом стояло множество задач, призванных решить проблему формирования новой идентичности, создания собственных сценариев, образов власти и выработать необходимое их восприятие.

В отечественной историографии, благодаря утверждению в науке междисциплинарного подхода в изучении советской истории, сегодня большое внимание уделяется изучению культурного пространства советского города, его социокультурным особенностям. Во многих работах культурное пространство рассматривается как условие бытия городского человека. Большую роль играют проблемы визуального восприятия городского пространства, основным источником которого выступает городская архитектура [1, с.18]. Поэтому обращение к изучению архитектуры советского государства и ее региональных особенностей имеет безусловную актуальность.

Прежде всего, следует отметить, что к вопросам культуры и искусства руководители вновь созданного советского государства обратились уже в 1918 г. В частности, известны высказывания наркома просвещения А.В. Луначарского о необходимости перевода искусства на революционный лад. При этом главной задачей культуры виделась пропаганда идей социализма, агитация. Закономерным исходом подобных обсуждений и первым шагом на пути конструирования новой социальной среды стал изданный в 1918 г. декрет «О монументальной пропаганде», который предполагал демонтаж памятников

эпохи «царизма» и установку новых памятников, отражающих «идеи и чувства революционной трудовой России», а также замену надписей, эмблем, названий улиц, гербов [2]. В настоящее время монументальная пропаганда ассоциируется, прежде всего, со скульптурными памятниками, однако перспектива развития монументальной пропаганды не ограничивалась средствами изобразительного искусства, подразумевая широкий синтез всех искусств, включая литературу, театр и музыку. В том числе разрабатывались и проекты реконструкции районов и городов [3, с.19].

Революция стала поворотным моментом для архитектурных направлений, не получивших должного развития в дореволюционной России. Теперь же власти необходимы были мастера новой школы, способные отойти от канонов «классического» стиля и сформировать абсолютно новый облик города. Концепция социалистического города была призвана решать следующие задачи: создание благоприятных условий для размещения населения, удовлетворения его потребностей в бытовом, культурном обслуживании, социальной коммуникации, минимизация социальные конфликты. Но в первую очередь социалистический город должен был максимально приблизить места расселения рабочей силы к промышленным объектам, на которых она занята, причем в минимальные сроки, с максимально возможным удобством и минимальными издержками. Так, появляется множество архитектурных объединений, в числе которых как традиционные группировки, так и авангардистские объединения – рационалисты, функционалисты, конструктивисты. В отличие от традиционной школы, авангардные архитекторы считали архитектора универсальным субъектом – и инженером, и человеком, ответственным за экстерьер и интерьер здания, выбор материалов будущей постройки.

Среди прочих новых направлений наиболее популярным и известным оказался конструктивизм. Конструктивизм в архитектуре – это направление авангардного искусства, подчеркивающее роль конструкции в здании (отсюда и название) и получившее развитие после революции, а официальное название в 1921 г. в момент образования, так называемой, «рабочей группы» конструктивистов в ИНХУКе.

Конструктивизм формировался в ходе борьбы за новые формы художественного труда и за его рационализацию, которая отражала социальные преобразования в обществе, изменения в технике производства предметов, становление новых эстетических идеалов. Конструктивизм в советском искусстве возник в результате своеобразного синтеза формально-эстетических поисков левых художников с идеями теоретиков «производственного искусства». Таким образом, на формирование направления оказали влияние футуризм, супрематизм, кубизм и другие новаторские течения начала XX века

и идеи полезного, «производящего» искусства. Искусства не ради искусства, а искусства для людей. Конструктивизм отрицал различные архитектурные формы прошлого и, являясь не стилем, а методом, подчеркивал роль функционально-конструктивной основы здания в вопросах формообразования. То есть, главное в здании – его конструкция, функциональное назначение, а уже затем форма [4].

Основными наиболее известными деятелями направления стали его крупнейшие теоретики – А.А. Веснин, М.Я. Гинзбург, а также И.А. Голосов, Б.И. Иофан, И.И. Леонидов, Л.М. Лисицкий, Я.Г. Чернихов и многие другие. Во многом, ранний конструктивизм известен своей проектной деятельностью, потому что в условиях гражданской войны осуществлять строительство было попросту невозможно.

В 1922-1923 годах разруха Гражданской войны постепенно начала отступать, и в Москве стали проходить первые крупные архитектурные конкурсы, в которых по-новому о себе заявили архитекторы, учившиеся и начавшие профессиональную практику до революции. Успех новых архитектурных идей подвигнул Александра Веснина и Моисея Гинзбурга основать в 1925 г. Объединение современных архитекторов (ОСА), а уже в 1926 г. начал выходить журнал «Современная архитектура» - главный печатный орган конструктивистов [5, с.11-12].

Пик осуществления и постройки конструктивистских проектов приходится на период с 1926 г. по начало 1930-х годов. Причем промышленные и общественные здания, жилые комплексы, возводились не только в центральном регионе, но и в Сибири, и в союзных республиках – то есть, повсеместно. Также в определенной степени конструктивистская застройка производилась и на территории Владимирской области. Поэтому мы рассмотрим особенности стиля на примерах зданий, появившихся на территории области в 1920-х – 1930-х годах.

Изучение конструктивистских построек области позволило выделить три варианта построек, которые нами уже упоминались, промышленные, общественные и жилые постройки или комплексы. Конечно, объем осуществленных во Владимирской области проектов был значительно ниже, чем в Москве или в г. Иваново, который называют «столицей конструктивизма». Но, тем не менее, определенный процент зданий был построен.

Конструктивизм характеризуется строгостью, геометризмом, лаконичностью форм и монолитностью внешнего облика. Характерные памятники конструктивизма – фабрики-кухни, дворцы труда, рабочие клубы, дома-коммуны. Архитекторы работали с экспериментальными для того времени материалами, используя в своих конструкциях бетон, железо, стекло. Также

отличительной чертой явилось наличие плоской крыши, дискуссии о целесообразности которой велись на страницах журнала «Современная архитектура». Все эти черты имеются и в конструктивистских постройках Владимирской области, среди которых: электростанция, пгт Никологоры (фабрика льняная прядильно-ткацкая городских Федянина, Борисова, Боржо) [6, с.302 - 303]; ткацкий корпус фабрики Демидовых «Свободный пролетарий», г. Вязники [7, с.124]. Как правило, стены зданий оштукатурены и выкрашены в различные цвета (бежевый, серый, оттенки оранжевого и желтого, белый), однако встречаются и неоштукатуренные кирпичные стены. Примерами их могут быть: клуб «Искож», г. Александров [8, с.543 - 545], клуб на ул. Б. Нижегородская, г. Владимир [9, с.142 - 143]. Элементами декора также служили объемные надписи на стенах. Например, надпись «Красный профинтерн» на Клубе в г. Карабаново [10, с.612].

Особое внимание стоит уделить окнам. Во многом, конструктивизм можно «опознать» благодаря оформлению оконных проемов. Они обыкновенно были удлиненными, с характерными перегородками, встречались круглые окна и окна, переходящие в угол здания, что тоже явилось своеобразным нововведением конструктивистов. И, в целом, окна занимали значительную часть архитектурной композиции, чтобы придать конструкции легкость и оригинальность (Ясли им. Кирова, г. Гусь-Хрустальный [11, с.611]; ул. Абельмана, 19, г. Ковров [12, с.143]).

На примере жилых зданий города Владимира, мы видим, что зачастую новые постройки «вписывались» в уже оформленную композицию, заполняя пустое место. Примером чего служит здание № 4, на ул. Большая Московская в г. Владимире [13, с.232].

В целом, можно отметить, что на территории Владимирской области преобладающими конструктивистскими постройками явились общественные здания, которые строились при фабриках и заводах там, где не было подходящих помещений для сбора рабочих, и жилые постройки, возведение которых обуславливалось нехваткой мест проживания. Теоретическое кредо конструктивизма отражало новые условия развития архитектуры, когда после окончания гражданской войны в стране развертывалось реальное строительство. Конструктивисты искали выразительность не в декоре, а в динамике простых конструкций, вертикалей и горизонталей строения, свободе плана здания.

Закат этого архитектурного направления пришелся на начало 1930-х годов, когда в значительной степени изменилась политическая ситуация в стране, а следовательно, и в искусстве. Новаторские и авангардные течения сначала подверглись резкой критике, обвинялись в формализме, а потом и

вовсе оказались под запретом как буржуазные. В стране развернулась борьба с «прямыми углами», с «буржуазным формализмом», с «леонидовщиной». Все архитектурные течения были объединены в Союз советских архитекторов [14].

Следует отметить, что революционные события начала XX века радикально повлияли на общий характер культурного поля, изменив место и роль искусства в социальной жизни России. Они открыли для художников возможность прямого жизнестроения, означающего непосредственное воздействие на быт и чувственно-эмоциональную сферу человека. Речь шла об участии художников в принятии глобальных архитектурно-строительных решений, в художественном оформлении целых городов, в режиссерской организации многотысячных революционных праздников, в создании новых видов одежды для массового потребителя и разнообразных элементов нового коммунального быта. Основные усилия художников были направлены на изменение самих отношений между людьми, преодоления определявших их до этого форм «господства, насилия и эксплуатации» [15, с.19].

Библиографические ссылки

1. Шалаева Н. В. Становление плана монументальной пропаганды в Советской России. 1917-1918 годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 8 (337). История. Вып. 59. с.15-23.
2. Монументальная пропаганда // Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/article078022.html>, свободный. Яз. рус.(дата обращения: 08.07.2017).
3. Шалаева Н. В. Становление плана монументальной пропаганды в Советской России. 1917-1918 годы.// Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 8 (337). История. Вып. 59. с.15-23.
4. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда: В 2 кн.: Кн. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. - М.: Стройиздат. 1996. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.alyoshin.ru/Files/publika/khan_archi/khan_archi_1_000.html, свободный. Яз. рус.(дата обращения: 08.07.2017).
5. Васильев Н. Короткий период архитектурного лидерства // Московское наследие : журнал. – М.: Департамент культурного наследия города Москвы, 2012. № 18. с.11-12.
6. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Владимирская область. Часть 2. / Гомоляка И. И., Гриц А. Е., Зеленцова Т. С., Смирнов Г. К., Щёболева Е. Г. М.: Наука, 2009. 734 с.

7. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Владимирская область. Часть 2. / Гомоляка И. И., Гриц А. Е., Зеленцова Т. С., Смирнов Г. К., Щёболева Е. Г. М.: Наука, 2009. 734 с.
8. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Владимирская область. Часть 1. / Отв. ред. Седов Вл. В. М.: Наука, 2004. 752 с.
9. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Владимирская область. Часть 1. / Отв. ред. Седов Вл. В. М.: Наука, 2004. 752 с.
10. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Владимирская область. Часть 1. / Отв. ред. Седов Вл. В. М.: Наука, 2004. 752 с.
11. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Владимирская область. Часть 2. / Гомоляка И.И., Гриц А.Е., Зеленцова Т.С., Смирнов Г.К., Щёболева Е.Г. М.: Наука, 2009. 734 с.
12. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Владимирская область. Часть 1. / Отв. ред. Седов Вл. В. М.: Наука, 2004. 752 с.
13. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Владимирская область. Часть 1. / Отв. ред. Седов Вл. В. М.: Наука, 2004. 752 с.
14. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда: В 2 кн.: Кн. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. - М.: Стройиздат. 1996. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.alyoshin.ru/Files/publika/khan_archi/khan_archi_1_000.html, свободный. Яз. рус (дата обращения: 08.07.2017).
15. Чубаров И. М. Коллективная чувственность: теории и практики левого авангарда. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 344 с.
16. Агеев И. А. Методологический ресурс исторической урбанистики в современных исследованиях городских пространств // Вестник томского государственного университета. № 385. 2014. с.79-84.

E. A. Vorobyova

THE EFFECT OF THE OCTOBER REVOLUTION ON THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF SOVIET ARCHITECTURE

The article enumerates the main stages of development of the New Soviet architectural movement. The author analyzes the main features of the art movement and finds the reasons for its disappearance. The article also contains a general survey of the constructivist buildings in the Vladimir region.

Keywords: architecture, constructivism, urban development, local history, avant-garde.

С. Р. Горина
(научный руководитель – к. и. н., доцент **И. А. Николаева**)

ПРОБЛЕМА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СНАБЖЕНИЯ РУССКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ КАК ОДНА ИЗ ПРЕДПОСЫЛОК РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

В данной статье рассматривается продовольственное снабжение военнослужащих русской армии в годы Первой мировой войны; содержатся воспоминания современников войны об их рационе, а также проводятся причинно-следственные связи между продовольственным обеспечением русской армии и Февральской революцией 1917 года.

Ключевые слова: Первая мировая война, революция, продовольственное снабжение, армия.

Солдатский быт относят к основным слагаемым победы и причинам поражения в войнах. Это подтверждается и опытом Первой мировой войны. Как известно, Первая мировая во многом предопределила судьбу России. Поэтому изучение различных аспектов этой войны, в том числе и продовольственного, даст возможность избежать повторения ошибок, допущенных в ходе первого мирового вооруженного конфликта. Это становится особо актуально в связи с нынешним реформированием вооруженных сил Российской Федерации, в том числе и по вопросу организации армейского быта.

Целью данного исследования является изучение продовольственного снабжения русской армии в годы Первой мировой войны, как одной из предпосылок революции 1917 года, и в частности, изучение рациона питания личного состава частей и подразделений и анализ зависимости от питания психологического состояния и социально-политических установок военнослужащих русской армии в 1914-1918 гг.

Следует отметить, что интерес к продовольственной проблеме в российской армии долгое время не являлся предметом специального исследования в отечественной историографии, однако, на современном этапе историки придают все большую значимость данному аспекту. Как особую часть военной действительности его рассматривали в своих работах такие исследователи, как Асташов А.Б., Митяев Д.А.

Источниковую базу данной работы составили, прежде всего, воспоминания современников тех событий, и, в частности, – мемуары сестры

милосердия Ф. Фармборо, военного врача В.П. Кравкова, военного лётчика Б. Сергиевского, солдата А.С. Арутюнова, а также делопроизводственные документы ведомств, отвечавших за снабжение армии.

Изученные в ходе исследования документы позволяют утверждать, что еще до начала Первой мировой войны Правительство Российской Империи провело основательную подготовку к обеспечению армейского снабжения. Создавались неприкосновенные запасы, устанавливались нормы довольствия личного состава. На территории империи была налажена работа 270 продовольственных магазинов, 6 военных хлебопекарен, 22 военных мукомолен, 5 сухарных заводов, 3 холодильников. И всё же, к началу войны недоставало 7 070 000 пудов муки, 288 000 пудов крупы, 30 007 800 порций мясных консервов [6]. Поскольку война – энергозатратное явление, которое связано с огромными психологическими и физическими нагрузками, то у русской армии мясной паёк составлял значительную часть. Если учесть, что большинство населения было крестьянами и редко видело на своём столе мясо, то это обстоятельство играло огромную роль в пищевом рационе военного. С началом войны мясной паёк составлял 615 г. в день. Для его обеспечения требовалось более 17 тыс. голов крупного рогатого скота. Всего за войну было зарезано более 32 млн. животных [2]. Качество мяса было самое высокое. Во время религиозных постов мясо заменялось рыбой, которую чаще всего подавали сушёной, а в супы клали грибы. Солдатскую пищу приносили сначала в офицерскую землянку, где все, начиная с командира батареи и кончая самым младшим офицером, должны были пробовать, чем кормят солдат. Корпусный врач В.П. Кравков в своих записках писал, что «страдает от почти исключительно мясной пищи». Военнослужащие даже изобрели особый рецепт шашлыка, который позволял сохранять мясной паек.

Тем не менее, уже с осени 1914 г. из-за транспортных трудностей снабжение армии провизией стало ухудшаться. Часть мясного пайка стала выдаваться солониной, так как её перевозка была легче и удобнее, а с апреля 1916 г. и до конца войны в счет мяса засчитывали рыбу и мясные отходы. Стали нередкими случаи, когда солдатам самим приходилось обеспечивать себя мясом, в связи с чем местные жители начали прятать от военных провизию. Попыткой улучшить продовольственное снабжение фронта в 1916 г. стал запрет на вывоз любых продуктов из областей, подчинённых фронту [8, с.60].

Из чего же состоял солдатский рацион? По сообщению солдата М.Н. Клейнмана, который прошел всю войну, питались они так: тринадцать солдат ели из одного котла – в основном суп с мясом, по одному кусочку на человека. Брать мясо разрешалось только после стука командира: каждый старался взять себе лучший кусок. Кроме того, к обеду давали на палочке 100 г.

вареного мяса. Очень часто вместо крупы давали чечевицу и даже были случаи, когда солдаты выливали свой обед на землю, высказывая, тем самым, свой протест чечевице. Кашу также могли готовить из кукурузы, которую мололи в муку, варили и добавляли соль [8, с.303]. На ужин часто давали щи, которые были жидковаты, картофельный суп, гречневую кашу, лапшу, котлеты с макаронами, кофе, осетрину. Во время войны возникла проблема нехватки хлеба, так как печь по установленным нормам – одному килограмму на солдата – в условиях полевой кухни оказалось невозможным. Солдаты по несколько дней не видели хлеба, каши, сухарей, которые представляли собой разной формы отрывки ржаного хлеба, печенного или высушенного [8, с.132]. Недостаток хлеба восполняли употреблением картошки и овощей, в основном сырых. Солдаты жаловались, что в церкви просфоры дают больше, чем им хлеба и именно в этом они видели причину своей слабости. Известно, что во многих ротах не хватало сахара, чая, соли [4, с.50] и, если удавалось съесть один кусочек сахара в день – это было настоящим праздником.

По свидетельствам военнослужащих, казенная пища им очень надоедала. Солдаты мечтали о белом хлебе, колбасе, сыре, сардинах, икре. Несомненно, эти продукты родственники старались положить в посылки, но они, как правило, шли слишком долго, и часть провизии доставлялась уже испорченной [1, с.28]. Обычно запаса закусок и сухарей из посылок хватало на месяц. Ко всему прочему, присылали хороших конфет, чай, сахар, папиросы. Рецепт бутерброда «домашнего» был таков: хлеб намазывали маслом, сверху клали икру, прибавляли кусок груши и печенье. В чай сверж сахара клали варенье. Пить пустой чай считалось даже неприличным, и делали это в основном от того, что боялись навредить желудку. Некоторые продукты солдаты старались попридержать на будущее: кусок масла, какао, печенье, которое съедали по 5-6 штук в сутки украдкой. Хотя солдатам и было стыдно за то, что они не делились с товарищами, но они объясняли свое поведение тем, что они всё время испытывали крайний недостаток мучного в пищевом рационе. По случаю Нового года, Рождества и Пасхи солдаты пытались сделать своё меню более разнообразным. Солдат А.С. Арутюнов в своих мемуарах писал, что в день Пасхи он вместе с подпрапорщиком своей роты накрыл праздничный стол, среди угощений была ветчина, 10 штук французских булок, копчёная колбаса и сливочное масло [1]. Работницы Красного Креста по случаю Пасхи готовили различные угощения, среди которых были куличи, пасха, освящённые пасхальные яйца. В этот праздник солдаты, руководствуясь религиозными чувствами, раздавали свой хлеб товарищам и даже противнику. Последнего могли даже угостить пасхой, яйцами, салом, колбасой.

С другой стороны, военнослужащие не испытывали недостатка в табаке. Солдаты обычно курили махорку, а офицеры сигареты, которые стоили примерно 85 коп. Причем махорку выдавали в таком количестве, что всю её даже невозможно было выкурить, и солдаты взялись продавать её местным крестьянам за 2 коп.

Что касается крепких напитков, то уже с началом войны спирт стал появляться только в госпиталях и лазаретах, но позже и туда его стали поставлять с примесью эфира, чтобы солдаты его не пили. Даже по случаю праздника было сложно найти спиртное. Коньяк доставали по рецептам военных докторов за высокую цену у торговцев, примерно 10 рублей за бутылку. Однако замену спиртным напиткам нашли в кокаине и морфии, которые легко можно было раздобыть. Следует отметить, что офицерам спирт отпускали в больших количествах. Каждая часть придумывала различные предлоги, чтобы устроить офицерскую попойку.

Офицеры часто жаловались на то, что жизнь в тылу становится слишком дорогой. К лету 1916 г. рост оптовых цен для хлеба достиг 91%, для сахара 48%, для мяса 138%, для соли 256%, для масла 145%, розничные цены местами повысились еще больше [6]. При этом средняя зарплата с 1914 г. по 1918 г. снизилась с 272 рублей до 27 рублей. В источниках приводится стоимость некоторых продуктов: платный обед стоил 41 коп., десяток яиц – 70 коп., куры были не дешевле 3 рублей, стоимость четверти фунта дрожжей доходила до 60 рублей, масло стоило 2 рубля за фунт, но его с каждым днём было все сложнее найти, поросёнок – 30 рублей, гусь – 8-12 рублей, утка – 15 рублей [8, с.161].

Статистические источники военного ведомства свидетельствуют, что всего за период с 1914-1917 года было употреблено 9 640 000 т. муки, 1 397 000 т. крупы, 3 739 000 т. мяса, 511 000 т. жира [6, с.42]. Если верить данным Д.А. Митяева, то на войну было мобилизовано 19 000 000 солдат, а это означает, что на каждого солдата за все годы войны пришлось 507,3 кг. муки, 73,5 кг. крупы, 196,7 кг. мяса, 26,8 кг. жира. Российский историк и педагог Константин Кушнер как-то сказал: «Голодная армия – страшная сила». Его слова находят подтверждение. Русский паёк по сравнению с пайками армий других воюющих стран занимал последнее место [3, с.42]. Однообразие пищи, отсутствие горячих блюд, еда в сухомятку – такие отзывы чаще всего звучали о питании на передовых позициях. В своих письмах солдаты жаловались, что пищу, которой их кормят не стали бы есть даже собаки и свиньи. Ко всему прочему, через день кормили варёной селедкой, которую перед приготовлением не мыли и не чистили. Стали появляться поговорки про питание: «Сварят щи, хоть портянки полощи», «крупинка за крупинкой бегаёт с дубинкой» и многие другие [5, с.38]. Ошибки по заготовлению продовольствия, а также его

нерациональное использование привели к регулярным перебоям в поставках провизии русской армии. В этом отношении дела питания обстояли хуже, чем в русско-японскую войну. Например, во время войны с японцами никогда не было недостатка в мясе, была масса разнообразных овощей и фруктов, свежий хлеб выдавался постоянно, поэтому нужда есть сухари выпадала крайне редко, почти всегда только на позиции. Во времена Первой мировой дошло до того, что к марту 1917 г. каждые сутки русские солдаты шли в плен к немцу по 3, 5, 10, даже 20 человек. Уходя, бросали записки, а в них писали: «За горох и чечевицу». С осени 1916 г. начались забастовки в ряде промышленных районов страны, к вышедшим на улицы рабочим присоединились и солдаты. Вполне логично, что когда человек сталкивается с дефицитом пищи, а порой и вовсе голодает, но при этом должен вести военную службу и выполнять свои обязанности, у него происходит снижение психологической устойчивости и действия моральных принципов, ведущих к падению боевого духа и, соответственно, нежеланию вести боевые действия, невыполнению приказов командира и дезертирству. Ухудшение продовольствия отразилось на психологии военных. Это было одной из причин обвинения офицеров в казнокрадстве и измене. Поскольку русская армия состояла в большинстве из крестьян, то именно на дефицит продовольствия они реагировали более остро.

К началу 1917 г. главной трудностью в империи стала не столько нехватка продовольствия для снабжения населения, сколько проблема с его транспортировкой. Железнодорожный транспорт, потеряв значительное число вагонов и паровозов, был не в состоянии обеспечить доставку необходимой провизии на фронт. Безусловно, назревавший уже в конце 1916 г. продовольственный кризис становился значительным фактором Февральской революции 1917 г. Однако, катастрофический характер проблема снабжения мирного и военного населения приняла уже после февраля 1917 г., и к осени этого года русская армия испытывала серьезные дисциплинарные проблемы, остро обозначились антивоенные настроения, причиной которых во многом были дороговизна и голод.

Библиографические ссылки

1. Арутюнов А. С. Дневник солдата 1914-1915 гг. Ростов н/Д., 2013. 52 с.
2. Асташов А. Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917. Военный опыт и современность. М., 2014. 740 с.
3. Биншток В. И. Народное питание и народное здравие: [в войну 1914-1918 гг.]. М.; Л., 1929. 91 с.

4. Кравков В. П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М., 2014. 414 с.
5. Максимов А. М. Царская армия в период мировой войны и февральской революции: (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны). Казань, 1932. 236 с.
6. Митяев Д. А. Мировая война в цифрах. Ленинград: Москва, 1994. 127 с.
7. Сергиевский Б. Пережитое. 1914. Белград, 1933. 266 с.
8. Фармборо Ф. Первая мировая война: дневники с фронта. Олма Медиа Групп, 2014. 400 с.

S. R. Gorina

THE PROBLEM OF FOOD SUPPLY THE RUSSIAN ARMY DURING THE FIRST WORLD WAR, AS ONE OF THE PRECONDITIONS OF REVOLUTION IN 1917

This article discusses the feeding of servicemen of the Russian army during the First world war; see the memoirs of contemporaries of the war about their diet, and also conducted a causal relationship between the food supply of the Russian army and the February revolution of 1917.

Keywords: The First world war, revolution, food supply, army.

УДК 93.9/614

А. В. Дегтева

(научный руководитель – к. и. н., доцент Т. М. Голубкина)

САНИТАРНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Статья посвящена проблемам санитарного и гигиенического просвещения во Владимирской губернии на рубеже XIX и XX веков. Развитие промышленности, тяжелый труд работников фабрик, низкий уровень грамотности и образованности – вот основные причины высокой смертности населения. Лишь грамотное внедрение знаний о гигиенических правилах и нормах было способно действительно помочь в деле сохранения здоровья населения.

Ключевые слова: медицина, санитарная культура, промышленность, исследования, просвещение.

В конце XIX века смертность в России была самой высокой в Европе. Низкая санитарная культура, материальная необеспеченность широких слоев населения, тяжелые условия труда на предприятиях и другие причины вели к росту количества различных заболеваний. Холера, брюшной и сыпной тиф, дизентерия, оспа, туберкулез ежегодно уносили жизни сотен тысяч россиян. В конце XIX- начале XX вв. о здоровье населения заботилась земская, городская, казенная, частная и фабрично-заводская медицина. Для того, чтобы добиться профессиональных результатов, врачи, фармацевты и естествоиспытатели создавали общества охраны здоровья. В отличие от многих других неполитических организаций страны им уделялось некоторое внимание в отечественной науке.

Ведущую роль среди таких организаций играли медицинские общества, большая часть которых возникла после 1869 года. К 1896 году в России насчитывалось более ста медицинских объединений.

Данные общества преследовали как научные, так и практические цели. Практические – сводились развитию между членами общества коллегиальности, к увеличению нравственной, а иногда и материальной солидарности между членами. Для целей научных члены общества периодически собирались и представляли доклады по различным отраслям медицины [1].

Во Владимирской губернии медицинское общество образовалось в 1891 году под председательством И.В. Романовского Общество, как полагалось, имело свой устав [6], издавало итоги своей деятельности в отчетах, протоколах и докладах, в «Вестнике Владимирского Губернского Земства» [2]. В рамках санитарного направления деятельности главной заботой организации стала борьба с эпидемиями. В конце XIX века во Владимирской губернии бушевали корь, скарлатина, брюшной тиф и т. д. Члены медицинского общества проводили санитарные осмотры территорий, охваченных эпидемиями, публиковали на страницах местной печати еженедельные сведения о динамике заразных болезней, совместно с представителями городской администрации разрабатывали мероприятия по локализации очагов инфекции.

Владимирская губерния в дореволюционный период занимала ведущее место среди промышленных центров России [4]. С 1870 по 1913 г. количество рабочих в губернии увеличилось с 58,5 тыс. более чем до 271 тыс. Увеличение числа жителей, укрупнение городов, их низкая санитарная культура обуславливали высокую заболеваемость и смертность населения Владимирской губернии.

В связи с этим известными земскими врачами, такими как И.С. Шмидт, С.И. Сычугов, С.В. Любимский, А.В. Смирнов было принято решение провести

санитарно-статистические исследования в губернии и сделать все возможное для санитарного просвещения населения.

Уже в 1883 году проводятся фабрично-заводские исследования врачом С. В. Любимским. Материалы фабрично-заводских исследований, выводы С. В. Любимского были опубликованы во Владимирском земском сборнике (1883 г., № 10). В данной работе показано бесправное, катастрофически бедственное положение рабочих. Очень образно и правдиво были описаны условия труда и быта, недостойные человека, хищническая эксплуатация женщин, детей и подростков. Этому способствовали низкая культура производства, тяжелый физический труд. Санитарные же условия труда также не отвечали требованиям гигиены. Рабочий день длился 12 часов и более. Для беременных не существовало никаких льгот. С глубоким отчаянием С.В. Любимский писал, что беременные женщины работают вплоть до родов [3].

Таким образом, отсутствие надлежащих норм и правил для рабочих, их неосведомленность в деле своей гигиены и здоровья провоцировали высокий уровень заболеваемости, травм и смертности.

В 1882 году во Владимирской губернии в Шуйском уезде проведено первое санитарно-статистическое исследование земским врачом С.И. Сычуговым, после чего он выступил с докладом на первом съезде земских врачей.

На первом Губернском съезде вопрос о санитарном деле стоял на первом месте, поэтому было решено создать при губернской земской управе санитарную комиссию, которая возглавит всю санитарно-статистическую работу. За образец была принята с некоторыми изменениями санитарная комиссия при Московской губернской управе. Комиссия состояла из 7 членов, в том числе 4 врачей, в числе которых были С.И. Сычугов (председатель) и А. В. Смирнов.

С.И. Сычугов, как заведующий санитарной комиссией, проводил огромную организационную работу по изучению заболеваемости населения губернии. Помимо прочих способов борьбы с болезнями, Сычугов особое место отводил просвещению народа в области своего здоровья. Внимание привлекает его ходатайство «о введении преподавания гигиены в средних учебных заведениях и особенно в тех из них, которые дают главный контингент учителей народных школ» [5] Сычугов отводил особую роль просвещению и образованности, поэтому верил, что преподавание основы гигиены в школах сможет намного снизить уровень заболеваемости и смертности населения.

С.И. Сычугов поднял и отстоял в дискуссиях вопрос о выделении земских средств на приобретение для раздачи оканчивающим курс учения в сельских школах брошюр, которые знакомили бы крестьян с основными гигиеническими понятиями. В качестве одной из таких брошюр была предложена работа

доктора Перфильева «Народные беседы о здоровье и болезнях» [3]. В условиях самодержавия благородная идея С.И. Сычугова не могла быть реализована, поскольку около 4/5 детей и подростков в России были лишены возможности получить даже начальное образование.

В период эпидемий различных заболеваний особое значение придавалось гигиеническому обучению народа. Так, например, выпускали брошюры о холере, о сифилисе. Таким образом врачи хотели подчеркнуть важность медицинских и гигиенических знаний среди народа.

Но, к сожалению, эффективность этого метода не могла быть высокой в связи с неграмотностью широких слоев населения. Главными причинами высокой заболеваемости были существовавший общественно-экономический строй, эксплуатация и нищета народных масс.

Таким образом, развитие санитарного просвещения связано с деятельностью губернской санитарной организации. В этот период врачами-энтузиастами была проделана большая организационная работа с целью упорядочить санитарно-просветительную работу, придать ей направленность и последовательность. Земские врачи явились основоположниками устной и печатной санитарной пропаганды, использовали ее наглядные методы. Санитарное просвещение стало обязательным разделом врачебной деятельности, однако в условиях царской России не носило системного характера и оставалось в основном уделом медиков. Несмотря на активную деятельность земских врачей, желаемый уровень гигиенических знаний населения был недостижим. Санитарному просвещению нечего было противопоставить социальным факторам, порождавшим высокую заболеваемость и смертность, нищету и невежество.

Только Октябрьская революция дала России единую государственную систему охраны здоровья населения. В новых условиях стали возможными эффективное гигиеническое обучение и воспитание населения.

Библиографические ссылки

1. Брокгауз Ф. А, Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Том XVIII. - С.-Петербург: Типо-Литография И. А. Ефрона., 1896. с.621.
2. Вестник Владимирского губернского земства 1901 г., № 20-24. - Владимир на Клязьме: Типо-Литография Губернской Земской Управы, 1901. с.22.
3. Ильин А. И. Из истории санитарной службы Владимирской губернии // К 90-летнему юбилею санитарно-эпидемиологической службы. Из истории владимирской санитарной службы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://33.rospotrebнадзор.ru/content/687/41363/>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 12.01.2017).

4. История Владимирской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vladimirskiy-kрай.рф/history/1718/>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 12.01.2017).
5. Протоколы II губернского съезда врачей Владимирского земства, Владимир, 1884. С.118.
6. Устав медицинского общества в губернском городе Владимире. -Владимир на Клязьме: Типо-Литография Губернской Земской Управы. 1899. с.3.

A. V. Degteva

SANITARY EDUCATION IN THE VLADIMIR PROVINCE ON THE EVE OF THE FEBRUARY REVOLUTION 1917

The article is devoted to the problems of sanitary and hygienic education in the Vladimir province at the turn of the XIX and XX centuries. The development of industry, the hard work of factory workers, low levels of literacy and education - these are the main causes of high mortality. Only competent introduction of knowledge about hygienic rules and norms was able to really help in maintaining the health of the population.

Keywords: medicine, sanitary culture, industry, research, education.

УДК 316.26

М. С. Дорофеева

(научный руководитель – к. и. н., доцент Г. С. Егорова)

«ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» В ТРУДАХ МАРКСИСТОВ

В статье ставится задача проследить эволюцию взглядов марксистов на такие аспекты женского вопроса, как вопросы семьи и брака, политических свобод, включение женщин в общественную деятельность.

Ключевые слова: женщины, женский вопрос, Советский Союз, марксизм.

Великая российская революция 1917 года и приход к власти в России партии большевиков означали не только смену государственного строя, но и начало целого ряда социокультурных преобразований, затронувших все сферы жизни советских граждан. Никогда до этого государственные реформы не были нацелены на коренное изменение правового и социального статуса женщин. Появление нового образа женщины было частью общего проекта по созданию «нового советского человека», который долгое время формировался в теоретических разработках идеологов марксизма-ленинизма.

В последние десятилетия XX века в мировой исторической науке оформилось новое направление исследований, именуемое гендерной историей, которое вывело женщин из «тени истории». При изучении истории женщин в Советском Союзе исследователи отдают приоритет их социально-правовому положению, однако именно взгляды классиков марксизма-ленинизма легли в основу советского законодательства. Частично этот вопрос уже изучен в историографии. Работа И.В. Алферовой посвящена теоретической разработке и практической реализации большевиками женского вопроса в Советском Союзе [2]. Ход решения женского вопроса в СССР рассматривает Е.А. Шабатура в исследовании, посвященном становлению образа «новой женщины» в СССР в 1920-е гг. Автор рассматривает идеи марксистов как особый элемент, сыгравший роль в становлении образа «нового советского человека» [32]. Взгляды идеологов марксизма-ленинизма рассматривались А.С. Армен, которая обратилась к анализу базовых идей марксистской теории, послуживших своеобразным толчком к развитию теоретического феминизма [4]. Например, деятельность А.М. Коллонтай в качестве основательницы марксистского направления феминистской мысли в России подробно рассматривается в статье И.И. Юкиной [35].

Во второй половине XIX – начале XX века «женский» вопрос стоял остро во многих странах мира. Именно тогда произошел значительный скачок в оформлении и развитии идей феминизма, что выразилось в «суфражизме» – борьбе женщин за гражданское право участия в голосовании. Возникнув в Англии, суфражизм позднее получил распространение в США, Германии, Франции и других европейских странах [16]. В научной литературе период с 1840-х до 1920-х гг. именуется «первой волной феминизма» и символизирует борьбу женщин за обладание теми же правами, которыми уже владели мужчины (избирательное право, право на образование, профессиональную занятость, право развода) [11, с.44; 12, с.312, 16].

Особую роль в обосновании общественной значимости движения за права женщин сыграли марксисты. Они определили весь комплекс требований, сформулированных этим движением как «женский вопрос» и предложили на него свой ответ [1]. Теоретики марксизма, а именно К. Маркс и Ф. Энгельс не были феминистами в полном смысле этого слова, и тема угнетения по признаку пола не была специальным предметом их исследования, однако она все же нашла свое место в их трудах. Идейнными последователями К. Маркса и Ф. Энгельса стали большевики – в первую очередь, В.И. Ленин. Кроме него, «женский» вопрос в своих трудах рассматривали Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин, И.Ф. Арманд, А.М. Коллонтай и Н.К. Крупская.

В данной статье мы ставим задачу проследить эволюцию взглядов марксистов на женский вопрос, а именно, на такие его составляющие как вопросы семьи и брака, зависимость формы семьи от уровня развития общества, вопрос политических свобод, а также включение женщин в общественную деятельность и их роль в борьбе с капиталистическим укладом общества.

Нельзя сказать, что женский вопрос является основополагающим или центральным в трудах марксистов. Однако, размышления о нем в контексте устройства коммунистического и капиталистического обществ встретить все же возможно. К. Маркс, Ф. Энгельс и В.И. Ленин разделяют общую точку зрения на зависимость семьи от общественного строя. К. Маркс в письме В.П. Анненкову указывает на зависимость между той ступенью, на которой находится общественное производство и формой организации семьи и всего гражданского общества в тот же самый момент времени [27]. В работе «Немецкая идеология» К. Маркс и Ф. Энгельс продолжают мысль, приводя в пример буржуазию, которая «исторически придает семье характер буржуазной семьи» [26, с.168]. В.И. Ленин на примере индейской общины показывает, как менялся характер семьи. Пока члены первобытной индейской общины «вырабатывали сообща все необходимые для них продукты, – невозможна была и частная собственность» [25, с.152], а с появлением разделения труда и возник институт частной собственности, и моногамия (мелкие семьи), как стадия развития семьи по Ф. Энгельсу и категория наследства [34].

Выделение «женского вопроса» в отдельную проблему критикуется в трудах А.М. Коллонтай и Л.Д. Троцкого. Последний пишет: «женский вопрос не только не представляет чего-нибудь самостоятельного, – он даже не есть нечто цельное – единое, так что, собственно говоря, существует не женский вопрос, а женские вопросы. Вопросов этих столько, сколько данная общественная дифференциация выдвинула общественных групп» [31]. Троцкий выдвигает вполне логичный тезис о том, что свобода и равенство в понимании женщин разных социальных слоев различаются: для женщин привилегированного класса основополагающими, по его мнению, были вопросы семьи и образования, а для рабочих фабрик главный вопрос – материальный [31]. А.М. Коллонтай отрицала существование «особого женского вопроса отдельно от общесоциального вопроса» того времени [7, с.63]. Появление его она связывала с процессом освобождения крестьян, которое вызвало коренной перелом в социально-экономических отношениях в России, а именно поставило население страны в положение, при котором нужно было искать средства к существованию [7, с.70].

Вопрос семьи и брака рассматривался в трудах марксистов наиболее часто, как правило, в связи с проблемой угнетения, в первую очередь, экономического. В работе К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология» указывается, что в семье имеется первоначальная форма (зародыш) собственности – это принадлежность жены и детей в семье мужчине [26, с.31]. Ф. Энгельс рассматривает моногамную семью как один из этапов развития семейно-брачных отношений, сформировавшуюся по причине победы частной собственности над общей. Единобрачие появляется в истории, по его мнению, «как порабощение одного пола другим» и дополняется нарушением супружеской верности и проституцией. И вместе с порабощением женского пола мужским возникает и первое классовое угнетение, классовый антагонизм [34]. Рабским называл положение женщин и В.И. Ленин, говоря, что женщина «задавлена» домашним хозяйством [24, с.186]. По его мнению, подлинное освобождение женщины начнется только там, где начнется массовая борьба против мелкого домашнего хозяйства, которое ставит женщину в положение домашней рабыни [17, с.24]. Подтверждает бессмысленность отделения женщин от общества и Л.Д. Троцкий, называя «стену», разделявшую мужчин и женщин «анахронизмом буржуазного общества» [31]. И.В. Сталин в 1925 г. отмечал, что женщины составляют «добрую половину населения» и поэтому первой задачей пролетариата и коммунистической партии считал борьбу за освобождение женщин, а именно «превращения работниц и крестьянок из резерва рабочего класса в действующую армию освободительного движения пролетариата» [29].

Марксисты выступали против подчиненного положения женщины, рассматривая ее как один из обязательных элементов нового коммунистического общества – общества равных. Возникал вопрос – в каких же сферах жизни женщина более всего ущемлена? Самой очевидной была семья и брак. Ф. Энгельс пишет в работе «Принципы коммунизма», что при коммунистическом строе будут уничтожены основы брака, связанные с частной собственностью, а именно зависимость жены от мужа и детей от родителей [33, с.337]. Многим позже, в 1920-е годы Н.К. Крупская напишет, что Семейный кодекс 1918 года «вырвал почву из-под буржуазного брака, строившегося на имущественных отношениях» и уравнил перед законом мужа и жену, поскольку «советская власть составила такие законы, которые освободили работницу и крестьянку от власти мужа» [13, с.15; 15, с.22]. С точки зрения И.Ф. Арманд брак менял женщину, превращая ее из «человека» в «самку», как это произошло с героиней романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир». Сама И.Ф. Арманд была сторонницей «свободы любви», которая подвергалась обстоятельной критике со стороны В.И. Ленина. Между тем, для И.Ф. Арманд

«свобода любви» – рассматривалась как свобода выбора партнера для брака, как брак по любви между двумя равными людьми [30, с.60].

Ф. Энгельс утверждал: «Если нравственным является только брак, основанный на любви, то он и остается таковым только пока любовь продолжает существовать». [34] Из этого вытекает еще один вопрос – а что делать с браком, в котором любовь исчезла? Очевиден ответ, который дает Ф. Энгельс, – развод. Ему вторит К. Маркс, говоря о разводе, как об установлении факта того, что брак «умерший» [28]. Для последователей исторического материализма было очевидно, что развод, а точнее, свобода развода, должна существовать. В.И. Ленин указывал, что «нельзя быть демократом и социалистом, не требуя сейчас же полной свободы развода, ибо отсутствие этой свободы есть сверхпритеснение угнетенного пола, женщины» [21, с.125]. Ограничение доступности права развода для женщин было, по мнению В.И. Ленина, одним из проявлений угнетенного состояния женщины в семье, ее подчиненного положения [21, с.126].

В контексте вопроса о семье и браке выделяется вопрос, связанный с проблемой аборт. Партия большевиков, во главе с В.И. Лениным требовала «безусловной отмены всех законов, преследующих аборт [23, с.257]. Н.К. Крупская в статье «Война и деторождение» поддерживает идею отмены наказуемости аборт и видит борьбу абортами в контексте «устранения тех социальных причин, которые ставят мать в такое положение, что либо аборт, либо в воду» [14, с.10].

А.М. Коллонтай считала, что «семья родового быта», т.е. та, которая обеспечивала своих членов всем необходимым для жизни и была определенным социальным коллективом, нужным для заботы о потомстве, уходит в историю, заменяясь семьей, где и отец, и мать работают не на семью, а на общество, поэтому и забота о детях, и о рожаящих их матерях должна лечь на тот коллектив, на благо которого они работают [6, с.169-170]. Однако женский труд не должен был идти в ущерб материнству. С этой целью по всей стране еще В.И. Лениным [20, с.201] и Н.К. Крупской предполагалось создание общественных прачечных, столовых, детских садов, яслей, т.е. учреждений, способных освободить женщину и создать ей возможность принимать участие в общественной жизни [15, с.23].

Во многих работах марксистов, в том числе в трудах В.И. Ленина и А.М. Коллонтай встречается мысль о необходимости законодательного уравнивания прав женщины с мужчиной [10, с.289, 22, с.224]. Именно эта идея идеологов марксизма нашла свое воплощение уже в Декрете о земле 1917 года, по которому и мужчины, и женщины получали равное право на пользование землей [5]. Выступая на II Всероссийском съезде РКСМ в 1919 году

А.М. Коллонтай отметила «большой сдвиг», произошедший в вопросе уравнивания положения рабочих и работниц. Женщина постепенно переставала исполнять роль жены и матери, переходя в категорию «товарища», которого можно было встретить и в армии, и в роли политкома, и на советской работе [10, с.289].

Женщина, как и предполагалось, все активнее включалась в общественную деятельность. Однако этот процесс, по замечанию Л.Д. Троцкого, начался еще до прихода к власти большевиков. Еще в 1901 году Л.Д. Троцкий в статье «Об одном старом вопросе» отмечает, что марксисты смотрят на женский вопрос глубже, чем многие «поборники равноправия женщин» [31]. Статья его посвящена отчасти критике журнала «Мир Божий», который регистрировал «буквально каждый женский диплом, каждую занятую женщиной кафедру». Не видя ничего предосудительного в желании отмечать успехи женщин на поприще общественной жизни, Л.Д. Троцкий уже на момент написания статьи в 1901 году говорит о том, что «женское движение уже вошло в русло, из которого ему не выйти, – и уследить за каждым его успехом в этом направлении нет никакой возможности» [31].

Однако для того, чтобы включить женщину в общественную деятельность, необходимо было дать ей права, в том числе политические. В.И. Ленин полагал, что не только социализм, но и демократия невозможны без привлечения женщин к самостоятельному участию в политической жизни и общественной службе [19, с.165]. В другой статье он настаивал на отмене «всех без исключения ограничений политических прав женщин по сравнению с правами мужчин» и привлечении внимания женщин к политике [18, с.201]. Ему вторит И.Ф. Арманд: в России, как и во многих других странах женщины, в первую очередь, работницы, лишены политических прав, тогда как «отстранение работниц – половины пролетарской армии – от политической борьбы» ослабляет возможность отстаивания прав рабочих, поэтому многие рабочие-мужчины поддерживают стремление женщин к получению права избирать и избираться [3, с.5]. А.М. Коллонтай обращала внимание на нестабильность «красного фронта» в случае, если широкие массы работниц не вовлечены в борьбу. [8, с.257] Она критикует тактику «постепенщины», нацеленную на незначительные уступки в сфере политических прав женщин и стоит на позиции того, что принцип политической равноправности женщин не должен подлежать спору [9, с.89].

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам. Взгляды К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина на «женский вопрос» не занимали центральное место в их произведениях и носили исключительно теоретико-идеологический характер. Их последователи рассматривали более

утилитарные вопросы, выносили на обсуждение предложения по решению отдельных проблем гендерного неравенства, реализованные в дальнейшем в Советском государстве. Марксисты, в первую очередь, ориентировались на потребности представительниц «передового» класса, т.е. женщин-работниц, обсуждая большой спектр проблем – начиная от сферы личной жизни (вопросов семьи и брака, до общечеловеческих, связанных с дарованием женщинам политических прав и свобод.

Библиографические ссылки

1. Айвазова С. Г. Марксисты и «женский вопрос» // Айвазова С. Г. Гендерное равенство в контексте прав человека. М.: Эслан, 2001. С.31-33. [Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://www.owl.ru/win/books/gender/7.htm>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 23.12.2016).
2. Алферова И. В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма: первое десятилетие Советской власти, 1917-1927 гг.: автореф. дис.... д-р ист. наук: 07.00.02. СПб., 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dslib.net/istoria-otechestva/zhenskij-vopros-v-teorii-i-praktike-bolshevizma.html>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 24.12.2016)
3. Арманд И. Ф. Избирательные права женщин // Работница. 1914. №3.
4. Армен А. С. Феминистская интерпретация марксизма: к вопросу об особенностях феминистской субкультуры // Культура и цивилизация (Донецк). 2018. №1 (7). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/feministskaya-interpretatsiya-marksizma-k-voprosu-ob-osobennostyah-feministskoj-subkultury>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 09.01.2017).
5. Декрет о земле 26 октября 1917 года // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Text/DEKRET/o_zemle.htm, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 29.12.2016).
6. Коллонтай А. М. Введение к книге «Общество и материнство» // Коллонтай А. М. Избранные статьи и речи. М.: Издательство политической литературы, 1972. 602 с.
7. Коллонтай А. М. Введение к книге «Социальные основы женского вопроса» // Коллонтай А. М. Избранные статьи и речи. М.: Издательство политической литературы, 1972. 602 с.
8. Коллонтай А. М. Как и для чего созван был I Всероссийский съезд работниц // Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи. М.: Издательство политической литературы, 1972. 602 с.
9. Коллонтай А. М. Международные социалистические совещания работниц 1907-1910 гг. // Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи. М.: Издательство политической литературы, 1972. 602 с.

10. Коллонтай А.М. Речь на II Всероссийском съезде РКСМ 5 октября 1919г. // Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи. М.: Издательство политической литературы, 1972. 602 с.
11. Королева Т. А. Женское движение: генезис и эволюция // Вестн. Том. гос.ун-та. 2013. №368. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskoe-dvizhenie-genezis-i-evolyutsiya>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 06.01.2017).
12. Королева Т. А. Феминизм как идейно-политический феномен // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2010. №126. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/feminizm-kak-ideyno-politicheskiy-fenomen>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 06.01.2017).
13. Крупская Н.К. Брачное и семейное право в Советской республике // Крупская Н.К. Педагогические сочинения. Т.6. М.: Издательство Академии педагогических наук, 1959. 595 с.
14. Крупская Н.К. Война и деторождение // Крупская Н.К. Педагогические сочинения. Т.6. М.: Издательство Академии педагогических наук, 1959. 595 с.
15. Крупская Н.К. Коммунистическая партия и работница // Крупская Н.К. Педагогические сочинения. Т.6. М.: Издательство Академии педагогических наук, 1959. 595 с.
16. Крыкова И.В. Феминизм: происхождение понятия и его трактования в современной науке // Аналитика культурологии. 2008. №11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/feminizm-proishozhdenie-ponyatiya-i-ego-traktovaniya-v-sovremennoy-nauke>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 25.12.2016).
17. Ленин В.И. Великий почин // Ленин В.И. Полное собрание сочинений Т.39. М.: Издательство политической литературы, 1958. 623 с.
18. Ленин В.И. Задачи левых циммервальдистов в швейцарской с.-д. партии // Ленин В.И. Полное собрание сочинений Т.30. М.: Издательство политической литературы, 1958. 561 с.
19. Ленин В.И. Задачи пролетариата в нашей революции // Ленин В.И. Полное собрание сочинений Т.31. М.: Издательство политической литературы, 1958. 671 с.
20. Ленин В.И. О задачах женского рабочего движения в советской республике // Ленин В.И. Полное собрание сочинений Т.39. М.: Издательство политической литературы, 1958. 623 с.
21. Ленин В.И. О карикатуре на марксизм и об "империалистическом экономизме" // Ленин В.И. Полное собрание сочинений Т.30. М.: Издательство политической литературы, 1958. 561 с.
22. Ленин В.И. Проект программы нашей партии // Ленин В.И. Полное собрание сочинений Т.4. М.: Издательство политической литературы, 1958. 565 с.

23. Ленин В.И. Рабочий класс и неомальтузианство // Ленин В.И. Полное собрание сочинений Т.23. М.: Издательство политической литературы, 1958. 594 с.747 с.
24. Ленин В.И. Речь на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений Т.37. М.: Издательство политической литературы, 1958. 748 с.
25. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Ленин В.И. Полное собрание сочинений Т.1. М.: Издательство политической литературы, 1958. 662 с.
26. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т.3. М.: Издательство политической литературы, 1955. 542 с.
27. Маркс К. Письмо П.В. Анненкову, 28 декабря 1846 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philos-ucheb.narod.ru/dialektika/Engels/401-412.htm>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 21.12.2018).
28. Маркс К. Проект закона о разводе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lugovoу-k.narod.ru/marx/01/08.htm>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 20.12.2016).
29. Сталин И.В. К Международному женскому дню [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hrono.info/libris/stalin/7-8.php>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 29.12.2016)
30. Старуш М. И. К истории «Женского вопроса» в СССР в первые постреволюционные годы // Вестник МГУКИ. 2011. №5. [Электронный ресурс]. Режим доступа:<https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-zhenskogo-voprosa-v-sssr-v-pervye-postrevolyutsionnye-gody>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 27.12.2016).
31. Троцкий Л.Д. Об одном старом вопросе [Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl986.htm> (дата обращения: 20.12.2016).
32. Шабатура Е.А. Образ «новой женщины» в советской культуре 1917-1929 гг.: дис.... канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2006.
33. Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т.4. М.: Издательство политической литературы, 1955. 584 с.
34. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1986. 645 с.
35. Юкина И.И. На пути к марксистскому феминизму. Деятельность Александры Коллонтай // Социология науки и технологий. 2014. №2. [Электронный ресурс]. Режим доступа:<https://cyberleninka.ru/article/n/na-puti-k-marksistskomu-feminizmu-deyatelnost-aleksandry-kollontay>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 09.01.2017).

«WOMEN’S ISSUES» IN THE WORKS OF MARXISTS

The article deals with the evolution of Marxists’ opinions on such aspects of “women’s issues” as family and marriage, political freedom and implementation of women into the social activities.

Keywords: women, women’s issues, USSR, Soviet Union, marxism.

УДК 93.908

Е. Б. Ильина

(научный руководитель – к. и. н., доцент Т. М. Голубкина)

**РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ НА ФАБРИКАХ В СТРУНИНО
И КАРАБАНОВО В 1917 г.**

В статье рассматривается революционное движение в 1917 году на текстильных фабриках Барановых в городах Карабаново и Струнино Александровского уезда. Автор анализирует причины, ход и последствия выступлений рабочих в условиях революции.

Ключевые слова: революция, 1917, Александровский уезд, Струнино, Карабаново, текстильные фабрики.

До 1917 года на фабриках Александровского уезда было относительно спокойно. Обстановка в уезде особенно накалилась в январе 1917 года. Всевозможные трудности давили со всех сторон. Тяжелые годы Первой мировой войны предшествовали Февральской революции. 6 февраля забастовали рабочие ткацкого цеха фабрики А. Баранова в Струнино. Приостановили работу 1689 человек, требуя увеличения заработной платы, выдачи хлеба и сахара по довоенным ценам. На следующий день к забастовщикам присоединились 1152 рабочих прядильного цеха. Администрация пообещала рассмотреть требования не позднее следующего дня, на этом забастовка была завершена [4, с.2]. Об остановке Соколовской фабрике Асафа Баранова в Струнино стало известно по всему Александровскому уезду.

Испугавшись размаха, владимирский губернатор обратился к полицеймейстерам и исправникам губернии с циркуляром по поводу забастовочного движения в губернии, — «Забастовки, — говорилось в циркуляре, — в настоящее тревожное время напряженной нашей войны с коварным о сильным неприятелем, стали явлением почти повсеместным, имеют

весьма упорный характер и как происходящие на фабриках и заводах, работающих на оборону, приносят громадный вред нашему отечеству». Начальникам полиции циркуляром предписывалось «иметь постоянное строгое личное наблюдение за всеми находящимися в пределах вверенных им уездов фабриками и заводами и принять все зависящие от них меры к недопущению подобных нетерпимых явлений» [1, с.34].

14 февраля 1917 года пало самодержавие. 1 марта 1917 года на карабановский телеграф поздно вечером пришло сообщение о падении самодержавия, но ни шествий, ни демонстраций не было. 21 марта состоялось общефабричное собрание рабочих, на котором был избран местный Совет рабочих депутатов из 24 человек [1, с.2]. Власть перешла Совету, директор фабрики И. А. Баранов без согласия Совета не мог распоряжаться предприятием. Иван Александрович, оставшись без дела на своей собственной фабрике, решает покинуть Карабаново и переезжает к сестре Елизавете Александровне в Москву, в собственный дом. Он надеялся переждать там смутное время, но его надеждам не суждено было сбыться... [8, с.128-129].

1917 год Струнино встретило с противоречивыми слухами и с тревожным ожиданием. Весть о падении самодержавия облетела всю фабрику, поселок и ближайшие деревни, в которых жили многие рабочие. Через несколько дней и в поселке власть оказалась в руках рабочих, открытым голосованием люди выбрали свой Совет рабочих депутатов. Полиция была сразу же разоружена, и создана выборная милиция из рабочих. Несколько дней фабрика не работала. На многочисленных народных собраниях были сформированы Советы рабочих депутатов, на ряде предприятий – фабрично-заводские комитеты.

На фабрике сложилась обстановка фактического двоевластия: с одной стороны – Совет, с другой – фабричная администрация, подчинявшаяся правлению «Товарищества Соколовской мануфактуры А. Баранова», находящегося в Москве. Все это время фабрика стояла, не хватало хлопка и топлива. По указу членов правления Журавлева и Фаворского большая часть товаров из складов была вывезена, капитал фабрики переправлен в заграничные банки [5, с.25].

Настроение у рабочих было приподнятое. Вечерами в рабочих казармах и на улицах города группами собирались рабочие и обсуждали события. Некоторые выражали надежду о скором окончании войны.

Март и начало апреля были относительно спокойными, на фабриках создавались ячейки РСДРП, которые устанавливали контроль на производстве, сбыте и снабжении, сокращали рабочий день. На всех фабриках устанавливалось – отмечать 1-е мая по новому стилю.

К июню началось наступление контрреволюции Временного правительства, желавшего расформировать революционно-настроенные воинские части и

вывести их из городов. Трудящиеся, находившиеся под влиянием большевистских партийных организаций, решительно выступили против контрреволюционных мероприятий Временного правительства.

За короткий срок прошла агитация на заводах и фабриках за создание добровольческих отрядов Красной Гвардии. Ядро струнинского отряда составили солдаты и матросы, вернувшиеся с фронта после Февральской революции. В нем насчитывалось более 150 человек. В карабановском отряде состояло 107 человек, вооруженных и обученных военному делу [7, с.2].

В июле 1917 года в Александрове состоялась первая уездная конференция, на которой были представлены 78 делегатов от всех текстильных предприятий уезда. Конференция избрала правление профсоюза, приняла Устав и решение о вхождении в Московский центральный профсоюз на правах районного отделения.

29 августа прошел многолюдный митинг на струнинской фабрике, была принята резолюция, в которой требовалось: «Мы рабочие и работницы, собравшись на митинг...решили настаивать переел Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов взять в свои руки всю власть немедленно, арестовать всех участников контрреволюции и предать их немедленному суду. Требуем решительной политики в борьбе за мир. Требуем немедленно обнародовать переход всей земли народу. Требуем немедленной выдачи оружия Красной Гвардии для борьбы с контрреволюцией...Расформировать и разоружить контрреволюционные части. Разогнать государственную Думу. Закрыть органы буржуазной контрреволюционной печати, конфисковать их типографии.» [1, с.35].

Партийные органы и советы Александровского уезда привлекли на свою революционную сторону массы рабочих, солдат местного гарнизона, создав к середине октября отряды Красной Гвардии.

Октябрьская революция в Струнино прошла довольно легко, к тому времени Совет решал все вопросы. 26 октября в Струнино долетела весть о том, что Временное правительство пало, и вся власть перешла в руки Совета Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным. Но фабрика оставалась в руках фабрикантов, были проблемы с сырьем. Правление до последнего надеялось, что власть Советов не сможет долго управлять страной, но оно заблуждалось. Решением ВСНХ от 28 ноября 1918 года фабрика «Товарищества соколовской мануфактуры А. И. Баранова» была национализирована [5, с.72]. Пущенная в работу в середине октября, в декабре 1918 года фабрика встала. Теперь уже надолго.

22 октября 1917 года власть в Карабанове перешла в руки фабричного Совета, [8, с.93], октябрьская революция прошла тихо и без сопротивления.

Вскоре, как и остальные предприятия губернии, фабрики Барановых были национализированы и переименованы. До 1922 года фабрики практически не работали, не хватало хлопка и топлива, рабочие не получали заработную плату, город Александров с рабочими поселками находился на грани выживания.

Библиографические ссылки

1. Борьба за Октябрьскую революцию во Владимирской губернии (1917- 1918 гг.): Сб. документов. - Владимир, 1957. с.34-35.
2. Козлов Г. Революционные события и активные участники революции в Александровском уезде Владимирской губернии в 1917 году. М., 1961. 315 с.
3. Малов В.С.Александровский купец Асаф Баранов – промышленник и меценат // Материалы Межрегиональной краеведческой конференции (24 апреля 2009г.) – Владимир, 2010. с.359-364
4. Раткин А.Октябрьские зори / А. Раткин // Александровский голос труда. – №15 – 26 января 1977. с. 3-9.
5. Хмелевской П. И. Шаги века: Очерки истории Струнинского хлопчатобумажного комбината – Ярославль; Верхне – Волжское изд-во, 1974. 206 с.
6. Хмелевской П. И. От светелки – к фабрике: к истории основания и развития хлопчатобумажных мануфактур Барановых в Александровском уезде / П.И. Хмелевской // Материалы областной краеведческой конференции (Владимир, 16 мая 1997 г.). Владимир. 1997. с.115-128.
7. Хмелевской П.И. Весенняя заря революции / П. Хмелевской // Александровский голос труда. – №96 – 14 июня 1987. с.2.
8. Худов Ю.Н. Карабаново. Исторический очерк. М.: «Графика», 2000. 200 с.
9. 1917-й год во Владимирской губернии [Текст] : Хроника событий / Н. П. Шаханов. - Владимир : типо-лит. изд-ва "Призыв", 1927. 137 с.

Е. В. Плына

REVOLUTIONARY EVENTS IN THE FACTORIES OF STRUNINO AND KARABANOVO IN 1917

The article deals with the revolutionary movement in 1917 at the Baranovs textile factories in the cities of Karabanovo and Strunino, Aleksandrovsky district. The author analyzes the causes, course and consequences of the workers' speeches in a revolution.

Keywords: revolution, 1917, Alessandrovsky district, Strunino, Karabanovo, textile factories.

В. Р. Метина
(научный руководитель – д. и. н., профессор Е. М. Петровичева)

РОЛЬ ВЛАДИМИРСКОГО ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА О НАРОДНОЙ ТРЕЗВОСТИ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается история Владимирского попечительства о народной трезвости, его структура и функции. Акцентируется внимание на влиянии организации на культурную жизнь губернии. Автор подробно анализирует направления деятельности попечительства – создание чайных, заменяющих собой прежние питейные дома; проведение мероприятий просветительного характера и мероприятий, поднимающих культурный уровень населения.

Ключевые слова: общества трезвости, культура, культурная жизнь.

В конце XIX в., благодаря реформе С.Ю. Витте, в России вводится винная монополия. Суть ее заключается в полном контроле государства над качеством и количеством производимых напитков. Одной из важных целей введения винной монополии было прививание населению культуры потребления спиртных напитков и уменьшение пьянства. Преследуя эту цель, в каждой губернии были созданы организации – попечительства о народной трезвости. На волне этих изменений в 1901 г. происходит важное событие в культурной жизни Владимирской губернии – открывается Владимирское губернское попечительство о народной трезвости. Эта организация включала в себя губернский и уездные комитеты. Деятельность губернского комитета заключалась в руководстве уездными и городским комитетами и рассмотрении отчётов об их деятельности [3, с.184].

Каждое общество трезвости имело свой устав, в котором прописывалась его основная цель – противодействие чрезмерному потреблению алкогольных напитков, средства для достижения обозначенной цели, оговаривался состав организации и финансирование [4, с.13].

В отчетах попечительства есть отдельное приложение, посвященное кадровому составу. Членами обществ могли быть как мужчины, так и женщины любого сословия. Однако следует отметить, что в члены обществ не принимались несовершеннолетние, учащиеся учебных заведений, военные, владельцы винокуренных, водочных и пивоваренных заводов, а также лица, занимавшиеся

«раздробительной» продажей спиртных напитков самостоятельно или по найму, состоявшие под опекой за расточительность и под надзором сельских обществ.

Среди членов обществ трезвости выделяли действительных, почетных, учредителей и соревнователей. Основным критерием для деления на такие категории выступал членский взнос.

К действительным членам относили людей, которые платили ежегодный взнос, к почетным членам причисляли после оказания услуги обществу, в виде значительного пожертвования или личной помощи. Члены-соревнователи также, как и действительные члены общества платили определенную сумму в его копилку, но меньшую по сравнению с действительными. Учредители после подписания устава приобретали статус действительных участников общества и наделялись их правами и обязанностями.

Вступление в организацию было добровольным, но необходима была рекомендация действующих членов общества и утверждение советом. К участникам общества трезвости выдвигались определенные правила поведения, согласно которым они должны являться образцом трезвеннического образа жизни. За нарушение данных правил следует исключение из общества навсегда.

К функциям трезвеннических организаций относились контроль над грамотностью ведения реализации алкогольной продукции, ведение пропаганды трезвого образа жизни путем разнообразия досуга жителей через привлечение их к мероприятиям, проводимым обществами трезвости, а именно: организация театральных представлений и народных чтений, открытие чайных, чайных-столовых, библиотек и книжных складов, а также проведение праздников [3, с.185].

Владимирское губернское попечительство о народной трезвости вело плотную работу с уездными комитетами, о чем свидетельствует обилие ходатайств, поступающих в Губернский комитет.

Остановимся подробнее на культурных мероприятиях, проводимыми обществами трезвости. Их условно можно подразделить на три главные группы: организации, заменяющие собой прежние питейные дома; организации просветительного характера и организации, поднимающие культурный уровень населения.

Как сказано в отчетах для самого попечительства первоначально было создание в уездах организаций первого типа, организационный комитет: «признал делом первой очереди создание чайных и столовых, т.к. они отвечают существенной потребности населения – иметь вместо прежних трактиров места, где можно было бы утолить жажду и голод, собраться в свободное время для разумного и приятного препровождения времени, отдохнуть и т.д., притом же,

поев и выпив чаю, крестьянин скорее не поддастся соблазну напитаться пьяным» [6, с.4].

Наверное, одним из самых распространенных видов деятельности обществ трезвости на территории Владимирской губернии было создание чайных, которые выступали в качестве альтернативы питейным заведениям. Например, в 1902 году Ковровский уездный комитет попечительства о народной трезвости открывает в городе чайную, в которой имеется достаточное количество периодических изданий и музыкальные инструменты. В отчете за 1905 год сказано, что чайная в городе Коврове не только покрывает расходы на свое содержание, но и приносит прибыль. Для развлечения посетителей в чайной имелся музыкальный инструмент «Фортуна» и шашки, а так же, как и в прошлые годы, выписывались газеты и журналы [8, с.30]. В 1907 году обществом трезвости стали распространяться по домам бесплатные брошюры о вреде алкоголя. Чайная в городе все также продолжала приносить прибыль, и для развлечения населения было приобретено 2 граммофона.

Относительно предприятий второй группы, главная сложность состояла в том, что у комитетов нет значительных средств на открытие большого количества самостоятельных библиотек и читален. Владимирское попечительство предложило комитетам ходатайствовать перед земствами и городами о пополнении уже существующих земских и других библиотек, читален, книжных складов книгами, журналами и картинами, направленными против пьянства.

Наиболее распространенным местом открытия библиотек были читальни при чайных. Такая особенность была связана с тем, что финансирования не хватало на организацию специализированных помещений под данный вид деятельности.

Попечительствами о народной трезвости во Владимирской губернии создавались книжные склады, где можно было недорого купить книги. Для складов, находившихся в ведении попечительств, с 5 мая 1903 г. вступили правила, которые были утверждены министром финансов по соглашению с министерством внутренних дел [2, с.25]. Согласно эти правилам книжные склады можно было организовать только с разрешения губернатора или градоначальника.

Самым распространенным видом деятельности попечительства были народные чтения, для проведения которых была разработана программа, состоящая из нескольких разделов. Цель создания программы заключалась в том, чтобы не только предложить жителям новый вариант досуга, но и обогатить их в культурном, духовном и нравственном плане.

Из предприятий третьей группы стоит обратить внимание на открытие и поддержание в уездах народных хоров. По этому пункту Владимирским Попечительством также разработаны рекомендации для уездных комитетов: «С целью поощрения уездные комитеты могут приобретать на свой счет детям, участвующим в хоре, одинаковые для всех приличные костюмы, в которых дети могли бы явиться для пения в церковь или на народные чтения, или делать от времени до времени детям, а также взрослым какие-нибудь полезные подарки (например, ноты) и устраивать подходящие развлечения. Эти хоры не должны считаться церковными, хотя на обучение их церковному пению должно быть обращено преимущественное внимание» [6, с.6].

В жизни губернского центра одним из важных мероприятий, организованных попечительством о народной трезвости, стало открытие Народного дома в 1905 г. Постройка здания обошлась в 50 000 рублей [5, с.8]. Следует отметить, что активность в Народном доме началась сразу же после его открытия, о чем свидетельствуют заметки в периодической печати: «Население вполне оценило это значение дома и уже широко им пользуется в минуты досуга, тем более, что в столовой при доме отпускаются дешевые, сравнительно, и вполне доброкачественные обеды и чай, а с 27 января положено начало и театральным представлениям» [1, с.6]. Чуть менее, чем за месяц на сцене Народного дома было проведено 15 спектаклей, а также музыкально-вокальный вечер и оперный спектакль. Особенность всех организованных мероприятий состояла в пропаганде трезвеннического образа жизни, т.е. отсутствие любого алкоголя.

Значительной проблемой в работе попечительства, по словам самих членов общества, можно отметить недостаточное финансирование со стороны государства.

В отчете о деятельности Владимирского попечительства о народной трезвости за 1902 г. можно увидеть следующее замечание «Вступившее во второй год своего существования Владимирское попечительство о народной трезвости продолжало развивать свою деятельность, встречая среди населения большое сочувствие. В виду ограниченности отпущенных попечительству казной сумм, последнее в отчетном году имело возможность осуществить лишь намеченный им план действий, т.е. открывать на первое время чайные со столовыми и устраивать народные чтения, которые посещаются населением весьма охотно» [6, с.15].

По данным на 1902 г. наиболее живое участие в деятельности Попечительства оказали Комитеты: Владимирский, Ковровский, Меленковский, Переславльский, Суздальский, Шуйский и Юрьевский. Нельзя не отметить также плодотворной деятельности и Александровского, Судогодского и Муромского

Комитетов, при чем последним для целей попечительства приобретен в собственность каменный трехэтажный дом, в котором после ремонта, планировалось разместить чайную-столовую, библиотеку-читальню и аудиторию для народных чтений. Вязниковский, Гороховецкий и Покровский комитеты еще недавно начали свою деятельность, и местное население не успело еще с ними познакомиться.

При открытии Иваново-Вознесенского городского комитета и особого Ореховского отдела Покровского уездного комитета Владимирским попечительством задумывалось привлечь к деятельности местных фабрикантов, но, к сожалению, в г. Иваново-Вознесенск предположения не оправдались и в виду недостаточных пожертвований от местного населения, дела этого комитета находились в застое [6, с.16], на чем Владимирское попечительство и акцентировало свое внимание во время заседаний.

Что же касается особого Ореховского отдела, то здесь идея попечительства о привлечении работодателей имела свои плоды. Известно, что местные фабриканты Морозовы, с целью отвлечения фабричных рабочих от злоупотребления спиртными напитками, еще до открытия комитета, устроили в 1896 г. для народных гуляний сад со сценой, на которые ими было затрачено до 78 530 руб. [6, с.16] Кроме того, были открыты вечерние занятия для взрослых рабочих с библиотекой-читальней, состоящей из 14 000 томов, зимний каток и хор.

Владимирским попечительством оказывалась поддержка и небольшим обществам трезвости. На их нужды были выделены пособия.

По данным на 1903 г. общее количество членов уездных комитетов Владимирского Попечительства о народной трезвости, участвующих в заседаниях, составило 172 человека [7, с.128].

В тот же период в Губернии осуществляли свою деятельность 45 чайных, которые посетило почти два миллиона человек, библиотек-читален существовало всего 16, а число посетивших их жителей равнялось 57 794.

Народные чтения прошли в 12 городах и 33 населенных пунктах, всего Попечительством было проведено около 100 000 народных чтений, однако, посвященных именно вреде алкоголя всего 13 200. В качестве лекторов выступали учителя, лица духовного звания и пр. Народные чтения иногда сопровождалась музыкой и танцами. Количество театральных представлений также было внушительным – более 13 000 мероприятий.

Проанализировав деятельность Владимирского губернского попечительства о народной трезвости, можно выделить самые основные направления:

- организация чайных-столовых;
- образование библиотек-читален;

- создание книжных складов;
- проведение театральных представлений;
- формирование народных хоров;
- учреждение народных чтений.

По результатам отчетов самыми массово проводимыми были народные чтения, пик которых пришелся на 1905 г. [см. график 2] Однако, начиная с октября 1905 г.: «Вследствие возбужденного настроения простого народа против всяких собраний в общественных местах» [8, с.19], проведение любых организованных собраний было прекращено, что связано с сильным социальным напряжением в государстве в период Первой русской революции. Самыми тяжело организуемыми видами деятельности было формирование народных хоров: за все годы существования попечительства их число не переходило за 4 мероприятия в год. Относительно всех остальных видов деятельности, организуемых попечительством, наибольшее распространение получили чайные и библиотеки. Их количество варьировалось от 30 до 60 в самые активные годы.

Как и любое культурное явление, деятельность попечительства о народной трезвости переживало свой спад и подъем. Пиком активности организации можно считать 1905-1907 гг. [см. график 1], после этого времени начинается постепенное снижение активности и в дальнейшем полная ликвидация организации.

Подводя итог, можно сказать, что Владимирское губернское попечительство о народной трезвости на протяжении своего существования с 1901 по 1917 гг. вело очень активную деятельность. Наряду с Владимирским земством [15, с.230-233; 16. с.78-81], оно организовывало различные просветительские и культурные мероприятия, такие как читальни, библиотеки при чайных, книжные склады, народные хоры, народные чтения и гуляния, театральные представления, главной целью которых было отвлечение населения губернии от проблемы пьянства через разнообразие их культурного досуга. Важно отметить, что несмотря на недостаточное финансирование со стороны государства, попечительство старалось привлекать дополнительные средства со стороны, обращаясь за помощью к частным фабрикантам и другим общественным организациям, преследующим схожие цели.

Библиографические ссылки

1. В Народном доме // Владимирские губернские ведомости № 10 от 4 марта 1905 г. С.5-8
2. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 306. Оп. 1. Д.22.

3. Мягтина, Н.В. Просветительская деятельность владимирского губернского попечительства о народной трезвости (1901 – 1917 гг.) // Церковь, государство и общество в истории России и православных стран: религия, наука и образование / Материалы V Международной научной конференции, посвященной памяти православных просветителей святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, ВлГУ. Владимир., 2013 г. с.179-184
4. Общества трезвости: их цель и деятельность – Владимир: Типо-литография Губернской Земской Управы, 1900. 20 с.
5. Открытие Народного дома в г. Владимир // Владимирские губернские ведомости № 7 от 21 января 1905 г. с.8
6. Отчет о деятельности Владимирского попечительства о народной трезвости за 1902 г. – Владимир: Типо-литография Губернского Правления, 1903. 174 с.
7. Отчет о деятельности Владимирского попечительства о народной трезвости за 1903 г. – Владимир: Типо-литография Губернского Правления, 1904. 160 с.
8. Отчет о деятельности Владимирского попечительства о народной трезвости за 1905 г. – Владимир: Типо-литография Губернского Правления, 1907. 128 с.
9. Отчет о деятельности Владимирского попечительства о народной трезвости за 1907 г. – Владимир: Типо-литография Губернского Правления, 1908. 88 с.
10. Отчет о деятельности Владимирского попечительства о народной трезвости за 1909 г. – Владимир: Типо-литография Губернского Правления, 1910. 152 с.
11. Отчет о деятельности Владимирского попечительства о народной трезвости за 1911 г. – Владимир: Типо-литография Губернского Правления, 1912. 162 с.
12. Отчет о деятельности Владимирского попечительства о народной трезвости за 1913 г. – Владимир: Типо-литография Губернского Правления, 1914. 110 с.
13. Отчет о деятельности Владимирского попечительства о народной трезвости за 1914 г. – Владимир: Типо-литография Губернского Правления, 1915. 132 с.
14. Устав общества трезвости при благотворительных заведениях Владимирского губернского земства – Владимир: Типо-литография Губернской Земской Управы, 1900. 12 с.
15. Петровичева Е.М. Земское самоуправление Центральной России в 1906-1918 гг.: эволюция на последних этапах деятельности. Дис.... докт. ист. наук. М., 2003. 353 с.
16. Петровичева Е.М. Земская помощь семьям фронтовиков в деревне Центральной России в годы Первой мировой войны // Государственная власть и крестьянство в XIX - начале XXI века. Коломна, 2018. с.78-81.

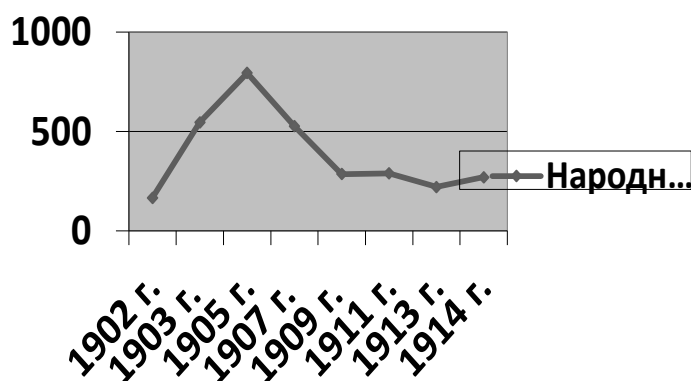

График 1. Анализ деятельности Владимирского губернского попечительства о народной трезвости (на основании годовых отчетов о деятельности)

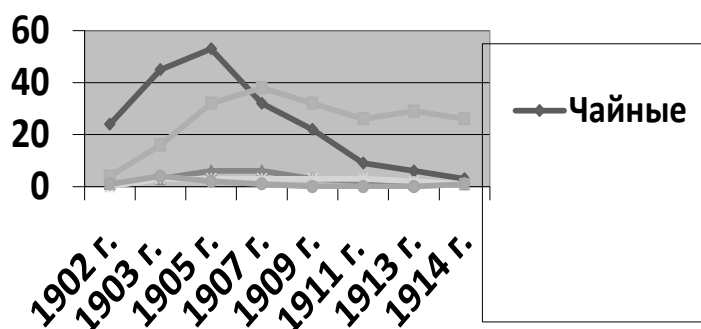

График 2. Анализ деятельности Владимирского губернского попечительства о народной трезвости (на основании годовых отчетов о деятельности)

V. R. Metina

THE ROLE OF VLADIMIR'S GUARDIANSHIP OF PEOPLE'S SOBRIETY IN THE CULTURAL LIFE OF VLADIMIR PROVINCE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article deals with the history of the Vladimir guardianship of national sobriety, its structure and functions. The attention is focused on the influence of the organization on the cultural life of the province. The author analyzes in detail the activities of guardianship – the creation of tea houses, replacing the former pubs; conducting educational events and events raising the cultural level of the population.

Keywords: sobriety society, culture, cultural life.

А. Н. Митрофанова
(научный руководитель – д. и. н., профессор **Е. М. Петровичева**)

ПРОБЛЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В представленной статье исследовано содействие Владимирского губернского и уездных земств развитию народного образования и участие органов местного самоуправления, различных благотворительных обществ в организации общественного призрения в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Народное образование, общественное призрение, губернское и уездные земства, благотворительные общества, Первая мировая война

Первая мировая война и революция 1917 года оказали сильнейшее влияние на российскую систему образования. К началу войны были достигнуты определенные, притом весьма значительные успехи в развитии образования. Реформирующаяся страна испытывала острую потребность в образованных кадрах, и правительство, особенно в период, когда премьер-министром был П.А. Столыпин, уделяло самое серьезное внимание его развитию и, прежде всего, введению всеобщего начального обучения. С 1906 по 1914 гг. правительственные ассигнования на начальное обучение в стране увеличились более, чем в семь раз. Большая часть этих сумм поступила в земства. При этом земское ассигнование в центральных губерниях в 1914 г. составляло около 30% их бюджетов, что превышало даже расходы на медицинское обслуживание населения [5, с.151-157]. Совместные усилия правительства и органов местного самоуправления внушали надежды на то, что программа введения всеобщего начального обучения будет завершена в 1920-е годы.

Ситуацию изменила начавшаяся первая мировая война и последовавшая затем революция 1917 г. Земские ассигнования существенно сократились, и ввод новых школ замедлился. В этих условиях Владимирское губернское земское собрание обсуждало вопрос об увеличении безвозвратного пособия на постройку школ. В предыдущие годы пособие губернскими земствами отпускалось на постройку школ в таких размерах: на однокомплектную школу - 1500 р., двухкомплектную - 2500 р., трехкомплектную - 3500 р. В таких же

размерах отпускались пособия на постройку школ и от министерства народного просвещения. Владимирский губернатор передал ходатайство губернского земства в Департамент народного просвещения, но получил отказ, и вопрос остался открытым.

Недостаточное финансирование приводило к тому, что увеличивались задолженности у школ, они с трудом приобретали все необходимое оборудование. В некоторых из них из-за того, что парты, столы и стулья пришли в полную негодность, а средств для возобновления инвентаря не поступало, детям приходилось заниматься стоя. При таком положении дела в школах все чаще приходилось прерывать занятия, а учителя нередко вынуждены были тратить часть своей заработной платы на поддержание школьного хозяйства.

Не только в районах боевых действий, а также в губерниях, далеко отстоящих от них, как во Владимирской, учебный процесс в образовательных учреждениях нередко прерывался или начинался с большим опозданием. Многие школы были переоборудованы под госпитали или использовались в иных военных целях. Также в учебных заведениях остро стоял кадровый вопрос, поскольку учителя уходили на фронт.

Ученики же вместо занятий вынуждены были заниматься хозяйственными работами. Весной 1917 года в губернскую земскую управу поступило ходатайство Комитета организации трудовой помощи: «Во Владимирском уезде в 1915 и 1916 годах при уборке урожая оказывалась помощь семействам призванных в ряды армии трудовыми дружинами учащихся местных средних и низших учебных заведений. Помощь, оказанная деревне этими дружинами, была довольно значительна и, как известно Комитету организации трудовой помощи, население таких местностей, где работали дружины, относилось к их работе весьма сочувственно. Средства организации состояли из сумм, отпускаемых Владимирским уездным земством и доходов от устраиваемых лотерей, спектаклей и проч. Средств, которыми располагала организация, оказалось достаточным в 1915 году, в 1916 году многое из намеченного плана не было выполнено. В текущем году по причине все более и более возрастающей нужды в продуктах питания комитет организации предполагает устроить ученические огороды, что также потребует для оборудования значительных средств. Доводя все вышеизложенное до сведения губернской земской управы, комитет организации трудовой помощи имеет честь покорнейше просить, не признает ли губернская управа возможным прийти на помощь организации и исходатайствовать у очередного земского собрания пособие на развитие деятельности организации в сумме до 1000 рублей» [1, оп. 1, д. 92, л. 19].

Пособие испрашивалось исключительно на организацию трудовой помощи семействам призванных в армию лиц [7, с.78-81].

На очередном губернском земском собрании 1917 года обсуждалось ходатайство, поступившее на имя председателя губернской управы от особого совещания по устройству Георгиевских стипендий: "Георгиевским комитетом образовано особое совещание, имеющее целью устройство в учебных заведениях военного и гражданского ведомств стипендий. Это совещание, проникнутое глубокой верой в сочувственное отношение русского народа к устройению судьбы семейств героев, доблестно отстаивающих честь и достоинство России от посягательств дерзкого врага, имеет честь просить вас, милостивый государь, о предоставлении детям и сиротам Георгиевских кавалеров, имеющих в ведение вверенной вам губернской земской управы в различных учебных заведениях и приютах бесплатных вакансий и стипендий, а также не признается ли возможным образовать новые Георгиевские стипендии имени Владимирской губернской земской управы в учебных заведениях и приютах по усмотрению Владимирского губернского земского собрания, со специальным назначением для детей и сирот Георгиевских кавалер» [2, оп. 2, д. 65, л. 12]. Но выделить средства на эти стипендии Владимирское земство не смогло в связи с нехваткой финансов [6].

На этом же собрании был поставлен еще один важный вопрос - об устройстве ночлежных приютов для учащихся при низших начальных училищах. Приюты должны были устраиваться при тех школах, к которым были причислены селения, находившиеся в трех верстах от нее, при чем количество детей, постоянно нуждавшихся в ночном приюте, должно было составлять не менее 10. Приюты должны были устраиваться на совместные средства губернского и уездных земств и казны. В тех местностях, где наблюдалась лишь «временная надобность в ночлежном помещении», устройство приютов признавалось не желательным, а детей предлагалось временно размещать в школьных помещениях. Было решено начать постройку ночлежных домов в четырех уездах: Ковровском, Судогодском, Переславском, Суздальском.

В период первой мировой войны и революции во Владимирской губернии действовали несколько обществ, целью которых было улучшение положения учащихся и призрение детей павших воинов.

Общество устройства земледельческих приютов для призрения детей увечных и павших воинов Владимирской губернии было учреждено 5 апреля 1916 года. Приюты создавались для призрения, трудового воспитания и обучения, в условиях обычного уклада жизни местного населения, детей обоего пола в возрасте от 8 до 17 лет без различия их исповедания, народности и

состояния. При приеме в приюты круглые сироты крестьянского сословия имели преимущество перед другими детьми [3, оп. 2, д. 69]. Число проживавших детей ограничено не было, но зависело от средств общества и размеров помещения. Дети, в соответствии со своим возрастом, обучались в приютах сельскому хозяйству, грамоте, рукоделию, ремеслам и кустарным промыслам в пределах средств общества. При недостатке средств дети могли посылаться для обучения в другие школы, ремесленные и технические училища и заведения. Кроме этого, для воспитания в детях любви к труду, ими исполнялась вся домашняя работа по приюту. Воспитанники участвовали в посильных для них полевых работах. Также обучающиеся ремеслам и кустарным производствам выполняли под руководством инструкторов принимаемые приютами заказы учреждений и частных лиц. По достижении учениками 14-летнего возраста могло быть назначено денежное вознаграждение за работы частных заказов по особой расценке, но деньги выдавались им только при выходе из приюта. Общество устройства земледельческих приютов для призрения детей увечных и павших воинов состояло в ведении Министерства Внутренних Дел, а открываемые им приюты состояли в ведении Министерства Земледелия.

Важную роль во Владимирской губернии играло Общество детской помощи и детских развлечений. Его деятельность была направлена на помощь бедным детям города Владимира, и задачи его состояли в том, чтобы снабдить их обувью и одеждой, дать теплый кров сиротам и беспризорным путем определения их в приюты или к благонадежным людям; «дать детям возможность зимою и летом проводить несколько часов на воздухе, на катке и детской площадке»; помочь слабым ученикам, не имеющим средств, нанять репетитора для подготовки уроков; предоставить детям умело подобранную полезную книгу; знакомить детей с литературными произведениями на общественных чтениях [4, оп. 1, д. 88, л. 26].

Как свидетельствуют источники, благотворительным отделом общества были устроены два детских утренника: на Пасху и на Рождество. Детям были показаны «картины синематографа», по окончании которых были устроены танцы под музыку, пение, а затем детям были розданы лакомства.

Благотворительные общества имели в годы войны огромное значение, ведь многие дети лишились родителей, в некоторых семьях не было средств даже на еду. Благодаря деятельности таких обществ многие дети получили возможность учиться в школах, ходить в библиотеки, бесплатно обедать, с пользой проводить свой досуг.

Библиографические ссылки

1. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 620.
2. ГАВО. Ф. 735.
3. ГАВО. Ф. 779.
4. ГАВО. Ф. 906.
5. Петровичева Е.М. Земства Центральной России в период думской монархии (1906 – первая половина 1914 гг.). М., 2001. С.151-157.
6. Петровичева Е.М. (в соавт.) Из истории деятельности Владимирского уездного земства в 1917 году // Всероссийская научно-практическая конференция IX «Борисовские чтения». Шуя, 2018. с.45-56.
7. Петровичева Е.М. Земская помощь семьям фронтовиков в деревне Центральной России в годы Первой мировой войны // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века. Сборник статей. Коломна, 2018. с.78-81.

A. N. Mitrofanova

PROBLEMS OF NATIONAL EDUCATION AND PUBLIC CHARITY IN THE VLADIMIR PROVINCE DURING THE FIRST WORLD WAR

At the present article, the assistance of the Vladimir provincial and district zemstvos to the development of public education and the participation of local governments in the organization of various forms of public charity during the First World War are investigated.

Keywords: Public education, public charity, provincial and district zemstvos, the First World War.

УДК 94(470)

М. А. Облицов

(научный руководитель – д. и. н., профессор В. В. Канищев)

ОСОБЕННОСТИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917 – 1918 гг.

В рамках статьи был проведен анализ революционных событий в Тамбовской губернии и их отпечаток на ее социальном, политическом и экономическом облике в последующие годы. В центре внимания автора находится отражение трансформаций провинции в разных сферах жизни во время революции 1917-1918 гг. Особый акцент был сделан на освещении

социально-экономических и политических особенностей центрально-черноземного региона, которые нашли отражение в политике большевиков и складывании дальнейшей революционной динамики губернии.

Ключевые слова: революция, революционный процесс, эсеры, центрально-черноземный регион, экономика, вариативность, провинция, погром, партия.

Революция 1917 года оставила значительный след на дальнейшем историческом процессе России и до настоящего времени по-прежнему является дискуссионной темой и предметом споров среди историков и других исследователей-обществоведов. Рассматривая проблемы революции, не стоит забывать и о событиях 1917-1918 гг. в центре и провинции, поскольку мы далеко не всегда можем говорить о единстве революционного процесса в России.

Основная цель данной работы - показать разнообразия революционного процесса в российской провинции, в частности в Тамбовской губернии, где затянувшееся установление власти Советов определялось рядом экономических, социальных и политических особенностей.

Политическая ситуация в Тамбовской губернии

Одной из главных особенностей Тамбовской губернии являлось преобладание эсеров над другими политическими силами в первые годы XX века. Необходимо отметить, что партия эсеров выражала и отстаивала интересы, прежде всего, крестьянской части населения. Это и определило значительную поддержку данной политической организации в Тамбовской губернии, где в сельской местности проживало свыше 91,3 % населения [9, с.15]. «В 1916 году на 3 миллиона душ крестьянского населения, городского населения насчитывалось только 200 тысяч, частных владельцев – 70 тысяч, и промышленных рабочих всего только 2-3 десятка тысяч» [14].

Авторитет эсеры получили, прежде всего, благодаря своей программе социализации земли, что особенно привлекало основную часть населения губернии. Сформировавшаяся на основе неонароднических групп партия принимала активнейшее участие и в революции 1905-1907 гг., и в событиях 1917-1918 гг. Фактически, Тамбовщина стала одной из опорных баз влияния эсеров на момент революции. Н.В. Колыханов отмечал: «Смена политической ситуации после Февральской революции, а затем и вхождение эсеров (В.М. Чернов, Н.Д. Авксентьев) в состав Временного правительства дали им шанс практически приступить к подготовке социализации земли» [6, с.27]. Это важное замечание, поскольку крестьяне губернии активно выступали за

уравнительное землепользование. К слову, большевики позже заимствовали идеи программы эсеров по уравнительному землепользованию с целью привлечь на свою сторону крестьянские массы. Стоит также обратить внимание на то, что в этот период эсеры начинают доминировать в аппарате губернского комиссара Временного правительства, а также начинают активно занимать посты уездных комиссаров.

Помимо ПСР, в Тамбовской губернии накануне 1917 г. действовали и другие политические силы, такие как трудовая народно-социалистическая партия, всероссийский союз сельских и городских собственников, партия народной свободы, российская социал-демократическая рабочая партия и другие организации, имевшие меньшее влияние на провинцию. Однако, по нашему мнению, наиболее важным представляется акцент на взаимоотношении большевиков и эсеров как двух соперничавших политических сил.

Нельзя не упомянуть тот факт, что РСДРП(б) была самой молодой политической партией на территории Тамбовской губернии. И даже если отбросить малочисленность сторонников большевиков на Тамбовщине накануне 1917 года, то и в период революции их влияние можно было заметить, в основном, только среди солдат [6]. Однако, как отмечают В. Андреев и С. Кулаев: «Главную массу сочувствующих большевикам составляли солдаты. Но эта была крестьянская очень текучая армия и к тому же настроенная больше на прекращение войны, на демобилизацию, чем на решительную борьбу за власть советов» [1, с.28].

Также стоит отметить, что большевикам губернии на начальном периоде революционных событий особенно не хватало поддержки в рабочей среде, которая все еще была настроена по-меньшевистски. Большевистским силам Тамбовщины приходилось поддерживать контакты и вести сотрудничество с другими социалистическими организациями, чтобы выжить в бурной политической среде и накопить достаточно сил для захвата власти, которых у нее изначально не было. Это объясняется неопределенностью ситуации в Петрограде, где большевистское руководство первоначально медлило с принятием политических решений. Тамбовские большевики стремились опираться на помощь революционных организаций Петербурга, Москвы, Саратова и Воронежа, поскольку не имели своих сил в губернии для решения стратегически важных партийных задач. Для оказания помощи партийным организациям и Советам на местах Военно-революционный комитет направил из Петрограда своих представителей, в ходе чего в Тамбовскую губернию прибыло 18 человек. Однако, в это время расстановка политических сил была явно не в пользу большевиков: по результатам выборов в Учредительное собрание, которые проходили в ноябре 1917 года, 70% голосов избирателей

получили эсеры. 13 депутатских мандатов из 16 от нашей губернии также получили эсеры. Большевики же, в свою очередь, получили только 3 мандата. В деятельности партийных групп губернии сказывались трудности, связанные с заметным ростом их рядов при отсутствии сплоченного большевистского ядра.

В советской историко-партийной литературе существовало мнение, что эсеры и меньшевики остались у руководства губернией накануне революции из-за наличия большой прослойки мелкобуржуазного населения и доверчиво-бессознательным отношением масс к политике партий [9, с.44]. С этим можно согласиться лишь частично. Историки КПСС вообще не признавали того факта, что у руководства губернией весной-летом 1917 г. находились не социалистические, а либеральные деятели кадетского, октябристского и народно-социалистического толка, а эсеры были только их союзниками. Но главное, что не учитывали такие историки, состояло в самостоятельности от партий, во многом стихийного крестьянского движения, далекого от конкретной поддержки определенных партий. Политическая активность населения проявлялась только в периоды выборов, особенно в Учредительное собрание, а также последующих волнений из-за экономической политики большевиков в губернии.

Противоречия между эсерами и большевиками в Тамбовской губернии нашли своё отражение в хронике революционных событий 1917-1918 гг., где упоминается, что «В Тамбове губернским комитетом партии с.-р. выпущено воззвание — «Ко всем гражданам», с резким выпадом против партии большевиков. По этому поводу на общем собрании Совета большевики энергично и бурно требовали от с.-р. объяснения. Большевик Балакин свою речь закончил: «Мы не будем критиковать своих политических врагов, товарищи сами оценили их и сознают некорректность выпада. Хотя нас стараются позорить, но мы всегда стояли, стоим и будем стоять за народ и с народом. В ответ на выпад — мы призываем склониться под знаменем большевиков. Это удвоит наши силы». В ответ раздаются бурные рукоплескания и крики: «браво». В защиту воззвания выступает представитель партии с.-р. Речь его прерывалась шумом и криками большевиков: «Долой», «Это провокация». Под шум и крики оратору пришлось сойти с трибуны» [15, с.33].

О конфронтации между двумя ведущими политическими партиями губернии в этот период также упоминает историк Ю. В. Мещеряков, отмечая обвинения эсеров в сторону большевиков: «Предвыборная борьба проходила достаточно активно, порой скандально. Обвинения большевиков в диктатуре, в потакании погромным действиям и прочих преступлениях слышались из уст их оппонентов и до событий 25 октября, но, когда их предположения самым

наглядным образом подтвердились, обвинения эти стали еще более яростными и беспощадными» [9, с.56].

В ноябре 1917 г. большевики смогли закрепиться в руководстве советов в Козлове, Кирсанове, Усмани и Пригородном поселке (нынешнем Котовске), в декабре 1917 г. – в Липецке, а в январе 1918 г. – в Лебедяни Шацке, Моршанске и Борисоглебске [8]. В целом, октябрьские события 1917 года не были восторженно встречены в Тамбовской губернии и многие политики, и общественные деятели считали действия большевиков авантюрой, не веря в долговечность новой власти.

Чтобы выбить из рабочей среды влияние меньшевиков, большевики губернии стали критиковать работу городской думы и ее бездеятельность по отношению к рабочим. Помимо этого, большевики стали активнее влиять на меньшевиков, привлекая их к своему политическому блоку [9, с.34]. Нерешительность эсеров, их ослабление из-за разделения на правых и левых, давало РСДРП(б) больше влияния на политическую атмосферу губернии.

Но почему при первоначальных благоприятных условиях для эсеровской партии и аграрном мышлении губернии в целом, большевики все же смогли заполучить рычаги власти в губернии? Ответ на этот вопрос стоит искать в действиях эсеров на момент революционных событий, а также в рефлексии крестьянства губернии. Отметим: эсеры не смогли закрепить свое влияние на Тамбовщине, и если говорить о партии в целом, то можно проследить ее неудачные попытки обуздать стихийность крестьян в провинции. Пытаясь занять позицию «третьей силы», ПСР не смогла окончательно удовлетворить крестьянские массы за счет деятельности земельных комитетов и «Постановления №3» (см. далее).

Во многом эсеровская партия уступала решительности и быстрой реакции большевиков на политические события. О решительных мерах большевиков в губернии свидетельствует также тот факт, что в конце ноября делегация заводских рабочих губернии из 3 человек была направлена в Москву к Муралову с просьбой оказания помощи захвата власти во всем Тамбове. Им было выдано 3 пулемета и 600 винтовок [15]. Только в апреле тамбовская организация большевиков получила достаточное количество сторонников для проведения в жизнь декретов советской власти. Организация ПСР же, при всей ее адекватности и трезвости в накаляющейся обстановке, не смогла должным образом защититься от большевиков провинции, чья революционная связь с Петроградом была гораздо сильнее и глубже.

Таким образом, политические процессы в Тамбовской губернии были осложнены конфронтацией ведущих политических сил в период 1917 года, преобладанием правых эсеров и меньшевиков над большевиками, вялой

поддержкой советов со стороны провинциального населения. Это объясняется особенностями экономического, политического и социального положения провинции накануне революции: мощной эсеровской базой, достаточно высоким уровнем хозяйственно-производительных сил, преобладанием экономических требований над политическими, особой психологией крестьянских масс, стихийно устремившихся к разгрому помещичьих имений, а также активно поддерживающих эсеровскую программу «социализации земли».

Социально-экономические процессы Тамбовской губернии в момент революционных событий

Это был типичный аграрный регион, где доля занятых в промышленном производстве накануне войны была не более 2%. Деревня имела собственный взгляд на события февральской революции 1917 года. Сразу после нее крестьяне устремились к присвоению помещичьей земли, что привело к самовольному захвату имений, прежде всего, в Кирсановском и Шацком уездах.

В качестве примера, можно привести события в Кирсановском уезде, где экономические неурядицы, обострение противоречий между крестьянством и помещиками, нарастание рефлексии населения в связи с военным временем, привели к мощному всплеску аграрного движения в мае-апреле 1917 г. [14]. П.П. Щербинин приводит пример того, как крестьяне ощущали революционные события в губернии: для них самым важным были, прежде всего, экономические изменения, поэтому в решениях крестьянских выборных органов преобладали принудительные меры такие как: сдача помещичьей земли в аренду крестьянам, понижение арендных цен, а также обложение помещичьего имущества волостным сбором. В сентябре-октябре в Кирсановском уезде «аграрные волнения» вновь продолжились: начались разгромы помещичьих хозяйств. В губернии наблюдался процесс социального напряжения в деревне. Необходимо отметить процесс нарастания недовольства из-за нерешенности земельного вопроса, усиление антипомещичьих настроений, рост рефлексии и «бунтарского» решения проблем крестьянского населения. Именно в этот период наблюдается ликвидация старых земельных и имущественных отношений в губернии, которые протекали вместе с революционными событиями. «В марте 1917 г. крестьянские волнения прошли в 6 из 12 уездов губернии.» [7, с.71].

«Тамбовская губерния относилась к районам хлебных избытков. В среднем в 1909 – 1913 гг. в губернии отмечался избыток хлебов в пересчете на душу населения: по главным продовольственным хлебам избыток составлял 3,89 пуда на душу, а по кормам 7 пудов» [8, с.314]. Данные экономические

показатели также можно считать одной из особенностей процесса революции в губернии, поскольку в последующем хозяйственный потенциал губернии повлияет на экономическую политику большевиков после событий октября-ноября 1917 года. Связывая особенность революционного процесса губернии с ее хозяйственным положением, можно также предположить, что во многом волнения крестьян объяснялись недостатком рабочей силы во время войны. «По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.: из деревень и сел Тамбовской губернии в армию было призвано 387063 чел., что составляло 47% мужчин трудоспособного возраста. Фактически тамбовская деревня лишилась половины своих тружеников, вследствие чего 137879 крестьянских хозяйств (26,4) остались без работников» [3, с.70]. В подобных тяжелых условиях при отсутствии решения земельного вопроса и роста цен, агрессия крестьянства вполне могла быть перенаправлена на своих бывших «эксплуататоров» и на их имения.

Положение также ухудшалось нежеланием крестьян снабжать городское население губернии хлебом по твердым ценам. С.А. Есиков отмечал: несостоятельность политики властей подтвердило постановление «О разверстке зерновых хлебов, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной [3]. Фактически, подобные процессы, связанные с хозяйственным положением губернии, постепенно вели к продовольственному кризису, который был связан с недостатком продовольствия в губернских городах, что, несомненно, отразилось и на событиях 1917-1918 гг. Но с постепенным приходом в губернии власти большевиков рефлексия крестьян не исчезла, а продолжала развиваться. В какой-то степени она продолжала быть стихийной, но с увеличением экономических трудностей волнения, которые в советское время называли «контрреволюционными» обращались в сторону власти.

Осенью 1917 года на Тамбовщине, в целом, наблюдается процесс самовольного захвата крупных хозяйств, заканчивавшийся воровством имущества, крупными погромами и выступлениями. «За лето 1917 г. В губернии прошло 358 погромов, из них 144 в июне. 23 августа разгром имения Лотарево (Усманский уезд) князя Б. Л. Вяземского закончился жестоким самосудом толпы крестьян и солдат над землевладельцами» [7, с.73]. Подобного рода процессы происходили в условиях уже принятой эсерами резолюции по решению аграрного вопроса, которая была передана на рассмотрение Учредительному собранию. Также в это время ПСР пыталась донести на сельских сходках свою основную мысль: погром имений и насильственный передел земли несет за собой только вред [7].

9 сентября 1917 года активизировались крестьянские погромы в Козловском уезде. В этот период было сожжено или разгромлено 57

помещичьих имений и 13 хуторов зажиточных крестьян, а за сентябрь-октябрь число разгромленных имений доходило уже до 125. Во многом подобного рода процессы были тесно связаны с нерешенным земельным вопросом. Это и стало одной из причин относительно самостоятельной политической деятельности эсеров в Тамбовской губернии. Доказательством может служить самостоятельность действий эсеров вопреки действиям в Петрограде и центре партии. Пытаясь предотвратить стихийность крестьянских движений в губернии и направить их в организованное русло, эсеры в сентябре приняли «Распоряжения №3» Тамбовского губернского земельного комитета. Суть постановления заключалась в учете и последующем контроле со стороны земельных и продовольственных комитетов всех частновладельческих имений со всеми угодьями. Это вызвало бурю негодования со стороны помещиков губернии, однако «Распоряжение №3» получило возможность для реализации. Подобные действия стабилизировали обстановку в деревне и существенно снизила волну погромов. Более того, эсеры губернии решились на досрочное принятие данного документа несмотря на то, что это противоречило практической линии ЦК ПСР и указаниям Временного правительства [7]. Несмотря на критику постановления №3 со стороны большевиков, этот документ действительно был создан с целью направить крестьянское движения в организованное русло и предотвратить стихийность погромов в губернии. И хотя действия тамбовских эсеров представляли собой единственно возможные шаги для сохранения хозяйственного потенциала губернии, постепенно происходило размежевание партии, ее кризис и дальнейшее ослабление. Кроме того, «Распоряжение №3» отражает существенный кризис партии и не могло полностью предотвратить стихийность крестьянских погромов.

Также необходимо учитывать значительное количество бедняцкого населения на территории губернии. Как отмечал П.Н. Черменский: динамическое обследование 1917 г. дало 53,9% бедняцких хозяйств в Тамбовской губернии с посеваем до 4 дес. [11]. Он писал: «Весь заработок бедняка, натуральный и денежный 438 руб. 33 коп., из которых семья потребляет 406 руб. 78 коп. и чистый остаток составляет 31 руб. 55 коп. ... Сельское хозяйство не в силах прокормить бедняка, почему он и вынужден применять свою рабочую силу вне своего хозяйства» [12, с.81].

Тяжелым было положение и рабочих Тамбовской губернии: еще накануне первой мировой войны десятки тысяч крестьян устремлялись в города губернии с целью прокормить себя и семью. Это позволяло крупным предпринимателям сохранять низкий уровень заработной платы по причине избытка и постоянного пополнения рабочей силы. В 1917 году промышленное производство упало на четверть по сравнению с 1916 годом, что еще более осложнило промышленный

потенциал провинции. Фактически, «аграрное мышление» региона и отсутствие сформировавшейся «классовой сознательности» рабочих являлось одной из основных причин отсутствия существенной поддержки большевиков в Тамбовской губернии. Накануне Февральской революции произошла активизация трудящихся, которой все же не оказалось достаточной для укрепления позиций большевиков в губернии. В январе 1917 г. происходила двухнедельная забастовка бондарских ткачей, добившихся десятипроцентной прибавки к зарплате. В это же время происходили забастовки среди рабочих усманской и моршанской табачных фабрик, а также стачки борисоглебских железнодорожников.

Первая мировая война существенно повлияла на социальные слои: как отмечает В. Н. Шевченко: «Массовое сознание как в городе, так и в деревне было приучено за годы первой мировой войны и разложением 1917 г. ко всему – к грабежам, к крови, к убийствам...» [13, с.26]. С этим утверждением можно согласиться, проанализировав стихийные волнения в Тамбовской губернии. В утверждениях автора можно проследить мысль и о том, что гражданская война начинается снизу, а не сверху. С этим нельзя не согласиться, поскольку нарастание агрессии со стороны крестьянства губернии, которая была направлена на советы, можно заметить уже в период гражданской войны и ее завершающейся фазе (тамбовское восстание 1920-1921 гг.). По нашему мнению, это было вызвано по причине, последующего после Октябрьской революции, политического и экономического принуждения крестьянства, нарастающим хозяйственным кризисом и сломом естественного революционного процесса в провинции. И в данной теоретической модели стоит учесть первоначальную стихийность волнений крестьянства, направленных в основном на помещичьи имения, которые после прихода к власти большевиков перетекали в состояние конфронтации с действующей властью по причине экономического ущемления, окончательного слома общинного сознания и перестройке привычной действительности: «...разбуженная революцией энергия самосудов направилась и против самих революционеров, когда они стали у власти и чем-то могли вызвать острое «неудовольствие» масс»[4, с.53].

Как отмечают О.М. Зайцева, В.В. Канищев, В.Д. Орлова и Н.В. Стрекалова в своей статье, связанной с мобильностью городского населения, низкая революционная активность рабочих Тамбова объяснялась незначительным их количеством: «...речь в любом случае идет о нескольких сотнях людей, составляющих не более 1% населения Тамбова» [5, с.27]. Эти историки также делали акцент на то, что общекультурная неразвитость, традиционная политическая забитость поражали покорность сильной власти советов даже в условиях социального напряжения. Отсюда и вытекает вялая реакция населения

на «растворение» политической власти эсеров в Тамбовской губернии. Подобного рода суждение также можно причислить как особенность революционного процесса в губернии. Этим можно объяснить отсутствие наиболее мощных выступлений в условиях политического «крушения» эсеров и послеоктябрьских событий. Но, как писал С.А. Есиков: «По мере ухудшения экономической ситуации в стране, все больше усиливалось вмешательство государства в хозяйственную жизнь, а вместе с последним росла неуправляемость экономических процессов» [3, с.69].

Важной социально-экономической особенностью Тамбовской губернии на момент революции было сохранение прочности общинных отношений, которые выдержали натиск реформаторской деятельности Столыпина. Как отмечал в своей работе липецкий историк А.А. Иванов: «Крестьянская уравнильно-предельная община к 1917 г. Продолжала оставаться доминирующей формой землепользования русских крестьян...» [6]. О степени сохранности общинных отношений в Тамбовской губернии можно судить по данным обследования общинных (поселенных) бланков переписи 1917 г. По Усманскому уезду. Материалы переписи свидетельствуют о том, что в общинном владении находилось 82,2% надельной земли, а среди укрепленных из надельной земли преобладали чересполосные (87,5%). Данные по Лебедянскому уезду зафиксировали в общинном владении 66,3% надельной земли, а среди земель подворно-наследственного владения величина чересполосно-укрепленных земель составила 88,9% [6]. Нет сомнений: накануне революции общинные отношения в губернии продолжали оставаться сильными, играя важную роль в жизни села и деревни. Помимо этого, на момент Октябрьской революции, община являлась социальным институтом, который объединял значительную часть крестьянства. В первые годы власти Советов за общиной утверждалась роль важного института защиты крестьянства, а также функция самостоятельного органа местного самоуправления.

Большинство крестьянского населения губернии больше не могло ждать решения земельного вопроса сверху, что весьма усложняло политическую обстановку. «Отвергнув царя, крестьянство в своей массе продолжало стоять за сохранение общинно-уравнильного строя, основанного на отрицании частной собственности на землю» [13, с.25]. Этим можно объяснить неприязнь общинной массы крестьян по отношению к зажиточным крестьянам, вышедшим из нее. Вероятнее всего, главной причиной подобных явлений служит, в целом, медленное развитие капиталистических отношений в Тамбовской губернии. Кроме того, крестьяне надеялись на защиту со стороны общины, поскольку в этом для них была ее главная функция.

«В конце 1917 г. во многих городах становилась очевидной неспособность Советской власти быстро решить продовольственный вопрос... Постепенно нарастали диктаторские меры продовольственной политики Советов в городах (обыски, реквизиции частных запасов, ограничение торговли и т. п.), которые затрагивали интересы многих собственников» [4, с.53].

Подводя итог, можно с уверенностью говорить о вариативности революционного процесса в разных провинциях России. И Тамбовская губерния не являлась исключением, поскольку приход к власти большевиков изменил естественный ход революционного процесса в провинции.

Колоссальная энергия революционных волнений на Тамбовщине не могла уйти с политической сферы под давлением репрессивной политики Советской власти по отношению к бунтарям. Это и привело к слому естественного революционного процесса, что, несомненно, повлияло на хозяйство, экономику и политическое сознание людей. Анализируя увеличение численности и расширение состава участников революционных событий в губернии, можно судить о первоначальной стихийности волнений и последующем их постепенном перенаправлении на власть Советов. При кажущейся политической стабилизации на Тамбовщине после событий Октября 1917 г., все же наблюдались изменения негативного характера, новый виток политической борьбы, переросший несколько позже в Гражданскую войну.

Экономическое давление большевиков, недоверие к политической организации власти, существенный подрыв влияния эсеров в провинции: все это могло послужить нарастанию дальнейших противоречий населения губернии и местных властей. Медленное развитие капиталистических отношений, значительное количество бедняцких хозяйств, архаичность «общинного мышления», преобладание желаний экономических нежели политических изменений, все это сильно влияло на события 1917-1918 гг. в провинции. Данный комплекс проблем наложил определенный отпечаток на дальнейшие социально-экономические изменения Центрально-Черноземного региона, на зачатки Тамбовского восстания (1920-1921 гг.) и на последующую экономическую политику советской власти (Новая экономическая политика).

Библиографические ссылки

1. Андреев В. Кулаев С. Октябрьская революция и Гражданская война в Тамбовской губернии // Тамбовская губернская комиссия по организации и проведению десятилетия Октябрьской революции. Тамбов: Тип. «Пролетарский Светоч», 1927. 48 с.

2. Всероссийская сел. -хоз. перепись 1916 года. Тамбовская губ. Издание Тамб. Губ. Земства 1916 г.; Бюллетень Тамбов Губ. Стат. Бюро №1 изд. 1923 г. Отчет Тамб. Губисполкома IX-му съезду советов. 54 с.
3. Есиков С.А. На пути к военному коммунизму. Государственное регулирование хлебозаготовок в Тамбовской губернии 1914 - начале 1917 гг. // Крестьяне и власть: Материалы конф. / Тамбовск. Гос.Техн. Ун-т, Московск высш. шк. соц. и экон. наук. Москва – Тамбов: Издательско-полиграфический центр ТГГУ, 1996. с.15-23.
4. Есиков С.А. Канищев В. В. Бунтарские выступления в городах в цонце 1917-первой половине 1918 г. как симптомы гражданской войны. // Происхождение начальный этап гражданской войны. 1918 год Международная научная конференция: Материалы первой сессии 28-38 июня 1993 года. Ч.1. Отв. Ред. Е. Ф. Кривошеенкова. – М.: Изд-во «Прометей», 1994. с.36-41.
5. Зайцева О.М., Канищев В.В., Орлова В.Д., Стрекалова Н.В. Мобильность городского населения в начале XX в. как фактор социально-политической напряженности (по материалам Тамбова) // Революция 1917-1918 гг. в российской провинции: сб. науч. ст. / отв. Ред. Л. Г. Протасов; Федеральное агентство по образованию, ГОУВПО «Тамб. Гос.Ун-т им. Г. Р. Державина», Тамбовское отделение РФО. Тамбов: Издательский дом ТГГУ им. Г.Р. Державина, 2008. с.19-30.
6. Иванов А.А. Тамбовская деревня в годы первой мировой войны // Вопросы аграрной истории Центрального Черноземья XVII – XX веков. Липецк, 1991. 387 с.
7. Колыханов Н.В. Тамбовские социалисты-революционеры и подготовка земельной реформы в 1917 г. // Революция 1917-1918 гг. в российской провинции: сб. науч. Ст. / отв. Ред. Л. Г. Протасов; Федеральное агентство по образованию, ГОУВПО «Тамб. Гос.Ун-т им. Г.Р. Державина», Тамбовское отделение РФО. Тамбов: Издательский дом ТГГУ им. Г.Р. Державина, 2008. с.31-42.
8. Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулировании во время революции. М., 1991. 487 с.
9. Мещеряков Ю.В. Тамбовская губерния в начальный период советской власти. Октябрь 1917 – август 1918 гг. Тамбов, 2012. 424 с.
10. Очерки истории Тамбовской организации КПСС. Коллектив авторов. Воронеж: Центр. – Чернозем. кн. изд-во, 1984. 48 с.
11. Протасов Л.Г. Тамбовский гарнизон в борьбе за власть Советов // Под знаменем Октября. Вып. 2. Тамбов, 1971. с.3-21.
12. Черменский П.Н. От крепостного права к Октябрю в Тамбовской губернии: Очерк экономики и культуры пореформенного периода 1861-1917-й годы. Тамбов: Тип. «Пролетарский светоч», 1928. 100 с.

13. Шевченко В.И. От распада и раскола общества - к гражданской войне // Международная научная конференция «Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год». Материалы первой сессии 28-30 июня 1993 года. часть I. Москва: Издательство «Прометей», 1993. с.25-35.
14. Щербинин П.П. Крестьянские выступления в Кирсановском уезде Тамбовской губернии в 1917 г. // Крестьяне и власть: Материалы конф. / Тамбовск. Гос.Техн. Ун-т, Московск высш. шк. соц. и экон. наук. Москва – Тамбов: Издательско-полиграфический центр ТГТУ, 1996. с.21-31.
15. 1917-1918. Хроника Революционных событий Тамбовской губернии. Тамбовская губернская комиссия по Организации и Проведению Десятилетия Октябрьской Революции; Сост. П. Крошицкий и С. Соколов – Тамбов: Тип. «Пролетарский светоч», 1917. 72 с.

M. A. Oblitsov

FEATURES OF REVOLUTIONARY PROCESSES IN TAMBOV PROVINCE IN 1917 – 1918

Within the framework of the article, an analysis was made of the revolutionary events in Tambov province and their imprint on its social, political and economic shape in the years to come. The author focuses on the transformation in province of various spheres of life during the revolution of 1917-918. A special emphasis was placed on the coverage of socio-economic and political features of the central black-earth region, which were reflected in the policy of the Bolsheviks and the folding of the revolutionary dynamics in province.

Keywords: revolution, revolutionary process, member of Socialist Revolutionary Party (S.R.), central-chernozem region, economic, variability, province, pogrom, party.

УДК 93.930.2./316.42

Д. А. Опарин

(научный руководитель – д. и. н., профессор Е. М. Петровичева)

ЗАРУБЕЖНЫЕ СМИ ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть отношение зарубежных средств массовой информации к Великой российской революции 1917 года. В работе проведен сравнительный анализ статей, публиковавшихся в западной прессе в 1917 году и в 2017 – в год столетия российской революции.

Ключевые слова: Октябрьская революция, зарубежные СМИ, Ленин, информационная война.

Изучению истории Октября 1917 года сейчас придается огромное значение как в России, так и за рубежом. Постоянно появляются факты, которые влекут за собой новые исследования, способные перевернуть наше представление об Октябрьской революции. В 2017 году мы отметили столетие Октябрьской революции, и, в связи с этим, наше исследование будет посвящено изучению зарубежных газет, которые пишут об этом дне, выражают своё отношение к данному этапу истории России. В работе будут показаны как старые газеты 1917 года, так и новые, относящиеся к современному периоду.

Зарубежные СМИ встретили нашу революцию по-разному. «Стремительный поворот дел и великая трансформация политического правительства России будут восприняты с безграничным удовлетворением и всеобщим ликованием всеми любителями свободы, равенства и братства, вселят ужас в сердца европейских автократов, тиранов и деспотов». [1] Эти слова написал главный редактор одной из Бруклинских газет в 1917 году. Данные строки выражают поддержку того режима, что установился в России. Мировоззрение автора полностью совпадает с идеями революции.

Спустя некоторое время в этой газете будут появляться статьи, которые не разделяют точки зрения главного редактора. Одна из работ говорит нам о росте преступности в России, другая о том, что бывшие заключённые, освобождённые революционерами, начали выдавать себя за настоящих героев, которые борются с бывшими царскими чиновниками. «В Минске была арестована Екатерина Смирнова, которая заявила, что убила губернатора Одессы М. Иванова, и пафосно описала свои страдания в арктических отходах Якутска. Смирновой дарили деньги, преподносили букеты. Добросовестный осведомитель обнаружил, что в Одессе никогда не было губернатора по имени Иванов, и далее, что Екатерина Смирнова была в Одессе сестрой милосердия, а после мошенничества, была арестована царской полицией». [2] И это не единственный пример, который приводит автор статьи.

Также интересна точка зрения американских инвесторов, которых очень интересовала ситуация в России. «Ведущие банкиры района Уолл-Стрит считают, что революция в России докажет финансовое омоложение страны. Они настаивают на том, что огромная природная сила России теперь будет реализована, развита и усилена, и они убеждены, что торговые отношения между США и Россией будут крепче, чем когда-либо». [3] Банкиры планировали захватить российский рынок промышленности после войны и перевести заводы на выпуск товаров для мирного времени. В планах зарубежных инвесторов было привлечение американских директоров-специалистов на управляющие должности заводов и фабрик.

Англоязычные газеты в первые дни революции встречали её с аплодисментами, гордились ей, приводили её в качестве примера, анализировали... Но со временем история Октября превратилась в рассказы о расправах над невинными людьми и невежестве большевистского руководства.

На современном этапе мы видим совсем иное отношение зарубежных СМИ к Октябрьской революции. Прослеживается научный подход к пониманию революции, её причин и целей. Так, Стефан Куртуа [5] в одной из своих статей написал, что Ленин, с помощью революции создал первый в мире тоталитарный режим, по образу которого были созданы государственные системы Гитлера и Муссолини. Автор считает, что революция, которая плавно переросла в гражданскую войну, смогла очистить Россию от всех буржуазных элементов. Война красной и белой армии, как считает автор, это хорошо спланированный этап революции под руководством В.И. Ленина.

Большое количество статей описывает отношение нынешней власти к событиям октября 1917 года. К примеру, Пьер Авриль [4], французский корреспондент, сокрушается по поводу малого количества выставок, которые посвящены Октябрьской революции. Автор считает, что в представлении Владимира Путина воспоминание об октябре способна пробудить демонов революции, дремлющих в обществе.

Коллега Авриля, Франк Нингуйзен [6] выражает похожую точку зрения: «Президент Путин однажды сравнил Октябрьскую революцию 1917 года с ядерной бомбой, заложенной под фундамент российского государства. Поэтому сегодня государство относится к юбилею скорее, как к холодному ливню, который скоро закончится. Праздник 7 ноября в советское время отмечался помпезно, но теперь праздничные мероприятия перекочевали на 4 ноября - да и отмечается в этот день освобождение Москвы от польских интервентов в 1612 году».

Такой же позиции придерживается американская журналистка Катрин Хилле [7] и считает, что история России является сейчас политическим инструментом в руках власти, которая сама выбирает, о чём можно говорить, а о чём лучше умолчать.

Также зарубежные авторы рассматривают значение Октябрьской революции для людей советской и современной России. «Все русские - дети Октябрьской революции, но они больше не знают, как им надо оценивать и понимать ее. Их собственное происхождение остается загадкой и становится утопическим». [8] Автор ссылается на то, что часть населения, особенно молодое поколение, не знает историю Октября 1917 года. Актуальность данного периода, по их мнению, плохо подчеркивается в российских СМИ.

В то же время история Великой октябрьской революции в год ее столетия очень ярко была представлена в зарубежных средствах массовой информации. В 1917 году корреспонденты со всего мира высказывали своё отношение к большевикам, их революции, часто опираясь на свои собственные чувства, мировоззрение и слухи. На современном этапе, благодаря свободе информации, журналисты подходят к написанию своих статей более тщательно, часто прибегая к изучению специальной исторической литературы. По нашему мнению, на современном этапе противостояния России и Запада, зарубежные корреспонденты пытаются с помощью истории Октября показать своим читателям несовершенство современного государственного режима в РФ, стараются повлиять на общественное мнение и создать неблагоприятный образ России. Эти статьи, по нашему мнению, – один из этапов информационной войны, навязанной нам Западом.

Библиографические ссылки

1. Lehr I.J. Hailed with rejoicing by every lover of liberty/I.J. Lehr//The Brooklyn Daily Eagle. 1917. №80. P.14.
2. Fake assassins make easy money in Russia//The Brooklyn Daily Eagle. 1917. №87. P. 5
3. Revolution in Russia will strengthen trade relations with the United States//The Brooklyn Daily Eagle. 1917. №83. P. 30.
4. Авриль П. Октябрьская революция: не совсем революционная годовщина [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.inopressa.ru/article/02Nov2017/lefigaro/revolution.html>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 17.01.2017).
5. Куртуа С.7 ноября 1917 года: Ленин изобрёл первый тоталитарный режим в истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.inopressa.ru/article/08Nov2017/lefigaro/lenine.html>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 17.01.2017).
6. Нингуйзен Ф. Что осталось от Ленина? [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.inopressa.ru/article/07Nov2017/sueddeutsche/rev_01.html, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 17.01.2017).
7. Хилле К. Путин избегает празднования революции 1917 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.inopressa.ru/article/25Oct2017/ft/1917.html>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 17.01.2017).
8. Шор-Чудновская А. «1917» - юбилей, не нужный русским [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.inopressa.ru/article/25Oct2017/ft/1917.html>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 17.01.2017).

FOREIGN MEDIA ABOUT THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917

This article attempts to consider the attitude of foreign media to the Great Socialist October Revolution of 1917. The paper shows the articles of 1917 and 2017.

Keywords: October revolution, foreign media, Lenin, information war.

УДК 93/ 930.85

М. Н. Петиганова

(научный руководитель – к. и. н., доцент И. А. Николаева)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЯ КАТОЛИЧЕСКИХ ОБЩИН В РОССИИ В ХОДЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Статья посвящена вопросам политики государственных властей в 1917 г. по отношению к инославным вероисповеданиям, в частности к католицизму. На основе законодательных актов государственных властей проводится анализ трансформации положения католических общин в России в ходе революционного процесса.

Ключевые слова: Революционный процесс, Католическая Церковь, «внеконфессиональное государство».

Революционный процесс в России затронул почти все сферы жизни населения страны. Религия также не осталась в стороне. Изменения, происходившие в 1917 г., коснулись иностранных конфессий, в частности, католических общин. В связи с этим целью данной работы является исследование процессов, которые изменили положение католических общин в России в 1917 г.

Не секрет, что католичество в дореволюционной России находилось в довольно сложном положении. В частности, актуальными проблемами, стоящими на повестке дня для римско-католического духовенства были вопросы предоставления епископам разрешающего права на постройку и починку костелов; закрепления за могилевским митрополитом исключительного права попечительства над католическими духовными заведениями: духовной академией и семинариями; упрощения порядка взаимодействия с римской курией; права беспрепятственного принятия в церковь новых прихожан-католиков, назначения на должности епископом без согласования с гражданской властью и т.п. [11].

В начале XX в. правительство в некоторой степени пыталось улучшить положение иностранных конфессий. В 1905 г. Николай II подписал указ «Об укреплении начал веротерпимости» [8, с.237-238]. В соответствии с указом люди могли свободно принимать ту веру, которая соответствовала их религиозным убеждениям. Однако, как указывает А.Н. Копылов, этот указ не дал Католической церкви в России так желаемого ей полноправия с господствующей в стране Православной церковью. Власти по-прежнему ущемляли католиков в гражданских правах и свободах. Так, в 1906 году епископу фон Роппу не позволили организовать Конституционную католическую партию [9, с.221].

1917 г. стал, поистине, уникальным периодом в истории России. Коренные изменения, происходившие в стране, глубоко затронули и церковную сферу. Стала реальной возможность новых отношений между государством и религиозными организациями. В свою очередь религиозные организации ратовали за строительство этих новых отношений между государством и религиозными объединениями. В том числе, они выступали за соблюдение принципов отделения церкви от государства, правового равенства религий и религиозных организаций.

2 марта 1917 г. власть перешла к Временному правительству, образованному Временным комитетом Государственной думы. Новая власть устанавливала свои порядки. Государственно-конфессиональная политика была переориентирована на построение в России светского государства. Издали Декларацию Временного правительства о его составе и задачах, которая провозглашала «полную и немедленную амнистию по всем делам политическим и религиозным» и «отмену всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений» [1; 13, с.258].

Революция была восторженно встречена «гонимыми» и «терпимыми» исповеданиями, в том числе и католиками. Так, поверенный в делах России при Ватикане Н. Бок 18 марта 1917 г. сообщал министру иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюкову, что в Ватикане сообщение о революции в России произвело «смешанное впечатление», но преобладало «чувство эгоистической радости за интересы католической церкви». Падение царского строя, писал Н. Бок, означает для Ватикана «открытие новой эры свободы католичества в России». Исходя из оценки данных событий, историк М.М. Шейнман пришел к выводу, что в Ватикане рассчитывали на отмену особых привилегий государственной православной церкви для того, чтобы папство имело возможность осуществить свои давние планы по насаждению католицизма в России [14, с.93].

20 марта был издан один из наиболее важных нормативных правовых документов – постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений». Объявлялось о равенстве всех религий перед законом, отменялись все действовавшие ранее ограничения в правах в зависимости от вероисповедания и национальности (права жительства и передвижения, собственности, рода занятий, поступления на государственную службу, в учебные заведения) [6, с.46-49].

Однако, не стоит забывать, что Временное правительство вело курс на построение внеконфессионального государства. 14 июля было принято постановление «О свободе совести», провозглашавшее свободу совести, определение принадлежности к вероисповеданию малолетних родителями или опекунами, свободу религиозного самоопределения для каждого гражданина, достигшего 14-летнего возраста, отмену правовых ограничений по конфессиональному признаку, свободу перехода из одной конфессии в другую (кроме «изуверных учений») и признания себя не принадлежащим ни к какой вере [5]. Данный закон имел прогрессивное значение, поскольку закрепил законодательно признание принципа свободы совести в качестве основного принципа вероисповедной политики Российского государства; впервые в истории России было узаконено вневероисповедное состояние граждан и свободный переход из одного вероисповедания в другое.

Однако, католических священников не устраивало такое положение. И в апреле 1917 г. была образована специальная комиссия, в компетенцию которой входил пересмотр действующего законодательства по делам Римско-католической церкви. В состав комиссии входили представители римско-католического духовенства и ведомства православного исповедания, министерств юстиции, военного, внутренних дел, народного просвещения и науки, общественные деятели. Возглавил ее комиссар правительства С.А. Котляревский [11].

Итогом деятельности Комиссии стал законопроект «Об изменении действующих законоположений по делам Римско-католической церкви в России», который был утвержден 25 августа. Согласно данному законопроекту, основной единицей церковной жизни являлась епархия, во главе которой стоял епархиальный епископ. В сфере епархиального управления и суда он был свободен и независим от государственного вмешательства в его деятельность. Теперь епископ давал разрешение на постройку римско-католических каплиц и церквей самостоятельно. Назначение всех духовных должностей в епархии - приходских, консисторских и должностей в духовных учебных заведениях также исходило от епископа [10, с.62]. Как признавал сам Святой Престол, таких прав католическая церковь в России еще никогда не имела. По

свидетельству А.И. Лысаковского, посланника Временного правительства в Ватикане, Святой Престол признал новое законодательство вполне обеспечивающим свободу совести и гарантирующим нормальное положение Католической церкви в России [11].

Постановлением от 5 августа 1917 года [4, с.52] Временное правительство создало Министерство исповеданий, функции которого заключались в надзоре за соблюдением действующего законодательства представителями инославных и иностранных исповеданий. В ведение Министерства исповеданий также передавалась канцелярия обер-прокурора (с упразднением его должности) и Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. 25 октября 1917 года было упразднено Министерство исповеданий вместе с падением Временного правительства.

Таким образом, несмотря на некоторую противоречивость своего курса, Временное правительство подготовило почву для отделения Церкви от государства и создания внеконфессиональной системы в стране. В целом, Февральская революция 1917 г. облегчила положение католиков, поскольку Временное правительство дало всем вероисповеданиям полную свободу. Новые нормативные акты в целом соответствовали концепции «внеконфессионального государства». Условия, созданные после Февральской революции, внушали надежду, что и большевистская власть, благосклонная к трудящимся и угнетенным народам, не будет притеснять ранее гонимую Церковь.

Однако после прихода к власти большевиков начались гонения на всякую религию. Первым законодательным актом, ударившим по церковным структурам, был Декрет «О земле» от 26 октября 1917 года [2, с.17-20]. По Декрету были национализированы и церковные земли.

Декретом от 24 декабря все учебные заведения передавались в ведение Комиссариата просвещения, следовательно, Церковь лишалась всех академий, семинарий, училищ. Перестал считаться законным церковный брак [3, с.247-249]. У Церкви были отняты сотни храмов и монастырей, как особо ценные памятники истории или архитектуры.

Инструкцией от 20 августа 1918 года «О порядке проведения в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» [7, с.849-858] все Церкви были лишены прав юридического лица; их имущество передавалось в «непосредственное заведование местных Советов рабочих и крестьян».

Ватикан рассчитывал на победу в России буржуазной революции. Пролетарская же революция вызвала бешеную ненависть ватиканских иерархов. Папская газета «Оссерваторе Романо» писала 23 января 1919 г.: «Анархия стучится в ворота всех стран. Собирайте срочно ваши силы, чтобы преградить ей доступ. Каждый упущенный день может свести ваше дело на нет.

Промедление опасно, очень опасно». В итоге Ватикан поднял против Советской России католические церковные организации во всех странах. Они приняли активное участие в идеологической подготовке антисоветской интервенции [14, с.95].

Подводя итог, следует отметить, что в течение революционного процесса 1917 г. со сменой политических властей трансформировалось и положение католических общин. Временное правительство проводило политику в отношении инославных вероисповеданий, которая улучшила положение католиков. Католические организации могли осуществлять свою деятельность независимо от светских властей. Но большевики, на которых возлагались огромные надежды по улучшению жизни населения страны, после прихода к власти стали проводить иную политику, в том числе и по отношению к религии. Церковные организации лишались принадлежащих им земель, из их управления были также исключены учебные заведения. Несомненно, за период 1917 г. Католическая церковь перенесла значительные изменения как в организации, так и в отношении с государственными властями.

Библиографические ссылки

1. Декларация Временного правительства о его составе и задачах [Электронный ресурс]. Режим обращения: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5201/>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 05.02.2017).
2. Декрет II Всероссийского съезда Советов «О земле» 26 октября (8 ноября) 1917 г. Декреты Советской власти. Т. I. М., Гос.изд-во полит.литературы, 1957. 625 с.
3. Декрет ВЦИК и СНК о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния 18(31) декабря 1917 г. Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Гос.издат-во политической литературы, 1957. 625 с.
4. Постановление Временного Правительства от 5 августа 1917 года «Об учреждении Министерства Исповеданий». Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Книга I, Выпуск I: Предисловие, документы и материалы к созыву и деятельности Предсоборного Совета и Собора. М.: Издание Соборного Совета, 1918. 192 с.
5. Постановление Временного Правительства «О свободе совести» 14 июля 1917 года [Электронный ресурс]. Режим обращения: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5412/>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 05.02.2017).

6. Постановление Временного Правительства «Об отмене вероисповедных и национальных». Сборник Указов и Постановлений Временного правительства. Вып. 1. – Петроград, 1918. 557 с.
7. Постановление Народного Комиссариата Юстиции. О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция). Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917 – 1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. 1483 с.
8. Указ «Об укреплении начал веротерпимости». 17 апреля 1905 г. Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3-е. Т. XXV: 1905. Спб., 1908. 966 с.
9. Копылов А.С. Католическая Церковь в России (конец IX – начало XXI вв.). М.: Изд-во «Спутник +», 2012. 284 с.
10. Куницын И.А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы. М., 2000. 462 с.
11. Одинцов М.И. Католики и Католическая церковь в России в 1914 – 1920 гг. [Электронный ресурс] – <https://rusoir.ru/president/president-works/president-works-206/>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 05.02.2017).
12. Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. [Электронный ресурс]. Режим обращения: <http://verigi.ru/?book=207&chapter=0#.XLDs5v7VLIU>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 05.02.2017).
13. Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700-1917. М.: «Русская панорама», 2003. 480 с.
14. Шейнман М.М. От Пия IX до Иоанна XXIII. Ватикан за 100 лет – М.: Наука, 1966. – 197 с.

M. N. Petiganova

TRANSFORMATION OF POSITION OF THE CATHOLIC COMMUNITIES IN RUSSIA DURING REVOLUTIONARY PROCESS

Article is devoted to policy issues of the governments in 1917 in relation to inoslavny religions, in particular to Catholicism. On the basis of acts of the governments the analysis of transformation of position of the Catholic communities in Russia is carried out during revolutionary process.

Keywords: Revolutionary process, Roman Catholic Church, «nondenominational state».

В. А. Петрова
(научный руководитель – д. и. н., профессор **Е. М. Петровичева**)

КУПЕЧЕСКИЙ БЫТ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена характеристике отдельных аспектов быта купеческого сословия в конце XIX – начале XX века на примере Владимирской области. На основе анализа литературы и материалов фондов Государственного архива Владимирской области рассмотрены проблемы предметно-бытового окружения купцов, морально-нравственных ценностей, проведения досуга. В результате проведенного исследования выделены специфические черты быта купечества, обусловленные ходом модернизационных процессов стране.

Ключевые слова: купеческий быт, купеческая усадьба, воспитательный процесс, формы досуга.

Российское купечество в конце XIX – начале XX века – это особый социальный слой, занимавшийся различного рода предпринимательской деятельностью и внесший существенный вклад в развитие экономики страны. Кроме того, купцы проявили себя как благотворители и меценаты, оставили заметный след в общественной жизни, многое смогли сделать для подъема национальной культуры. Однако, если предпринимательская и общественная деятельность купцов того времени получили достаточное освещение в историографии, то проблемы бытового окружения этого сословия до сих пор остаются малоисследованными.

Между тем, история быта той или иной социальной общности людей – богатое поле для исследования, позволяющее не только дополнить знания о культуре страны того или иного периода, но и выявить причины многих социальных явлений. Это в полной мере относится и к купеческому быту конца XIX – начала XX века, ведь именно в этот период времени купечество становится ядром зарождающейся буржуазии и приобретает свой особый социо-культурный облик, отражающий его мировоззрение и идеалы.

В семье, как в одном из главных механизмов социализации, закладываются основы мировоззрения и поведенческие установки. Невозможно дать характеристику российского купечества без изучения различных аспектов внутрисемейных отношений этого социального слоя.

Отечественными исследователями уже была отмечена самая тесная связь занятий с домашним бытом. Главным предметом заботы и внимания каждого

члена купеческой семьи являлось семейное дело. В купеческих предприятиях присутствовал особый корпоративный дух, в котором воплощались православные традиции единения. Семейный характер предпринимательства, столь свойственный уездному купечеству, способствовал созданию особой системы отношений, основанной на взаимной ответственности членов рода.

Однако справиться со всеми делами только силами членов семьи удавалось немногим, и большинство купцов использовали наемных приказчиков, лавочных сидельцев, а также так называемых «мальчиков» – подростков, которых родители или родственники отдавали в услужение для приобретения навыков торговли. У крупных торговцев занятия могли носить только административный характер и сводиться к нескольким часам пребывания на складе или в конторе. Встречались и такие, кто практически целиком устранялся от дел, поручая их заботе доверенных или управляющих [7, с.147].

Организацией домашнего быта в купеческих семьях занималась женщина – хозяйка, ей помогали в домашних делах и другие члены семьи, особенно дочери. Сам хозяин редко вникал в домашние дела, хотя и требовал, чтобы «дом» велся на соответствующем уровне. В различных домашних работах использовался также труд наемных работников, хотя специальную прислугу для домашнего хозяйства держали далеко не все.

Из основных характеристик воспитательно-образовательного процесса можно выделить семейственность и патриархальность воспитания в купеческих семьях.

Воспитание детей в купеческой семье подчинялось подготовке к участию в деятельности семейного предприятия. С 15-16 лет сыновья полностью включались в семейное дело. Они могли заниматься мелочной торговлей в лавке, совершать коммерческие поездки в другие города, вести конторские книги. Однако интересы коммерческого дела требовали концентрации капитала, кроме того, главы купеческих семей нередко сомневались в деловых качествах своих детей или просто не хотели выпускать дело из своих рук. Поэтому уже взрослые сыновья, работая в отцовском предприятии, носили «звание» купеческого сына [11, с.150].

В воспитании девочек делался упор на подготовку к будущей семейной жизни. Дочери должны были помогать матери по хозяйству, следить за порядком в доме, присматривать за младшими детьми. Традиционно девочек обучали различным видам рукоделия: вязанию, плетению кружев, вышиванию. «Когда приносилось чистое, выглаженное бельё в столовую – меня учили его чинить, штопать, что-то подшивать, учили не наставлениями, но собственным примером, а тем самым учили уважать чужой труд. Этическое воспитание не

перекладывали на учителей, ни на гимназии – это был естественный, само собой разумеющийся долг семьи. Воспитывал сам её климат», – пишет О. В. Соболевская в своей книге «К.С. Станиславский работает, беседует, отдыхает» [10, с.160].

Многие исследователи отмечают религиозность купеческих семей. Ценный материал для анализа в этой связи представляют не только описи имущества, но и духовные завещания представителей купечества Владимирской губернии, которые можно увидеть в областном архиве. Так в описях имущества обращает на себя внимание большое количество перечисляемых среди прочих предметов икон, как в ризах, так и без них, что, безусловно, отражает приверженность купечества к традиционным православным ценностям. В духовных завещаниях можно отметить большое число пожертвований в пользу церквей и монастырей. Так, например, в завещании владимирского купца Белоглазова от 1881 года среди получателей упоминаются Успенский собор и Успенский женский монастырь, Вознесенская, Ильинская, Никитская церкви города Владимира, «Афонские горы», «Старый Иерусалим», «Боголюбовский монастырь» [6].

Что касается образования, то отношение к нему в купеческой среде на протяжении XIX века менялось. Если до 1850-х гг. в среде купечества господствовала точка зрения, что «наука только отбивает от дела» и все необходимые знания дети получали дома, то, уже начиная с 1870-х гг. купцы стремились дать детям хорошее образование.

Стремление к образованности было характерным не только для столичных купцов. Провинциалы не хотели отставать: начальное образование дети получали дома, а в дальнейшем отправлялись в гимназии и училища, чтобы иметь возможность получить высшее образование. Причём образование с конца XIX века стали получать и девочки. Так формулярный список Александровского купца Н.В. Епанченкова от 1914 года содержит сведения об образовании его сыновей и дочерей: «...Сын Владимир обучается в Московском коммерческом институте имени цесаревича Алексея, Вера – окончила среднее учебное заведение и находится при родителях, Александра и Глафира – обучаются в Александровской гимназии, Елизавета и Софья – в Александровском женском училище, Василий – в Александровской торговой школе [2]».

Собственный дом занимал особое место в жизни купечества, поскольку считался мерилем общественного положения. О финансовом благополучии владельца свидетельствовало наличие каменного дома. Состоятельные купцы часто имели каменные двух- или трёхэтажные дома, расположенные на главных городских улицах.

Как правило, на нижнем этаже располагалось заведение купца: мастерская, харчевня, магазин или постоянный двор, а верхние этажи занимала семья купца.

В качестве примера можно привести дома купца Петровского во Владимире. Как свидетельствует опись его недвижимого имущества от 1896 года, сохранившаяся в фондах Государственного архива Владимирской области, этот купец владел несколькими домами во Владимире, в каждом из которых на первом этаже располагалась лавка, а в верхнем этаже были жилые комнаты. Вот описание одного из его домов: «В городе Владимире на большой Нижегородской улице против Рождественского монастыря каменный 3-х этажный дом, крытый железом, в нижнем этаже помещается лавка с подвалом, а в двух остальных расположены 11 жилых комнат...» [4].

На территории городской усадьбы богатого купца, владевшего одним или несколькими промышленными предприятиями, часто находились и производственные помещения или их часть. Они подчиняли себе чисто усадебные строения – конюшни, каретник, сараи.

Примером такой усадьбы может служить усадьба вязниковского купца и фабриканта Владимира Васильевича Елизарова. Главное строение – трёхэтажный каменный дом купца был построен в конце XVIII века купцом Иваном Ивановичем Кашиным. Дом имел высокий портик, колонны по фасаду, лепные украшения и два балкона [12, с.17]. «Каменный трёхэтажный дом с надворным строением и деревянным на дворе флигелем, ткацко-механическая фабрика с механическим устройством, фруктовый сад», – это краткое описание владения В. В. Елизарова даёт окладная книга за 1893 г [3].

Нужно отметить, что гильдейская купеческая семья не обязательно проживала в одной усадьбе: многие имели несколько домов как в городе, так и за городом.

Особенность купеческого жилья проявлялась во внутренней планировке здания. Как уже было отмечено, на первом этаже часто выделялась группа помещений, связанных с делом владельца. В жилой части дома традиционно располагались парадные комнаты, такие как, гостиная, зал, столовая, а также несколько небольших комнат – детских, спален, покоев для старших членов семьи.

Что касается внутреннего убранства помещений, то оно отличалось чистотой и уютом. Данью традиции был такой элемент как красный угол, причём, чем богаче был купец, тем большее количество икон находилось в его доме. Другая черта купеческого жилища – наличие большого количества мебели.

В фондах Государственного архива Владимирской области сохранилась опись имущества Василия Ивановича Бажанова, находившегося на квартире «Товарищества Ставровской Мануфактуры Родиона Бажанова» в 1911 году, которая позволяет судить о внутренней обстановке этого жилища и, в частности, таких комнат, как кабинет, гостиная, зал, спальня. Например, в гостиной, кроме нескольких столов и мягкого дивана с креслами и стульями, отмечены также дамский письменный гарнитур, состоявший из стола, пяти стульев, этажерки, двух круглых тумб и двух ламп, а также резной киот с иконой Спасителя. Гостиную украшали часы в мраморном корпусе с календарем, граммофон, дамский письменный прибор из пятнадцати предметов, фотографии и даже скульптуры [5].

В начале XX века в домах купцов Владимирской губернии появилось электричество. Именно богатейшие купцы, чаще всего, первыми становились абонентами телефонной сети. Первые автомобили, колесившие по улицам уездных городов, также принадлежали им. В фондах Государственного архива Владимирской области хранится датированный 1910 годом рапорт вязниковского уездного исправника, который содержит сведения о том, что в Вязниках и Вязниковском уезде на тот момент находились пять частных автомобилей, четыре из которых принадлежали купцам [1].

Досуговая деятельность купцов в конце XIX – начале XX века сложна и многообразна. Конкретные её формы и проявления зависели от степени благосостояния купеческого семейства. Менее состоятельные купцы придерживались традиционных форм досуга, таких как посещение церкви, приглашение гостей, чаепитие, рукоделие. Развлечения более богатой прослойки носили менее замкнутый характер и были во многом схожи с досугом в дворянской среде.

Среди домашних развлечений были распространены карты и настольные игры, музицирование, прогулки. «В пасмурную погоду все собирались в большой столовой. Там был граммофон и пластинки с голосами Ф. Шаляпина и Вари Паниной. На столе играли в лото. ... Молодёжь перекидывалась картами из «флирта цветов» или даже на орехи играли в рулетку», – писал Б.И. Пуришев в своей книге «Воспоминания старого москвича» [10, с.138].

Новое поколение купеческого сословия, получившее образование, по своим культурным запросам было близко к высшим дворянским кругам и интеллигенции. Это оказывало влияние на способы заполнения свободного времени. В организации досуга значительную роль играли различные купеческие объединения и кружки. Среди представителей купеческого сословия находилось немало ценителей театрального и музыкального искусства.

В качестве примера можно привести Вязниковский музыкально-драматический кружок, созданный в 1888 году. Устав кружка, утверждённый 22 января 1888 года, гласит: «1. Цель кружка состоит в доставлении своим членам, как любителям музыкального и драматического искусств, полезного и приятного развлечения, а также и практического применения их способностей к этим родам искусства посредством исполнения вокальных и музыкальных пьес, так равно драм, комедий, водевилей и других сценических представлений; 2. Для достижения этой цели кружок даёт публичные спектакли, концерты, музыкальные и литературные вечера» [13, с.19]. Работа кружка во всём: финансовой деятельности, составе лекторов, программах вечеров – строго регламентировалась полицией. Но, несмотря на это заметно оживляла концертную и театральную жизнь Вязников.

Купеческие развлечения имели во многом народные корни. Самым популярным временем проведения развлекательных мероприятий и торжеств были дни религиозных праздников: Рождество, Пасха и др. После того как до мельчайших деталей были соблюдены все религиозные обряды, наступала пора празднеств. На Новый год в купеческих домах украшали ёлки, проводили праздники для детей. На Святочной неделе проводили балы, маскарады с ряжеными, организовывались народные гуляния.

Среди увлечений, бытовавших в купеческом сословии, стоит отметить коллекционирование, которое во второй половине XIX – начале XX века приобрело широкую популярность. Активному развитию этого явления способствовало не только финансовое процветание сословия, но и повышение уровня образованности и культуры, расширение кругозора представителей делового мира. Кроме того, предприниматели начали воспринимать искусство и культуру как ещё одну сферу вложения капитала, наряду с производством и торговлей.

Купеческое коллекционирование – явление всероссийского масштаба. Оно не обошло и провинцию. Нет сомнений, что коллекционирование широко бытовало и в городах Владимирской губернии.

Популярными предметами собирательства в купеческой среде были старинные книги и предметы церковного искусства. Интерес к названной тематике объясняется набожностью, особенно характерной для старообрядцев [8, с.228].

Например, ковровские купцы Першины, принадлежавшие к старообрядцам спасова согласия, с середины XIX века собирали древние иконы и книги. Древние книги и рукописи они приобретали в разных городах, но преимущественно на Нижегородской ярмарке [9, с.102].

Церковные древности были второй группой предметов коллекционирования. Предметы этих коллекций часто находили применение в домашних молельнях, характерных для благочестивой купеческой, особенно старообрядческой среды.

Ещё одной сферой собирательских интересов купечества следует назвать живопись. В провинциальной купеческой среде распространяется мода на семейные портретные галереи. Создателями подобных произведений были художники разного уровня, нередко из местных провинциальных самоучек, но иногда автором таких портретов мог быть и известный художник. Например, увлечённым коллекционером был шуйский купец П.И. Гундобин, который имел документальное, библиографическое собрания, коллекции церковных древностей и живописи [8, с.231]. Замечательную коллекцию живописи имел и вязниковский купец и фабрикант С.И. Сеньков. Коллекция включала в себя около 100 произведений известных художников конца XIX – начала XX века, таких как И.И. Шишкин, К.А. Коровин, С.Ю. Жуковский, К.И. Айвазовский, А.А. Писемский. Коллекция включала в себя и портреты членов семьи Сеньковых, написанных С.К. Зарянко и И.С. Куликовым.

Рассмотрев некоторые аспекты быта купеческого сословия в конце XIX – начале XX века, можно сделать вывод, что в исследуемый нами период быт купечества действительно обладал специфическими чертами внутри провинциальной городской культуры, а все происходившие в нём изменения определялась ходом модернизационных процессов стране.

Библиографические ссылки

1. Государственный архив Владимирской области, Ф. 14, о. 4, д. 3293, л. 32.
2. ГАВО, Ф. 389, о. 1, д. 234, л. 44.
3. ГАВО, Ф. 391, о. 2, д. 35, л. 8.
4. ГАВО, Ф. 549, о. 1, д. 550, л. 13.
5. ГАВО, Ф. 549, о. 1, д. 609, л. 33.
6. ГАВО, Ф. 667, о.1, д. 81, л. 37.
7. Гончаров Ю. М. «Купеческая семья второй половины XIX – начала XX вв (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири)» М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. 147 с.
8. Добычина Т. А. «Коллекционирование среди шуйских предпринимателей. XIX начало XX»//Российская провинция: история, традиции, современность// Рождественский сборник. Вып. 15, Ковров: «Маштекс», 2008. с.18-23.
9. Кабанов А. Е. «Судьба книжного собрания ковровских купцов Першиных» // Российская провинция: история, традиции, современность // Рождественский сборник. Вып. 15, – Ковров: «Маштекс», 2008. с.24-31.

10. Лаврентьева Е. В. «Милые будни: Интерьер и предметы домашнего обихода в фотографиях и воспоминаниях конца XIX – начала XX». М.: Этерна, 2012. 252 с.
11. Маслова И. В. «Структура родственных связей и традиции семейного быта уездного купечества Вятской губернии в XIX – начале XX в» // Известия ВГПУ, 2009// История, № 2. с.13-21.
12. Тельчаров А. Д. «Вязники. Историко-краеведческий очерк», Ярославль, Верхне-Волжское книжное издательство, 1986. 136 с.
13. Тельчаров А. Д. «Вязники», Ярославль, Верхне-Волжское книжное издательство, 1999. 150 с.

V. A. Petrova

MERCHANDISE LIFE AT THE END OF XIX – EARLY XX CENTURY ON THE EXAMPLE OF THE VLADIMIR REGION

The article is devoted to the characterization of certain aspects of the life of the merchant class in the late XIX - early XX century on the example of the Vladimir region. Based on the analysis of literature and materials from the funds of the State Archive of the Vladimir Region, the problems of the subject-everyday environment of merchants, moral and ethical values, and leisure activities are considered. As a result of the study, the specific features of the life of the merchants, due to the course of modernization processes in the country, are highlighted.

Keywords: merchant life, merchant manor, educational process, forms of leisure.

УДК 93/94.351/354

Г. М. Птицына

(научный руководитель – д. и. н., профессор Е. М. Петровичева)

ЛИЧНЫЙ СОСТАВ КОМИССАРОВ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ²

В статье представлен анализ особенностей личного состава комиссаров Временного правительства во Владимирской губернии. На основе материалов архивных фондов и выводов отечественной историографии, кадровый состав рассматривается в качестве одного из факторов, определивших степень эффективности данного института местного управления.

Ключевые слова: комиссары, Революция 1917 г, Владимирская губерния, Временное правительство, местное управление.

---

² Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 17-11-33002

Несмотря на то, что с самых первых дней революции Временное правительство провозгласило расширение полномочий местных органов власти, всё же терять контроль над ними оно не собиралось. Основным проводником политики центральной власти на местах, инструментом построения властной вертикали, своего рода мостом между центром и периферией должны были стать губернские и уездные комиссары Временного правительства [6, л. 17 об.; 7, с.58–59]. Но даже в силу того, что комиссарам отводилась важная роль объединения и контроля всех созданных на революционной волне общественных организаций, правовой статус и обязанности этих должностных лиц до октября 1917 г., т.е. до выхода «Временное положение о губернских и уездных комиссарах», не были четко прописаны. Поэтому их деятельность регулировалась отдельно получаемыми циркулярами [8, с.22].

Цель данной статьи – проанализировать личный состав института комиссаров Временного правительства во Владимирской губернии в качестве одного из факторов, определивших степень эффективности данного института местного управления.

6 марта была получена телеграмма из Петрограда, согласно которой обязанности губернатора временно возлагались на председателя губернской земской управы в качестве губернского комиссара Временного правительства с сохранением за ним своего предводительства. Уездными комиссарами становились председатели уездной земской управы [4, л. 1–2]. И сразу же главы земских управ со всех концов Владимирской губернии начали массово слагать с себя вверенную им новоиспеченную должность [9, с.48].

Так, из Александровского, Покровского, Юрьев-Польского и Владимирского уездов пришли только краткие сообщения об отказах председателей от обязанностей [4, л. 16, 18, 33, 50]. Из других уездов писали сами главы земств, мотивируя свой отказ различными причинами. Например, председатель из Переславля-Залесского Силаев сообщает, что «одновременно невозможно исполнять обязанности. Прошу сложить с меня возложенные обязанности комиссара» [4, л. 13]. Вязниковский председатель объясняет свой отказ болезненным состоянием, которое не дает возможности принять на себя обязанности [4, л. 22]. «В следствие совершенно расшатанного здоровья, происшедшего от чрезмерно напряженной работы по Земству, должен принять ещё должность уездного комиссара уезда обширного и промышленного, где необходима, особенно в начале, усиленная и быстрая работа по организации – физически не имею никакой возможности», - докладывает председатель из Шуи [4, л. 27].

Были также случаи принудительного и даже насильственного «освобождения» от обязанностей. Например, 10 марта в Меленках Председатель Юдицкий был арестован по требованию рабочих, а в конце апреля в Суздальском уезде от должности комиссара и председателя уездной управы Исполкомом был отстранен И.Д. Шафров [3, л. 14, 19].

Видя катастрофичность этой ситуации, МВД неоднократно в течение весны направляло циркуляры губернским комиссарам о нежелательности наблюдавшейся на местах частой смены комиссаров, особенно уездных. Подчеркивалось, что необходимо принимать все меры к укреплению авторитета комиссаров и самой власти Временного правительства, а постоянная смена представителей власти неизбежно подрывала его [8, с.23]. Поэтому 27 марта из Петрограда телеграфировали, что назначение уездных комиссаров должно производиться правительством, исключительно по предоставлению губернских комиссаров. Более того, последний обязывался, помимо общих анкетных данных кандидатов уездных комиссаров, сообщать о служебной, общественной деятельности, иные деловые и нравственные характеристики [4, л. 56].

Но должного действия это не возымело, и в первых числах апреля возникает новая волна просьб уездных комиссаров о снятии с себя полномочий. Начинается настоящая «комиссарская чехарда», имевшая место вплоть до самого октября [10, с.239–243]. В качестве кандидатов появляются на первый взгляд совершенно неожиданные люди: учителя, врачи, фабриканты. В Шуе комиссаром был выбран ветеринарный врач В.А. Невский, в Суздале – учитель местной гимназии Ю.К. Климов, а его помощник - единогласно избранный учитель мужской гимназии Н.Ф. Моргунов [4, л. 127, 145]. В Вязниковском уезде комиссаром был фабрикант А.И. Прошин, но 4 июля председателем уездного исполкома был поставлен вопрос о его переизбрании. По заявлениям ораторов, А.И. Прошин не может быть выразителем нужд рабочих. «Он в своих действиях и распоряжениях не считается с Исполкомом, которым он и был избран, более того его деятельность как агента Правительственной власти весьма слаба, он совершенно не осведомляет город и уезд о различных мероприятиях правительства». Подчеркивалось, что он «не всегда был беспристрастен в деле выдачи отсрочек военнообязанным» [4, л. 590]. В конце мая 1917 г. губернский съезд исполкомов избрал на должность губернского комиссара вместо кадета С.А. Петрова депутата от рабочих Иваново-Вознесенска меньшевика-интернационалиста А.М. Братенши [5, л. 70].

Гороховецкий уездный комиссар П.С. Шумилин, по сообщению от 21 октября, отказался от этой должности, в виду создавшихся враждебных

отношений с местным населением на почве продовольственного дела. Совершил неправильные служебные действия в деле распределения пособий семьям солдат, призванных на войну. Кандидат на должность, студент 3-го курса Юридического факультета Харьковского университета К.И. Бучинский от занятия должности отказался, в виду невозможности оставить должность Председателя Гороховецкого Совета Солдатских Депутатов [4, л. 572].

Все сведения о комиссарах и их помощниках стекались в канцелярию губернского комиссара, где сводились в общие таблицы, которые наглядно отражают всю эту кадровую текучку и весьма разношерстный состав (см. Таблицы 1 и 2). Примечательно, что комиссары не менялись только в Меленковском и Покровском уездах, единственных уездах, где эту должность занимали военные чины.

Таблица 1. Сведения о Губернских Комиссарах [4, л. 639–640]

Уезд	ФИО, звание Комиссара	Время допущения к исполнению обязанностей	Время увольнения от обязанностей
	Председатель губернской земской управы С.А. Петров	7 марта	1 июля
	Присяжный поверенный А.М. Братенши	1 июля	4 декабря
Александровский	Присяжный поверенный Б. Ф. Флеров	28 марта	22 ноября
	Учитель муж. гимназии В. К. Лепорский	24 августа	22 ноября
Владимирский	Председатель уездной земской управы Л.Н. Капащинский	23 марта	12 июля
	Г.П. Бубнов	31 августа	20 ноября
	Товарищ Грязнов	20 ноября	
	Солдат Точигин	В декабре	
Вязниковский	Гласный Вязн. Гордумы А.И. Порошин	17 марта	4 ноября сложил с себя обязанности
	Гражданин г. Вязников Н.М. Жуков	2 августа	

Уезд	ФИО, звание Комиссара	Время допущения к исполнению обязанностей	Время увольнения от обязанностей
Гороховецкий	Председатель уездной земской управы В.А. Бурмин	8 марта	21 апреля
	Гор. судья П.С.Шумилин	15 апреля	18 ноября предложено сдать дела Сарапкину
	Председатель Гороховецкого Земельного комитета Н.М. Сарапкин	18 ноября	
Ковровский	Председатель уездной земской управы А.С.Пестрово	8 марта	28 мая
	Председатель уездной земской управы Д.М. Шорыгин	22 мая	3 ноября
	Помощник Ковровского уездного комиссара, присяжный поверенный Е.И. Семеновский	С 1 по 22 мая и с 3 ноября	
	Председатель Совета Р.Д. Чистов	7 ноября	
Меленковский	Командир 42 стрелковой сапёрной роты А.П. Беляев	1 мая	
Муромский	Председатель уездной земской управы Ю.И. Бычков	8 марта	30 апреля
	Присяжный поверенный А.И. Мумриков	20 апреля	1 ноября предложено сдать дела Американцеву

Уезд	ФИО, звание Комиссара	Время допуска к исполнению обязанностей	Время увольнения от обязанностей
	Прапорщик 205 пехотного полка Американцев	1 ноября	
	Солдат Жуков	9 ноября	
	А.В. Новов	17 ноября	
Покровский	Прапорщик 21 запасного пехотного полка О.С.Корнев (пользовался всеобщим доверием населения. Губком даже ходатайствовал за отсрочку его явки на фронт)	27 марта	
Переславский	Член Переславской уездной земской Управы М.А. Силаев	7 марта	31 марта
	Непременный член Переславской землеустроительной комиссии А.И. Венедиктов	5 апреля	
Суздальский	Председатель уездной земской управы И.Д. Шафров	8 марта	24 апреля
	Учитель гимназии Г.К. Климов	12 апреля	12 сентября сдал должность
	Суздальский податной инспектор Н.Е. Панов	17 сентября	10 ноября сдал должность
	Член Суздальского Совета солдатских депутатов И.А. Дунин	17 ноября	
	А.С.Рыжов	27 ноября	

Уезд	ФИО, звание Комиссара	Время допущения к исполнению обязанностей	Время увольнения от обязанностей
Судогодский	Председатель уездной земской управы Ф.Ю. Жоховский	8 марта	30 апреля
	Судебный следователь Владимирского окружного суда по Судогодскому уезду М.Л. Супрунов	7 апреля	20 ноября сдал должность
Шуйский	Ветеринарный врач Шуйского земства В.А. Невский	27 марта	26 октября сдал должность Станкевичу
	Член исполкома Костром. Совета рабочих депутатов А.П. Станкевич	26 октября	
Юрьевский	Бывший Председатель уездной земской управы и предводитель Дворянства А.И. Соллогуб	18 марта	19 августа
	Командир 668 пешей Владимирской дружины, штабс-капитан В.П. Воронов.	31 августа	23 октября избран мировым судьей

Таблица 2. Сведения о помощниках губернских комиссаров [4, л. 641]

Уезд	ФИО, звание помощника	Время допущения к исполнению обязанностей	Время увольнения от обязанностей
	Помощник губернского комиссара, страховой инспектор Владимирского губернского земства М.А. Иорданский	4 мая	10 июля

Уезд	ФИО, звание помощника	Время допущения к исполнению обязанностей	Время увольнения от обязанностей
	Учитель народного училища Н.Ф. Горшков	4 июля	
	Прапорщик 89 пехотного запасного полка А.Г. Доброхотов	9 ноября	
Владимирский	Техник Владимирского уездного земства Я.Г. Ревякин	1 июня	31 августа
	Председатель Владимирского уездного Совета крестьянских депутатов Н.А. Макаров	31 августа	10 ноября
	Н.И. Хворостухин	8 декабря	
Муромский	Помощник присяжного поверенного Н.П. Виноградов	4 июня	22 сентября
Судогодский	Инспектор Судогодского. начального училища С.С.Смирнов	23 июня	28 октября
	Секретарь Судогодского уездного Земельного Комитета А.С. Суздальцев	28 октября	23 ноября
Суздальский	Учитель суздальской мужской гимназии Н.Ф. Моргунов	13 мая	
	Врач суздальского уездного земства П.А. Виноградов	4 сентября	14 октября
Ковровский	Присяжный поверенный Е.И. Семеновский	1 мая	
Шуйский	Уездный член Владимирского окружного суда Шуйского уезда Ю.К. Андронников	8 апреля	31 августа

О дефиците «интеллигентных» кадров говорит 21 июня 1917 г. Юрьевский уездный комиссар. По его словам, если и ранее уезд не был богат «интеллигентными силами», то теперь «все более образованные люди из уезда

бегут, стремясь найти более благоприятную обстановку». Кроме того, Исполком проявляет болезненное недоверие к интеллигенции вообще, тем более к тем, кто работал при прежней власти, отвергая их, как «слуг старого режима» [1, с.219].

Комиссар Муромского уезда тоже жаловался на нехватку работников, материального обеспечения, в частности пишущих машин, а также финансов. В канцелярии 2 служащим, более месяца жалования никакого не выдавалось, даже помощник уездного комиссара Н.П. Виноградов, оставив службу, никакого вознаграждения не получил, при чем другого кандидата на эту должность найти так и не удалось. «Прихожу к выводу, что при массе обязанностей и ответственности работы, необходимо иметь надлежащую канцелярию, что при отсутствии кредита иметь невозможно, - сетует комиссар. - Я вновь поддерживаю своё ходатайство об освобождении меня до 24 октября» [3, л. 137].

Качество личного состава комиссаров уже к осени не могло не отразиться на отношении к ним населения Владимирской губернии. Например, Покровский уездный комиссар в октябре рапортовал о случае, когда он и начальник милиции вынуждены были удалиться из леса под угрозой избиения крестьянами, рубящими лес. Вторит ему Меленковский комиссар, докладывая, что обращения к населению от Временного правительства, общественных организаций и уездного комиссара с просьбой воздержаться от самовольных порубок и захвата на население оказывают мало влияния [3, л. 142, 112].

Комиссар Гороховецкого уезда лично выезжал на места порубок и разъяснял крестьянам незаконность действий – «они принимали к сведению, и временно рубка прекращалась, но затем вновь начиналась. При малочисленном составе милиции – не в силах бороться с подобными явлениями, т.к. производится угрожающе настроенным обществом. Нет никакой возможности выяснить хотя бы зачинщиков и подстрекателей» [3, л. 151].

Таким образом, комиссары должны были стать проводником политики Временного правительства на местах. Однако в связи с отсутствием четко прописанного правового статуса и должностных инструкций, огромную роль приобретала непосредственно личность чиновника, уровень его компетентности, опыт и готовность к принятию взвешенных решений. Сомнительность и непостоянство кадрового состава, наряду с неопределённостью момента и отсутствием надлежащих законодательных инструментов воздействия на правонарушителей обусловили падение авторитета комиссаров Временного правительства среди населения Владимирского края. Следовательно, личный состав можно назвать одним из факторов неэффективности института комиссаров во Владимирской губернии в марте – октябре 1917 г.

Библиографические ссылки

1. Владимирская губерния и Российская революция в документах 1913-1918 гг.: сборник документов Государственного архива Владимирской области / Гос.Архив Владимирской обл.; [сост.: Т.А. Лашманова и др.]. Владимир, 2017. 500 с.
2. Гайда Ф.А. Февраль 1917 г.: революция, власть, буржуазия // Вопросы истории. 1996. № 3. с.31-45.
3. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 1186. Оп. 2. Д. 42.
4. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 1186. Оп. 2 Д. 167.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 2. Д. 181.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1779. Оп. 1. Д. 59.
7. Дерябина Е. С. Проблемы правового регламентирования местного самоуправления в России в условиях двоевластия (февраль-октябрь 1917 года) // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 5. с.58-62.
8. Пашин В.П. Губернские и уездные комиссары Временного правительства: теория и практика: (на примере Курской губернии) /Пашин В. П., Горлова Т. В. // История государства и права. 2010. №18. с.22-25.
9. Петровичева Е.М. Местное самоуправление и государственная власть после Февраля 1917 г.: дискуссионные проблемы изучения // Великая Российская революция 1917 года, проблемы истории и проблемы преподавания. Сборник статей по итогам Международной научной конференции 24-25 апреля 1917 г. М., 2017. с.47-50.
10. Петровичева Е.М. Земское самоуправление Центральной России в 1906-1918 гг.: Эволюция на последних этапах деятельности: дис.... доктора исторических наук. М., 2003. 356 с.

G. M. Ptitsina

THE PERSONNEL OF THE COMMISSARS OF THE PROVISIONAL GOVERNMENT IN THE VLADIMIR GUBERNIA

The features of the personnel of the commissars of the Provisional Government in the Vladimir Gubernia are analysed at this article. Based on the materials of archival funds and the conclusions of Russian historiography, author consider the personnel structure as one of the factors that determined the degree of effectiveness of this institution of local government.

Keywords: commissars, revolution of 1917, Vladimir Gubernia, The Provisional Government, local government.

М. Д. Соколова
(научный руководитель – д. и. н., профессор **Е. М. Петровичева**)

«РЕВОЛЮЦИЯ – ЭТО ДУШЕВНАЯ БОЛЬ РУССКОГО НАРОДА»: РЕВОЛЮЦИЯ В ОТРАЖЕНИИ ВЗГЛЯДОВ И. А. ИЛЬИНА

Статья посвящена анализу взглядов И.А. Ильина относительно причин революции 1917 года. Философ выделяет два блока причин – внутрироссийские и внешние. Он доказывает виновность русской интеллигенции в трагических событиях Октября, а именно - навязывание обычному народу антимонархических взглядов, что и приводит к недоверию власти царя.

Ключевые слова: внутрироссийские причины, внешние европейские причины, ослабление доверия к власти, секуляризация сознания, русская интеллигенция.

Октябрь 1917 года стал для России бездной с гражданской войной, кровавым геноцидом русского народа. Страна была потрясена социальной катастрофой, самой ужасной и кровавой из всех, известных человечеству. Ни по грандиозным масштабам, ни по своей жестокости, ни по продолжительности, русская революция не знает себе равных. Не изучив причины нашей великой всенародной беды, не поняв, какие механизмы были запущены на российской земле много лет назад, невозможно восстановить здоровое, естественное течение жизни. Исторические события XX века России и всего мира – не только пророчества, сбывшиеся или не сбывшиеся – конкретные и сложные явления человеческой жизни, требуют особого и глубоко объективного освещения. Лучшими, по-нашему мнению, являются фундаментальные исследования русского философа Ивана Александровича Ильина [1]. Все рассуждения Ильина о революции и послереволюционном строительстве в России, так или иначе, сводились к этому выводу. Религиозный дискурс в исследовании ученым революции 1917 года осложнялся его пристальным вниманием к комплексу исторических факторов – «внутрирусских» и «внешних европейских» причин, к их взаимодействию, обусловившему неизбежность революционных событий Октября.

Блок «внутрирусских» причин революции может служить в качестве иллюстрации размышления Ильина о феномене «доверия» как основной составляющей народного чувства справедливости, выполняющей функцию интеграционного принципа в системе внутригосударственных отношений. Ослабление доверия к власти, тем более целенаправленно практикуемое,

рассматривалось им в качестве важной причины и одновременно существенного признака революционного брожения в обществе [2]. Одной из ключевых причин революции он считал десакрализацию монархической идеи в сознании россиян - идеи, которая долгое время была ключевым организационным принципом в стране. Специфичность ситуации заключалась в том, что разрушение монархической идеи в головах народа осуществлялось при одновременном сохранении монархической формы государства. Именно таким путем был спровоцирован глубокий конфликт внутри русского общества. «Трагедия России состояла в том, – писал ученый, – что... единения, в котором гетерономная форма государственности покрывается автономным приятием, не было; хотя наверху считалось, что есть. Назревал и слагался раскол и разъединение между монархической формой государства и монархически не горящим правосознанием в стране» [3]. Также окончательно разрушило «доверие» народа (монархической идеи сознания) отречение Николая II от престола. Позднее Ильин настаивал, что глубоко ошибочное решение Николая II полностью разрушило и без того испорченное правосознание россиян.

Ключевую роль в разложении монархического правосознания народа Ильин приписывал русской интеллигенции, которая, по его мнению, секуляризировала свое сознание и парализовала способность к восприятию «Божьего присутствия в ходе истории». «Она (интеллигенция) не понимала, – подчеркивал Ильин, – что Россия может строиться только самобытным творчеством, а не слепым заимствованием у Запада» [4]. Казалось, что интеллигенция была готова поддержать любые губительные, революционные для государства идеи. В одной из своих последних работ Ильин писал: «...после великих реформ для русской передовой интеллигенции была открыта дверь к лояльному доверию и активному самовложению в строительство России. И понятно, что необходим был срок в 25–30 лет для жизненного освоения этих реформ – на пути «малых дел» и жизненно-конкретных задач. Вроде, путь был найден: Император становится во главе реформ и проводит их в порядке утверждения мнений совещательного меньшинства; передовой интеллигенции остается только воспринять и претворить эти реформы в жизнь, ... обновляя и упрочивая Россию... Но именно этого-то и не хотели русские республиканцы: они предпочитали отвергнуть эти реформы целиком, работать над изоляцией Государя и над компрометированным его дела и, наконец, обратиться к прямому убиению его» [5].

Перейдем к факторам «внешнеевропейского характера». Одной из главных тем концепции Ивана Александровича является тема незаметного вовлечения Европы в российскую революцию. По мнению автора, это нашло свое самое яркое выражение в деструктивной деятельности Германии как

конкурента России за мировое влияние и международное социалистическое движение, ценности которого навязывались русскому народу. По поводу последнего он писал: «Ныне коммунисты делают то самое, – подчеркивал он, – чего хотели, о чем мечтали, о чем писали, что говорили социал-демократы и социалисты-революционеры всех стран. Готовили давно, весь девятнадцатый век... А большевики только отнеслись серьезно и активно – и к подготовке, и к словам... Все, что делали и делают большевики - все было выношено, высказано, воспето, возвеличено и задано к выполнению... социалистами всех стран» [6]. В качестве модернизации России была воспринята программа экономического материализма, которая должна была ликвидировать кризис капиталистической экономики, такие европейские заимствования стали губительными для России. Ильин доказывал, что экономика России развивалась асинхронно с экономикой Европы, поэтому было нерациональным применять однотипные методы в модернизации. «Хозяйственный кризис, – подчеркивал он, – имел в России совсем иную природу, чем в Европе» [7]. Существовавшая альтернатива обновления России в виде реформ Столыпина, была погублена в силу всем известных причин. Импортированные западные политические идеи «демократии и республики» стали еще одним фактором, начавшейся революции в России. Секуляризованный характер привел к выхолащиванию подлинного правосознания на самом Западе, в немалой степени способствуя формализации его социальных связей. В России же с ее иными традициями эти идеи привели к развязыванию «центробежных сил в стране», к утрате представлений о национальном и религиозном единстве народа [8], был убежден Ильин И.А.

Таким образом, восприятие Ильиным революции было неоднозначным на протяжении всей его жизни. Если изначально революционные события в России оценивались им положительно, то со временем пессимистические размышления в его заметках получили четкое преобладание. По мере того, как разворачивалась революция 1917 года, она сопровождалась разрушением традиционных русских основ, Иван Александрович все больше утверждался в пагубности идеи этой революции для национального существования России, что приобрело для него значение бесспорной истины после политической победы большевиков.

Библиографические ссылки

1. Ильин И.А. Основы борьбы за национальную Россию // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1996. Т. 5. с.332-334.
2. Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1994. Т. 4. с.78-79.

3. Ильин И.А. Государственный смысл Белой армии //Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1996. Т. 5. с.374-375.
4. Ильин И.А. Основы борьбы за национальную Россию // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1996. Т. 5. с.353-354.
5. Ильин И.А. О монархии и республике // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1994. Т. 4. с.521-522.
6. Ильин И.А. Большевизм и кризис современного правосознания // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1998. Т. 7. с.263-264.
7. Ильин И.А. Основы борьбы за национальную Россию // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1996. Т. 5. с.337-338.
8. Ильин И.А. Основы борьбы за национальную Россию // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1996. Т. 5. с.335-336.

M. D. Sokolova

**«REVOLUTION IS MENTAL PAIN OF THE RUSSIAN PEOPLE»:
REVOLUTION IN REFLECTION OF THE VIEWS OF I. A. ILYIN**

The article identifies two blocks of causes of the revolution of 1917, based on the works of I.A. Ilyin. The philosopher argues the guilt of the Russian intelligentsia in the bloody deeds of October, namely the imposition of antimonarchical views on the common people, which leads to the distrust of the power of the king.

Keywords: internal Russian reasons, external European reasons, weakening of trust in the authorities, secularization of consciousness, Russian intelligentsia.

УДК 91/93.930.1

В. С. Степанова
(научный руководитель – д. и. н., профессор Е. М. Петровичева)

**К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ЛЕСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РОССИИ В 1917 – 1918 гг.**

В данной статье рассматривается вопрос изменения лесного законодательства России после событий 1917 года. Революционные преобразования коснулись всех сторон жизни общества, в особенности, новый уклад жизни коренным образом изменил вопрос о собственности.

Ключевые слова: лесное законодательство, Лесной устав, лесоохранение, Декрет о земле, Основной закон о лесах.

Лес – одно из главных богатств нашей страны. Без активного использования древесины оседлая жизнь человека в условиях северного климата была бы вообще невозможно. Древесину использовали самым разнообразным образом: из нее строили жилища, делали посуду и предметы быта, изготавливали самые разнообразные орудия труда, дрова были необходимым источником для обогрева, на них же работала и промышленные предприятия центральной России. Некоторые ученые, говорят даже о существовании «деревянного века» в истории Европы [10, с.56]. Поэтому особый интерес в истории взаимоотношения природы и общества представляет проблема использования человеком лесных ресурсов. Настоящая статья имеет цель охарактеризовать изменения лесного законодательства в трудный для нашей страны период – 1917-1918 год.

Ученые, занимающиеся проблемами лесного права, традиционно выделяют два периода развития лесного законодательства: дореволюционный и послереволюционный. До потрясений 1917 года существовала четкая система законов, регулирующая право собственности на лес, особенности использования лесных ресурсов и торговли ими. Леса давали пятую часть национального дохода, поэтому руководство страны осознавало всю важность правильного управления лесным хозяйством [7]. Основным нормативным актом лесного законодательства того времени был Лесной устав, утвержденный еще 11 ноября 1802 г. [8]. Данный акт вошел в состав первого Свода законов Российской империи (1832 г.) под названием «Свод Устава лесного». Документ претерпел несколько редакций: в 1842, 1857, 1876, 1893 и 1905 гг., хотя с каждым новым изданием указанный Устав и не подвергался значительным внутренним изменениям и переработке. К 1913 г. Лесной департамент подготовил проект нового Устава о лесах; но Государственная Дума так и не нашла времени рассмотреть новый законопроект. В целом, Лесной устав с незначительными изменениями и переработками продолжал действовать вплоть до 1917 г.

В соответствии с Лесным уставом все леса империи были разделены на государственные и состоящие в общественной и частной собственности. Государственные леса составляли собственность казны, делились на казенные и на имеющие особое предназначение. Законодательством того времени лес признавался недвижимостью и принадлежностью земельного участка. К 1914 г. по европейской территории России лесные площади распределились следующим образом: казне и удельному ведомству принадлежало 60%; частным владельцам - 31,2%, в том числе зажиточным крестьянам - 2%; крестьянским обществам - 8,8% лесов [1, с.144]. По официальным данным, с учетом Финляндии и Кавказа в целом по империи государству в 1913 г.

принадлежало более 70% лесов [4, с.172]. Следовательно, основным владельцем лесов в дореволюционной России было государство.

Большое внимание в дореволюционном лесном законодательстве было обращено на создание мер по охране лесов. Вызвано это было активным использованием древесины в период бурного развития российской промышленности второй половины XIX начала XX века. Например, большая часть предприятий промышленно развитой Владимирской губернии работала на дровах. Нефть и торф применялись незначительно. 4 апреля 1888 г. было принято Положение о сбережении лесов, изданное по причине угрожающего обмеления Волги и других судоходных рек европейской части страны в результате свода лесов у их истоков. Для сбережения лесов были установлены меры, ограждающие их от истребления и истощения и поощряющие ведение в лесных дачах правильного хозяйства и разведение новых лесов [10, с.77]. Данный акт был попыткой возложить на лесовладельцев отдельные обязанности. В соответствии с данным Положением все леса европейской территории России и Кавказа подразделялись на три категории: защитные, водоохранные и прочие. Особой охране подлежали отдельные породы деревьев. С 30-х годов XIX в. под контролем государства оказывалось использование древесины липы, которая применялась во многих традиционных крестьянских промыслах, прежде всего в резьбе по дереву. На протяжении более чем ста лет особой государственно охраняемые подлежали корабельные леса, прежде всего дубовые. Создавались организации, изучающие леса России. Так еще в 1832 г. по инициативе министра финансов Е.Ф. Канкрин было создано «Общества для поощрения лесного хозяйства», просуществовавшее вплоть до 1917 года. Задачи общества были колоссальными: собирать сведения о состоянии лесов и о порядке лесоводства в разных частях империи, «обращать внимание публики особенно владельцев на крайнюю необходимость без отлагательств заниматься важным предметом сбережения лесов» и многие другие [9, с.103] Со всеми поставленными проблемами Общество успешно справлялось и просуществовало вплоть до 1917 года.

Временное правительство, пришедшее к власти в России в конце февраля 1917 года, так и не смогло решить сложного вопроса о земле. Поэтому в период с февраля по октябрь 1917 года действовало лесное законодательство царской России. После прихода к власти большевиков отношения лесопользования изменились коренным образом. Одним из первых декретов уже советской власти был Декрет о земле, принятый 8 ноября (26 октября) 1917 г. Он провозглашал отмену права частной собственности на землю: «Вся земля...отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней» [2, с.18]. Пункт 2 Декрета о

земле провозглашал, что «все недра земли: руда, нефть, уголь, соль и т.д., а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства [2, с.18]. В то же время, в указанном акте не решался вопрос о закреплении форм собственности на леса, его должно было решить Учредительное собрание. То есть, Декрет только отменил старые порядки, но как именно поступить с землей, кому и как можно будет ее использовать документ не раскрывал.

27 января 1918 г. Всероссийским центральным исполнительным комитетом советов крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов был принят закон «О социализации земли» [3, с.5]. Статья 1 этого документа подтверждала основные положения Декрета о земле: «Всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы в пределах Российской Федеративной Советской Республики отменяется навсегда» [5, с.407]. Закон о социализации земли в некоторой степени, хотя и не в полной мере, урегулировал вопросы распоряжения природными ресурсами: «Распоряжение недрами земли, лесами, водами и живыми силами природы предоставляется, в зависимости от их значения, уездной, губернской, областной и федеральной советской власти, под контролем последней». В то же время, по закону «порядок пользования и распоряжения недрами, лесами, водами и живыми силами природы будет определен особым законом», то есть этот нормативный акт не устанавливал формы собственности на леса.[6, с.407].

Между тем интересы государства требовали законодательного закрепления основных положений правового режима лесов и регламентации рационального, планового использования лесных ресурсов. Эти задачи впервые были решены Декретом ВЦИК от 27 мая 1918 г. «О лесах». Этот акт вошел в историю под названием «Основной закон о лесах».

Декрет «О лесах» стал теоретическим и практическим фундаментом для построения последующего советского лесного законодательства, определил главные направления дальнейшего его развития. Декрет положил начало правовому регулированию новых, социалистических общественных отношений по поводу использования лесных ресурсов. «Основной закон о лесах» состоял из 8 разделов, включающих 120 статей. Леса признавались общенародным достоянием Советской Республики, для управления лесами вводился специальный орган – Центральное Управление Лесов Республики. Советская власть брала на себя регулирование всех вопросов, связанных с использованием леса: руководство технической стороной ведения лесного хозяйства, содержание и открытие лесных учебных заведений, развитие лесных промыслов на основе артельного и коллективного хозяйства, распределение лесных продуктов на сельскохозяйственные, определение размеров требований

населения в древесине и многое другое. Объявлялась государственная монополия на внутреннюю и внешнюю торговлю лесом. [6, с.5]. Распространение на леса режима государственной собственности предполагало запрещение всякого рода сделок по поводу лесов. Данным актом была запрещена также субаренда участков леса.

Основной закон о лесах 1918 г., закрепив право государственной собственности на леса, сформулировал и правовые принципы отношений лесопользования: пользование лесами доступно каждому физическому и юридическому лицу; лесопользование устойчиво; ему присущ возмездный характер; оно имеет целевое назначение; лесное хозяйство ведется на плановой основе; управление лесами централизовано; осуществляется специальная правовая охрана лесов; должно постоянно производиться лесовозобновление и лесоразведение с целью улучшения состояния лесов. Все леса делились на защитные, где лесопользование было ограничено, и эксплуатационные, предназначенные для извлечения из них каких-либо материальных лесных или денежных выгод [6, с.17]. Все эти нормы нашли отражение в дальнейшем развитии лесного законодательства.

Таким образом, исторический опыт показывает, что господствующей формой собственности на леса в России исторически была государственная форма собственности, и именно она обеспечивала их эффективное использование. Лес характеризуется длительным сроком выращивания и поэтому требует устойчивого управления и ведения лесного хозяйства. Лесной устав дореволюционной России действовал длительное время не имел серьезной реорганизации. Это говорит о сложении устойчивой формы управления лесами и ведения лесного хозяйства в царской России, чего не хватало в последующий период. В то же время, советское лесное законодательство, несмотря на полное отречение нормативных документов дореволюционного периода, заимствовало опыт лесопользования до 1917 года. Оно так же делит леса на отдельные категории по целевому назначению, что позволяло более эффективно организовать их использование и обеспечить мероприятия по их защите, охране и воспроизводству.

Библиографические ссылки

1. Васильев П.В. Развитие лесного хозяйства и лесозащитной науки в СССР // Достижения науки в лесном хозяйстве СССР за 40 лет. М., 1957. 238 с.
2. Декрет II Всероссийского съезда Советов о земле // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. с.17-20.
3. Декреты, положения и инструкции по землеустройству и Основной закон о лесах. Калуга, 1921. 124 с.

4. Невзоров Н.В. Вопросы размещения лесозаготовки в России перед Первой мировой войной. Т. X // Труды Института Академии наук СССР. М., 1953.
5. Основной закон о социализации земли // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. 450 с.
6. Основной закон о лесах Российской Социалистической федеративной Советской республики от 27 (14 мая) 1918. Пермь, 1918. 450 с.
7. Писаренко А.И. Лесное хозяйство России от пользования – к управлению. М., 2004. 198 с.
8. ПСЗРИ. Т. VII. Собрание второе. 1832г. Спб., 1833.
9. Устав лесной, с включением положения о сохранении и сбережении лесов и о казенных оборочных статьях / Сост. В. Семенов. СПб.: Типография А.Л. Трунова, 1900. с.77.
10. Хансйорг Кюстер. История Леса. Взгляд из Германии. М., 2008. 238 с.

V. S. Stepanova

TO THE QUESTION OF THE CHANGE IN THE FORESTRY LEGISLATION OF RUSSIA IN 1917 – 1918

This article considers the issue of changing Russian forestry legislation after the events of 1917. Revolutionary transformations affected all aspects of society, in particular, the new way of life radically changed the question of property.

Keywords: forest legislation, Forest regulations, forest conservation, Decree on land, Basic Law on Forests.

УДК 77

И. А. Якимычева

(научный руководитель – к. и. н., доцент Г. С. Егорова)

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ПРИХОД ЖЕНЩИН В РЕВОЛЮЦИЮ

В статье ставится задача выяснить причины прихода женщин в революцию через призму влияния социальных факторов. На основе источников личного происхождения были проанализированы сословное происхождение, возрастные особенности, уровень образования, семейное положение, профессиональная принадлежность революционерок.

Ключевые слова: революция, женское движение, социальные факторы, Великая российская революция.

Период второй половины XIX - начала XX вв. был отмечен борьбой женщин за расширение своих прав. В Российской империи, как и во многих странах мира, женщины были ограничены не только в политических правах, но и в возможности самореализации вне семейных обязанностей. Процессы модернизации, сопровождающиеся обострением социальных проблем, отразились на росте революционного движения в целом. Неудивительно, что в данный период широко распространяются революционные взгляды среди женщин, обусловив массовый приход женщин в революционные организации.

Освободительное женское движение в России возникло на волне крупных политических потрясений и социальных кризисов в середине XIX века в среде образованных женщин-дворянок одновременно в двух направлениях: легальном, в рамках умеренного либерализма, и подпольном – радикальном.

Пропаганда необходимости женской эмансипации в России была начата мыслителями, революционными демократами, обеспокоенными бесправным положением русских женщин, находящихся на разных уровнях социальной лестницы. Михаил Ларионович Михайлов, русский революционер, писал: «Признавая женщину тоже членом общества, как мы это и делаем на словах, следует дать ей все исчисленные права. В какой мере и как она ими воспользуется – это уже не наше дело. Как существо мыслящее она требует этих прав, и мы обязаны дать ей их, как дадим их рано или поздно пролетарию и невольнику-негру. Несомненно, одно, что действия её будут настолько же, насколько и действия мужчины, направлены на поддержание и развитие личных, семейных и общественных интересов» [11].

Р. Стайтс, анализируя освободительное движение российских женщин, отмечает, что идеи эмансипации получили широкое распространение и разделялись несколькими поколениями русской интеллигенции. Однако в мужском мире были не только поборники изменения и улучшения социального положения женщин, но и противники [14]. Французский политик-консерватор Прудон осуждал участие женщин в иных сферах деятельности, кроме материнства: женщины, по его мнению, - воспитательницы будущих полезных граждан для общества, поэтому все интересы её должны быть сосредоточены под домашней кровлей, дом – это исключительное поприще её действия. «Воспитание не должно увлекать её за пределы этой законной её сферы; занятия изящными искусствами, полезными рукодельями наполнят досуги, остающиеся ей от забот матери и хозяйки дома». Сторонник равноправия М.Л. Михайлов выступал с критикой подобных взглядов [11].

В статье ставится задача изучить причины прихода женщин в революцию через призму влияния социальных факторов. В основу

исследования легли данные о 30 революционерках Российской Империи (см. Таблицу 1), которые внесли наибольший вклад в развитие революционного движения с конца 19 века по 1917 год. Что обусловлено развитием марксистской идеологии, появлением крупных революционных партий, массовое внедрение в них женского населения и завершением революционных процессов.

Интерес историков к изучению женского вопроса в последнее время заметно усиливается, что связано с изменением исторической парадигмы, обусловленной появлением в первой половине XX века «школы Анналов». Новая социальная история ставит своей задачей всестороннее изучение общества, что невозможно постичь без изучения взаимодействия полов в целом и «второго пола», в частности, долгое время пребывавшего в тени мужчин – «творцов истории».

Споры о роли женщины в обществе, об ее вкладе в политические процессы на каждом этапе исторического процесса имеют особый характер. В современной историографии исследователи ставят своей целью изучение общественной роли женщин в истории страны.

Комплексного, исчерпывающего исследования, посвященного роли женщин в революции пока нет. Женский фактор в революции как историческое явление практически не исследуется, однако существует значительное количество работ, напрямую или косвенно проливающих свет на отдельные вопросы данной проблематики. Значительный прорыв сделан в исследовании истории женского вопроса в России, исследователи больше обращают внимание на историю борьбы женщин за равные права с мужчинами, нежели на участие в революции в целом.

И.В. Алферова упоминает в своей статье, что протест женщин-работниц послужил триггером для развития революционных процессов в феврале 1917 г.: «Проявив себя в качестве взрывоопасной социальной группы, они тем самым привлекли внимание всех политических сил, которые в революционной России начали борьбу за политическую власть» [1].

В статье Дунаевой «Женское лицо революции» описывается стойкость, героизм и преданность идеям женщин начала века. Их вклад в революционное движение сложно переоценить: «Женщины активно участвовали во всех формах революционного движения, от трудовой деятельности в народе до распространения нелегальной литературы, от пропаганды до террористических актов» [8].

Подробно раскрывая значение женщин в революционной борьбе, данные работы упускают мотивы их прихода в революционное движение.

Большой вклад в изучение нашей темы вносят отдельные труды биографического характера, однако жизнедеятельность далеко не всех революционерок удостоилась отдельных исследований. Таким образом, комплексное изучение причин, вдохновивших женщин на революционную борьбу, представляется актуальным.

Формирование политических воззрений женщин происходило под влиянием спектра факторов. Начнем с происхождения, так как в условиях сословного общества оно определяло систему взглядов, возможность получения образования, круг общения и т.д.

Основываясь на нашей выборке, очевидно численное преобладание революционерок, вышедших из привилегированных слоев общества: из 30 женщин – 18 относились к дворянству, 3 буржуазии и 2 духовенству, 3 вышли из среды интеллигенции, 3 родились в крестьянских семьях (А.А. Биценко, М. М. Школьник), только 1 происходила из мещанского рода. Что сформировало интерес женщин аристократических кругов к изменению строя? Во-первых, качественное, разностороннее образование, предполагающее знакомство с достижениями современной общественной мысли, во-вторых, чуткое восприятие социальной несправедливости эпохи модернизации и становления индустриального общества, в-третьих, сочувствие людям низшего сословия. Отдельно стоит упомянуть также возможности самореализации в революционной деятельности: женщинам из привилегированных слоев не нужно было трудиться, зарабатывая в поте лица кусок хлеба, все свободное время они могли посвятить революции.

Следует отметить влияние умонастроений в семье, к примеру, дворянка, Е.Д. Стасова в своих воспоминаниях подчеркнула роль своих близких в становлении ее революционных взглядов: «Очевидно, что эта деятельность родителей повлияла и на меня. Это отразилось на той литературе, которую я стала читать» [16].

Сочувствие людям более низкого социального положения шло из семьи: «Мать в это время принимала больных. Мне частенько приходилось помогать ей. Перед забором, огораживавшим дом и сад, постоянно стояли телеги крестьян, приезжавших из далеких деревень...» [16].

Стасова очень почитала своих родителей, особое значение в ее жизни имел ее отец, она следила за его деятельностью, подражала ему. В обращении к своему отцу писала: «Я люблю вас, но не могу отказаться от своих убеждений, и этому ты сам меня научил. Когда ты собирал подписи против матрикуляции студентов, твои братья, конечно, говорили: «Что ты делаешь, Дмитрий? У тебя на руках молодая жена!». Но ты не отказался от своих убеждений и скоро был исключен со службы. А потом ты вел бесконечные

процессы по политическим делам и принимал участие в самых разнообразных общественных организациях, за что и был выслан из Петербурга. И опять ведь твои братья говорили тебе: «Что ты делаешь, Дмитрий, ведь у тебя шесть человек детей на руках! Но ты продолжал делать то, что ты считал нужным по своим убеждениям» [16].

Отец вдохновлял своей основательностью и профессионализмом: «Помню, однажды он обратился ко мне с просьбой изложить ему разницу в программах социал-демократов и эсеров и после этого сделал вывод: «Надо мне прочесть Маркса, а то бродишь как-то ощупью» [16].

Известны случаи, когда в революционную борьбу уходили несколько родственников, например, сестры Екатерина и Александра Измайлович [8].

Путь в революционное движение для многих был извилист, однако ощущение социальной несправедливости современного им общества присутствовало с юношеских лет. Так, Инесса Арманд прошла путь от толстовства, организации школы для крестьянских детей, деятельного участия в Московском обществе по улучшению участи женщин. Однако осознание, что вся ее деятельность – полумеры, толкнуло ее на разрыв с религией и толстовством и предопределило уход в революционное подполье [10].

Также были случаи, когда от семейных уз вовсе отказывались ради революционной деятельности. Так, ни замужество, ни дети не давали Евгении Бош жизненного удовлетворения, а скорее наоборот, усилили и ускорили стремление вырваться из тесной мещанской скорлупы – на простор широкой общественной жизни.

Уходя с головой в политическую работу, Евгения почти никакого времени и внимания не уделяла личной жизни. При первой же возможности приступить к революционной работе, она резко отодвигала личные переживания на задний план [5].

Невозможность социальной самореализации также стимулировала уход женщин в революционное движение. Яркими представительницами нового типа женщин, отказавшихся от естественной для того времени роли матери и супруги, были активные участницы революционного движения, во многом нигилистки по взглядам: В.Н. Фигнер, В.И. Засулич, О.С. Любатович, Е.К. Брешко-Брешковская [6].

Фигнер и Засулич никогда не состояли в браке и не имели детей. О.С. Любатович, даже будучи беременной, носила тяжелые ящики с взрывчаткой. Беременность и рождение детей, по сути, были «побочным» результатом ее деятельности. Холодность матери к первенцу привела к тому, что девочка заболела менингитом и умерла. Вскоре О.С. Любатович родила вторую девочку, которую поспешила оставить своей знакомой на воспитание.

Революционерка считала, что люди, посвятившие себя революционной деятельности, как солдаты «под градом пуль», должны оставаться одни, полностью отдаваясь выбранному делу [12].

Дворянка Е.Д. Стасова считала семью темницей, вырвавшись из которой, можно заняться настоящим делом [15]. И. Арманд, прочитав в пятнадцать лет «Войну и мир», была страшно разочарована судьбой Наташи Ростовской, которая, по ее мнению, превратилась в «самку». В бумагах личного характера Арманд признавалась, что для нее смысл жизни состоит не в материнстве и замужестве, а в том, чтобы «стать человеком» [2].

А.М. Коллонтай после рождения сына оставалась верной женой и матерью в течение четырех лет, затем оставила семью, включившись в революционную борьбу. Ей принадлежат строки: «Я хотела быть свободной. Маленькие хозяйственные и домашние заботы заполняли весь день... Как только маленький сын засыпал, я целовала его мокрый от пота лобик, плотнее закутывала в одеяльце и шла в соседнюю комнату, чтобы снова взяться за книгу Ленина» [9].

Для Коллонтай любовь к собственному ребенку представлялась формой эгоизма. Она воспринимала замужество и материнство как нечто, ограничивающее свободу женщины. «Чтобы стать действительно свободной, женщина должна сбросить тяготеющие на ней путы современной, отжившей, принудительной формы семьи... При современных, обычаях и законом утвержденных формах семейного уклада женщина страдает не только как человек, но и как жена, и как мать» — писала Александра Михайловна в 1909 году [9].

Для многих активисток социально-политического движения, нигилисток по своим убеждениям, материнство становилось помехой на пути дела всей их жизни. Среди студентов-революционерок была распространена такая точка зрения: «беременность удаляет женщину от политической и духовной жизни, лишает ее возможности быть членом общества» [13].

В женских «текстах» начала XX века все чаще появлялась не просто критика материнства, но и крайняя степень его отрицания, граничащая с ненавистью.

В своих последних высказываниях по поводу домашней жизни Коллонтай называет женской тюрьмой не столько детскую комнату, сколько кухню. "Пусть мужчины научатся ценить и любить женщину не за то, что она хорошо месит тесто, - обращалась она к своей аудитории, - а за то, что в ней есть привлекательного, за ее личные качества, за ее человеческое "я"[14].

Подобные случаи позволяют охарактеризовать особое отношение революционерок к любви, семейным обязанностям, роли жены и матери.

«Новые женщины» рубежа XIX–XX веков на практике или в теории стремились доказать возможность реализоваться вне семьи, занимаясь образованием, профессиональной деятельностью, участвуя в революционном движении. Всё расширяющиеся горизонты публичной деятельности делали приватную сферу семейной жизни, брак и следовавшее за ним материнство не единственным жизненным сценарием для женщины.

Кроме влияния близкого окружения, сама жизнь, полная ограничений, социальной, национальной, политической дискриминации вынуждала женщин присоединиться к революционному движению. Биограф Розы Люксембург Рольф Шнайдер писал: «Можно сказать, что судьба обездолила её трижды: как женщину в обществе, где главенствуют мужчины, как еврейку в антисемитском окружении и как калеку». Слишком рано осознав свою обделенность, Роза пошла по пути, на который вставали тогда многие молодые люди: она увлеклась политикой [4].

Также интересен приход в революцию участницы женского движения Школьник М.М. Из воспоминаний: «Наша бедность в это время была неопишима. Весь заработок уходил на покрытие долгов и на уплату процентов. Чтобы заработать немного денег, мать решила продавать овощи в городе...Смерть моей тетки, молодой замужней женщины лет тридцати четырех, заставила меня задуматься вообще о нашем положении... Мой хозяин и не думал учить меня шитью. Большую часть времени я была занята двумя маленькими детьми, которых моя хозяйка оставляла на мое попечение. Так я «проучилась» там два года. Было условлено, что меня отпустят домой на время полевых работ. Договор был такой: первый год я должна учиться бесплатно, за второй год получу двадцать пять рублей. Но судьба сыграла со мной одну из своих шуток. К концу второго года, когда я мысленно то и дело принималась считать деньги, которые должна была скоро получить, произошли неожиданные события, и я никогда не увидела своих тяжелым трудом заработанных денег... Весной 1898 года рабочие Вильны начали борьбу за десятичасовой рабочий день. Рабочие, разочарованные неудачей забастовки, стали искать новых путей сократить рабочий день. Они стали организовывать кружки самообразования, где они читали о жизни рабочих за границей и об их борьбе за права и свободу. Я была принята в один из таких кружков» [17].

Как отмечалось выше, образование было одним из ключевых факторов обращения женщин к революционным идеям. Из 30 исследуемых женщин: 14 обучались в Институтах, университетах, семинариях, консерваториях, 7 – получили образование на различных курсах, 7 девушек прошли обучение

только в гимназиях, 1 – в профессиональной школе, и только у 1 девушек не было возможности учиться совсем.

Большинство (21) революционерок получили высшее образование, что не было случайным. Хорошее воспитание и образование формировало целеустремленность, верность идеалам, совестливость, что, отчасти, объясняет, начало становления революционерок именно в период учебной деятельности.

Не секрет, что затхлая нравственная атмосфера в начальных и средних учебных заведениях, где сохранялась приверженность устаревшим методам обучения и воспитания, толкнула в объятия революции многих будущих государственных деятелей (И.В. Сталин, А.И. Микоян). Для многих девушек это также послужило триггером к борьбе за изменения социального строя общества [13]. М. Спиридонову, благодаря хорошему домашнему образованию в 1895 г. приняли сразу во 2-й класс Тамбовской женской гимназии. 2 июня 1901 г. ей был выдан аттестат, в котором было записано, что она «удостоена звания ученицы, окончившей полный курс обучения». После этого Мария поступила в 8-й, дополнительный, класс. Но уже 14 февраля 1902 г. педагогический совет гимназии рассмотрел заявление: «По расстроенному здоровью и домашним обстоятельствам я желаю прекратить занятия в VIII классе гимназии, почему покорнейше прошу Педагогический Совет возвратить мои документы». Она стала работать конторщицей в Тамбовском губернском дворянском собрании. Первые шаги в революцию Мария сделала в 1900 — 1901 годах. Еще в 6-м классе гимназии примкнула к тамбовской эсеровской организации, а затем стала членом боевой дружины. Готовность к самопожертвованию, вера в партийные идеалы, основанная скорее на чувствах и эмоциях, чем на основательном знании теории, революционный фанатизм — вот черты, которые выделяли Спиридонову в эсеровской среде [3].

Влияние революционной пропаганды, накануне и в период Первой русской революции, усилило данный процесс вовлечения женщин в революцию и сподвигло учениц на решительные поступки. Они устраивали собственные забастовки и горячо поддерживали стачки рабочих.

Например, в обращении гимназисток первой женской гимназии, поданном собранию учителей Самары 19 октября 1905 г., выражалась солидарность с пролетариатом: «Сознавая общность наших интересов с интересами всей борющейся России, авангардом которой в революционной борьбе является рабочий класс, и объявляя нашу забастовку чисто политической, мы прекратим ее лишь тогда, когда встанут на работу товарищи» [13].

Помимо распространения «нелегальщины», учащимися велась также устная пропаганда внутри учебных заведений и среди солдат.

Например, этим занималась ученица зубоврачебной школы Казани Л. Пэрсон, которая на специально снятой для этого квартире вела агитацию среди «нижних чинов». Согласно полицейскому протоколу, она беседовала с солдатами «и убеждала их, в случае беспорядков в Казани, отказаться стрелять. На последнем собрании, раздавая прокламации, предлагала разбросать их внутри казарм» [13].

Письмо ученицы Ксенинской женской гимназии в Казани Д. Смирновой, датированное 1906 годом, демонстрирует непоколебимую уверенность в правильности выбранного жизненного пути: «Я вступила в партию... Новое дело берет у меня все время. Завладело всеми моими мыслями и чувствами. Все для меня ново, полно глубокого, захватывающего интереса... Когда имею дело с рабочими, переживаю особенно радостное чувство. Я нашла наконец-то, чего так долго искала. Я — большевичка» [13].

Ричард Стайтс отмечает, что процесс обучения был скучным и сухим, враждебным любой инициативе или "чрезмерной любознательности", и не давал какой бы то ни было значимой подготовки к будущей жизни, даже в ее простейших проявлениях. Основной акцент делался на послушание, строгое следование учебному плану и предписаниям начальства. Наказанием за нарушение правил, которые регламентировали все, вплоть до того какую прическу должна носить ученица, было лишение ее возможности увидеться в воскресенье со своими родителями. «При таком режиме молодая девушка по достижении зрелости не только теряла связи с семьей, но и оказывалась совершенно не готовой к жизни» [14].

Как мы увидим впоследствии, многие русские женщины, воспитанные в помещичьих усадьбах, испытали возвышенные и в то же время мучительные порывы альтруизма в результате свойственного определенной части общества "социального фантазирования"- мечтаний, в которых девушки-дворянки приходят на помощь угнетенным, защищая их от общего врага: холодной и бездушной власти.

Таким образом, изучив источники личного происхождения и биографии ведущих революционерок, мы смогли установить влияние следующих факторов на приход в революцию. Происхождение из привилегированных слоев общества, давало возможность получить хорошее образование, обеспечивало финансовую стабильность и наличие свободного времени для посвящения себя революционной борьбе. Большую роль в становлении взглядов сыграло воспитание и семейных круг, в котором выросли девушки или замужество, которое изменило или укрепило их взгляды. Социальная несправедливость и любые формы дискриминации, как в отношении самих девушек, так и в отношении окружающих, толкали их на поиск справедливости, которую они смогли найти в революционном движении.

Крупнейшие женщины-революционерки конца XIX - начала XX в.

ФИО	Происхождение	Образование	Профессия / деятельность
Арманд И.Ф.	дворянка	университет, экономист	учитель, пропагандистская работа
Балабанова А.И.	дворянка	университет, доктор философии и литературы	пропагандистская и лекторская работа
Бартенева Е.Г.	дворянка	институт благородных девиц	литературная и пропагандистская деятельность
Беневская М.А.	дворянка	университет, институт, естествовед и медицина	техник (изготавливала бомбы)
Биценко А.А.	крестьянка	педагогические курсы	боевая организация и просветительская деятельность
Бош Е.Б.	дворянка	гимназия	подпольная революционная деятельность
Брешко- Брешковская Е.К.	дворянка	гимназия	культурно - просветительные и организационные работы
Варенцова О.А.	крестьянка	женские курсы, домашняя наставница	революционная деятельность, преподавание, писатель
Величкина В.М.	духовенство	институт, медицина	фельдшер, культурно- просветительская работа
Езерская Л.П.	дворянка	гимназия	зубной врач

Продолжение таблицы

ФИО	Происхождение	Образование	Профессия / деятельность
Засулич В.И.	дворянка	пансионат, домашний учитель, акушерские курсы	письмоводительница, переплетчица, агитационная деятельность
Землячка Р.С.	буржуазия	университет, медицина	пропагандистская деятельность
Измайлович А.А.	дворянка	гимназия	организационная и пропагандистская деятельность
Каховская И.К.	дворянка	педагогический институт	пропагандистская деятельность
Коллонтай А.М.	дворянка	университет	пропагандистская агитационная деятельность
Крупская Н.К.	дворянка	Бестужевские курсы	учитель, писатель, пропагандистская деятельность
Куделли П.Ф.	интеллигенция	высшие женские курсы	учитель, пропагандистская деятельность
Леонтьева Т.А.	дворянка	институт благородных девиц	террористическая деятельность
Лисинова Л.А.	буржуазия	экономический университет	просветитель, организатор и пропагандист
Любатович О.С.	дворянка	университет, медицина	пропагандистская деятельность
Рогозинникова Е.П.	интеллигенция (тапер - музыкант)	консерватория	террористическая деятельность

Окончание таблицы

ФИО	Происхождение	Образование	Профессия / деятельность
Самойлова К.Н.	духовенство	Бестужевские Высшие женские курсы, высшая школа общественных наук	организационно - пропагандистская работа
Слуцкая В.К.	мещанка	гимназия	дантист, агитационная деятельность
Спиридонова М.А.	дворянка	гимназия	канторщица, терроризм
Стасова Е.Д.	дворянка	гимназия	учитель, подпольная партийная работа
Фиалка- Рачинская Р.М	интеллигенция	профессио- нальная школа	агитационная работа
Фигнер В.Н.	дворянка	институт благородных девиц, университет, врач	фельдшер, пропагандистская деятельность
Школьник М.М.	крестьянка	нет	рабочая, агитационная деятельность, терроризм
Яковлева В.Н.	буржуазия	высшие женские курсы, естествовед	преподаватель, пропагандистская и организаторская деятельность
Яснева – Голубева М.П.	дворянка	женская учительская семинария	учитель, организационная типографическая деятельность

Библиографические ссылки

1. Алферова И.В. 1917 г. в России: большевизм и феминизм в условиях социальной активности женщин-работниц. [Электронный ресурс]. Режим обращения: <https://cyberleninka.ru/article/n/1917-g-v-rossii-bolshevizm-i-feminizm-v-usloviyah-sotsialnoy-aktivnosti-zhenschin-rabotnits>, свободный. Яз. рус. (дата обращения 20.05.2017).
2. Арманд И. Статьи, речи, письма. М.: Политиздат, 1975. 287 с.

3. Безбережьев С.В. Мария Александровна Спиридонова. Исторический портрет. Рабкрин. [Электронный ресурс]. Режим обращения: <https://rabkrin.org/mariya-aleksandrovna-spiridonova-istoricheskiy-portret-statya>, свободный. Яз. рус. (дата обращения 20.05.2017).
4. Блауг М. Люксембург Роза // 100 великих экономистов до Кейнса . - СПб.: Экономическая школа. - 2008. 352 с.
5. Бош Евгения. Год борьбы. Борьба за власть на Украине с апреля 1917 г. до немецкой оккупации. М.: Госиздат, 1925. [Электронный ресурс]. Режим обращения: <http://bookre.org/reader?file=748964&pg=1>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 20.05.2017).
6. Брешко-Брешковская Е. Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873-1920 . М.: Центрполиграф, 2006. 336 с.
7. Дунаева Ю.В. Головков Г.З. Женское лицо русской революции, 1861-1917. - М., 2010. [Электронный ресурс]. Режим обращения: <https://cyberleninka.ru/article/n/2011-02-014-golovkov-g-z-zhenskoe-litso-russkoy-revolyuutsii-1861-1917-m-flinta-2010-517-s>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 20.05.2017).
8. Квасов О.Н. Мария Фёдорова – террористка и жертва террора. [Электронный ресурс]. Режим обращения: <https://cyberleninka.ru/article/n/mariya-fyodorova-terroristka-i-zhertva-terroga>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 22.05.2017).
9. Коллонтай А. Социальные основы женского вопроса. СПб. Знание, 1909. С.111.
10. Кремлев Сергей «Ленин. Дорисованный портрет».2017. 470 с.
11. Михайлов М. Л. Женщины и их воспитание и значение в семье и обществе. Утопический социализм в России. М., Политиздат, 1985. 365 с.
12. Мицюк Н.А. Отказ от материнства как жизненная программа. Об умонастроениях женщин в России на рубеже XIX - XX вв. // Человек. 2015. № 2. с.77-95.
13. Петайкина М.В. Учащиеся девушки Поволжья в революционных событиях начала XX века // Симбирский научный вестник. 2011. № 3 (5). с.23-26.
14. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860—1930. М.: РОССПЭН, 2004. с.236.
15. Стасова Е.Д. Воспоминания. М.: Мысль, 1969. с.16.
16. Стасова Е.Д. Страницы жизни и борьбы. Электронная газета «Наше прошлое, настоящее, будущее». [Электронный ресурс]. Режим обращения: <http://lenin-pam.narod.ru/stas.htm>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 22.05.2017).

17. Школьник М.М. Жизнь бывшей террористки. [Электронный ресурс]. Режим обращения: http://www.nnre.ru/istorija/_zhenshiny_terroristki_rossii_beskorystnye_ubiiicy/p4.php, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 22.05.2017).

I. A. Yakimicheva

THE INFLUENCE OF SOCIAL FACTORS ON THE ARRIVAL OF WOMEN IN THE REVOLUTION

The article deals with the reasons for the arrival of women in the revolution through the prism of the influence of social factors. On the basis of sources of personal origin (letters, memoirs, memoirs) much attention is given to class origin, age, education, marital status, professions of women revolutionaries.

Keywords: revolution, women's movement, social factors, Great Russian revolution.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акиншина Александра Николаевна – студент (бакалавр) группы И-115 Гуманитарного Института ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
alakin97@bk.ru

Андреев Николай Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
soc-vlgu@yandex.ru

Андрианов Алексей Александрович – студент (бакалавр) 5-го курса исторического образования Педагогического института ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
istoriarossii911@mail.ru

Большакова Диана Анатольевна – магистрант кафедры истории России ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
istoriarossii911@mail.ru

Воробьева Екатерина Андреевна – магистрант кафедры истории России ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
katarina.mel@yandex.ru

Гарибян Анаит Аликовна – аспирант «Центра устной истории по изучению Советского прошлого» Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения (НАН РА); Ереванский государственный университет
anahit-gharibyan@rambler.ru

Глазунов Сергей Радиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
sergynglaz@mail.ru

Голубкина Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История, археология и краеведение» Гуманитарного института ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет» имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
golubkina@vtsnet.ru

Горина София Романовна – студент (бакалавр) 5-го курса исторического образования Педагогического института ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
444774448@mail.ru

Дегтева Алена Викторовна – студент (бакалавр) группы ЗИМд-115 Гуманитарного института ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
mu123321@yandex.ru

Дорофеева Маргарита Станиславовна – студент (бакалавр) 3-го курса исторического образования Педагогического института ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
dormarstan@gmail.com

Егорова Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
birdsflighigh1@gmail.com

Ильина Елизавета Борисовна – студент (бакалавр) группы Имо-116 Гуманитарного института ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
elizaveta-ilina-1995@mail.ru

Канищев Валерий Владимирович - д.и.н., профессор, доцент кафедры всеобщей и российской истории Т.Г.У. им. Г.Р.Державина
Mr.MaximOblitsov@mail.ru

Климова Анастасия Юрьевна – студент (бакалавр) 5-го курса исторического образования Педагогического института ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
anastasiaklimova14101997@mail.ru

Метина Виктория Рудольфовна – аспирант 1 курса направления подготовки 46.06.01 "Исторические науки и археология" кафедры "История России" Педагогического института ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
viktoriyametinabrand@gmail.com

Митрофанова Алина Николаевна – студент (бакалавр) 5-го курса исторического образования Педагогического института ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
istoriarossii911@mail.ru

Николаева Ирина Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
irina.nikolaeva.V80@yandex.ru

Облицов Максим Анатольевич – студент (бакалавр), 4 курс, направление подготовки: история, Факультет истории, мировой политики и социологии Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина
Mr.MaximOblitsov@mail.ru

Опарин Дмитрий Александрович – аспирант кафедры истории России ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
oparin-dmitrii92@yandex.ru

Орлик Елена Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
soc-vlgu@yandex.ru

Петиганова Марина Николаевна – студент (бакалавр) 5-го курса исторического образования Педагогического института ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
petiganova96@mail.ru

Петрова Вера Александровна – студент (бакалавр) 5-го курса исторического образования Педагогического института ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
helenp94@mail.ru

Петровичева Елена Михайловна – доктор исторических наук, профессор директор Гуманитарного института ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
helenp94@mail.ru

Петросян Дмитрий Ильич – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Гуманитарного института ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
soc-vlgu@yandex.ru

Птицына Галина Михайловна – аспирант кафедры истории России ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
ms_ptitsina@mail.ru

Соколова Мария Дмитриевна – магистрант кафедры истории России ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
istoriarossii911@mail.ru

Степанова Варвара Сергеевна – педагог дополнительного образования МАУ ДО «Дворец детского и юношеского творчества»
Shana2008@yandex.ru

Тряхов Илья Сергеевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
ilja.tryahoff@yandex.ru

Якимычева Инесса Артуровна – студент (бакалавр) 5-го курса исторического образования Педагогического института ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
inessa-2019@bk.ru

Научное электронное издание

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В РОССИИ:
ИСТОКИ, ОЦЕНКИ, ЗНАЧЕНИЕ

Сборник материалов по итогам международной
научной конференции

24 – 25 октября 2017 г.

г. Владимир

На заставке размещена репродукция картины Б. М. Кустодиева «Большевик»

Материалы представлены в авторской редакции

*За содержание материалов, точность приведенных фактов и цитирование
несут ответственность авторы публикаций*

Системные требования: Intel от 1,3 ГГц; Windows 7/8/10; Adobe Reader;
дисковод DVD-ROM.

Тираж 7 экз.

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых

Изд-во ВлГУ

rio.vlgu@yandex.ru